

Сергей Миронов

Корни Сергеи

ДЕСАНТНЫЕ ВОЙСКА

МИРОНОВ С.М.

Сергей Миронов

*Корни
Серёги*

Москва
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2) 6
М64

Мионов, Сергей Михайлович.

М64 **Корни Серёги** / Сергей Мионов. — М., 2023. — 224 с. : ил.

«Корни Серёги» — это ответ на многочисленные запросы читателей, обратившихся к автору «Серёги» — государственному деятелю, лидеру парламентской партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ЗА ПРАВДУ», руководителю фракции в Государственной Думе Сергею Миронову — с просьбой рассказать о своих предках: «Я дал обещание моему другу народному артисту РСФСР Александру Михайлову, многим читателям написать такую книгу. По мере того как данные архивов, воспоминания родственников и земляков, семейные фотоальбомы с краткими заметками на оборотах фотографий складывались в отдельные сюжеты и фрагменты, являющиеся частью величественного полотна истории нашей страны XX, XIX, XVIII веков, я всё явственнее стал различать на этом огромном полотне родные мне лица, осознавать значение каждого из них в моей собственной судьбе и в судьбе всего народа России. Наши корни укрепляют, питают, не дают сломаться каждому отдельному человеку и всему народу в периоды тяжёлых испытаний, дают силы выстоять и победить».

УДК 821.161.1
ББК 84(2) 6

© Мионов С. М., 2023

Уважаемые читатели! Дорогие друзья!

Моя книга «Корни Серёги» выходит во время специальной военной операции России по денацификации и демилитаризации Украины, по защите свободы и независимости нашей Родины и справедливого миропорядка.

Я много лет собирал материалы к этой книге. Искал свои корни.

Началась эта работа с поисков правды о судьбе моего репрессированного в 1937 году деда — Емельяна Еремеевича Миронова.

Сегодня, через 77 лет после Победы советского народа в Великой Отечественной войне, мы, как наши отцы и деды, вновь встали на защиту нашей Родины. Признаюсь, я обрадовался, когда услышал объявление Президента о начале специальной военной операции: с 2014 года не у одного меня — у многих болело сердце за Донбасс, который безнаказанно уничтожал подстрекаемый Западом киевский режим. Все эти годы я призывал признать ДНР и ЛНР и встать на защиту людей, с которыми у нас одни корни — одна история. И это свершилось.

Именно в этот год я получил сведения из архивов, которые долго искал: о моих предках, живших в XVIII, XIX веках и даже ранее. Я читал метрические книги, вглядывался в полуразмытые уже строчки о рождении, венчании, уходе моих предков и думал: это память о них хочет стереть Запад, ополчившийся на весь наш народ, это наши корни Запад хочет выкорчевать из земли, так обильно политой кровью защитников нашего Отечества. Ничего у них не выйдет. Может быть, за последние десятилетия наш народ впервые ощутил в себе небывалую силу и не отступит, потому что мы нашли свой единственный исторический путь — мы нашли свои корни.

Я нашёл свои корни...

Предки мои по отцу — из Смоленской области, из деревни Полоска, что неподалёку от Велижа (сейчас это Жарковский район Тверской области, раньше деревня Полоска была в приходе Троицкой церкви села Бобовая Лука Велижского уезда Витебской губернии). Старейшее из известных имён отцовского рода — Агриппина 1788 года рождения, мать Григория и Матрёны Мироновых. Жила моя прапрапрабабушка Агриппина в семье своего сына Григория, которому на ту пору был 21 год, и двадцатилетней невестки Анны неподалёку от имения Селезни — вотчины графа Александра Николаевича Мордвинова — сына того самого Николая Семёновича Мордвинова, который единственный отказался ставить свою подпись под смертным приговором пяти декабристам.

Церкви Святой Троицы Полоцкой епархии Велижского уезда, где крестились, венчались, прощались с миром мои предки, сейчас уж нет, хотя в 1906 году она ещё упоминается. Сейчас в приходе значится только Бобово-Лукский погост да память о селе. Село, кстати, — семейное гнездо рода Пржевальских, давших России великого путешественника Н. М. Пржевальского¹.

А в далёком XVIII веке у моего рода, пустившего глубокие корни на смоленской земле, было только отчество — Мионов, вот и прапрапрадед Григорий Мионов величался по батюшке. Фамилий в далёкую пору у крестьян, да и у дворян, не было, большинство фамилий в русской именной формуле произошло от отчеств (по крестильному или мирскому имени одного из предков), от прозвищ (по роду деятельности, месту рождения или просто по какой-то яркой черте характера).

---

¹ *Иванов Ю. Г., Агинская Е. Н., Иванова О. Ю., Халхатов Р. А.* Страницы истории Смоленщины. Смоленск, 2007.

Первые фамилии в русских землях появились у жителей Великого Новгорода.

В Великий Новгород и отправился я искать свои корни уже по материнской линии. Оказалось, вторая ветвь — предки по материнской линии — из деревни Некшино Чудовского района Новгородской области. Близ Великого Новгорода жил мой прапрапрадед Пётр Петров (ок. 1835 года рождения) — далёкий родственник моей любимой бабушки Даши. Известно, что Пётр Петров 5 февраля 1870 года породнился со Стефаном Осиповичем Портянкиным 1813 года рождения, выдав свою дочь за его сына — рядового Илью Стефановича Портянкина, водворённого на крестьянство в деревню Некшино, и 11 марта у Ильи и Евдокии Портянкиных родилась двойня: моя бабушка Даша и её брат Никифор. Стефан Портянкин оказался долгожителем, прожил он 80 лет — с 1813 по 1893 год.

В первый раз фамилия моего прадеда Портянкина упоминается в Книге писцовой и межевой письма и меры столпника Никиты Телегина да подьячего Трофима Анцыфорова 1684 года по Землянскому уезду как «казак, несущий городовую службу» (Землянск, село Семилукского района Воронежской области города Землянска). Надо сказать, что городовые казаки или поместные казаки (станичные, сторожевые, полковые и другие) — это категория государственных служилых людей по прибору на Руси XIV–XVII веков, поселявшихся при пограничных крепостях (сторожах, станицах, юртах и так далее) и получавших землю и жалованье при условии несения постоянной сторожевой (пограничной) службы на окраинных территориях. Городовые казаки набирались на службу из вольных охочих людей (добровольцев), не состоявших в тягле, и помимо земли, хлебного и денежного жалованья получали от государства за службу льготы по торговле и промыслам. Общее руководство городовыми казаками осуществлял Стрелецкий приказ.

Так вот протянулась тонкая ниточка от казака Портянкина, служившего близ Воронежа в годы правления братьев Ивана V и Петра I, — к Портянкиным, поселившимся близ Балтийского моря.

Пётр I в конце февраля 1696 года прибыл в Воронеж строить российский флот. Верфи для строительства военно-морских парусников были расположены и в Землянске. Чтобы построить Азовский флот, Пётр I приказал собрать в Воронеже более 20 тысяч крестьян и служилых людей из окрестных сёл и городов. Работал топором и сам царь. Могло легко предположить, что кто-то из семьи казака Портянкина сначала трудился на верфи, а потом, когда начала создаваться регулярная армия, ушёл вместе с тысячами солдат на Север, чтоб возвратить России Балтийское море, отнятое Швецией у нашей страны в 1617 году в результате невыгодного нам мира. Выход к балтийскому побережью имелся у новгородцев, но в России шла подготовка к войне со шведами, и Петр I делал всё, чтобы укрепить Новгород и Псков и построить свой флот, и стягивал туда военные и трудовые силы «России молодой»

Думаю, такой же путь прошли Портянкины и обосновались после окончания Северной войны у «окна в Европу» — под Санкт-Петербургом — в местах, где с давних пор жил народ «чудь» и где, судя по книгам, чудесным образом был спасён повествователь «Путешествия из Петербурга в Москву». В деревне Некшино¹ близ Чудова.

Неподалёку от Некшино, в деревне Любунь, жили и предки моего родного дедушки, отца моей мамы — Фёдора Варламова: его дед — Тимофей Варламов и отец — Никита Ти-

---

¹ Название Некшино имеет древнюю антропонимическую базу. Образовано от композитов с начальным Ньго- (прасл. *Negoslavb, *Negoradb, *Negomirh) или Ньг- (с усечением о), от личного, скорее всего, имени др.-новг. Ньгошька XII в. (встречается в новгородских берестяных грамотах).

мофеевич Варламов 1840 года рождения. Он прожил 65 лет, умер в 1905 году. Был женат дважды. Первая его жена Агафья Васильевна умерла от горячки 28 лет от роду 15 октября 1870 года. Вторая жена, Стефанида Михайлова, была крепкого здоровья и родила ему 11 детей. Сохранилась запись в метрической книге о том, что Никита Тимофеевич Варламов женился на девице Стефаниде Михайловой.

Так со страниц чудом сохранившихся в архивах записей XVII–XX веков сходят как живые смоленчане Мироновы, новгородцы Петровы, Портянкины, Варламовы. Немного имён сохранилось в записях земли, так много претерпевшей в истории Отечества. Тем дороже мне эти зёрна памяти — свидетельство крепких крестьянских и солдатских — казачьих корней.

К началу XX века Мироновы жили на Смоленщине, держали кузницу, были лесорубами, участвовали в крестьянском восстании, позже раскулачены, глава семьи расстрелян за яблоки, которые вырастил и собрал на этой — когда-то своей земле, отобранной у него и ставшей бесхозной.

Варламовы жили в Новгородчине, в Приволховье, занимались изготовлением спичек, работали на спичечных заводах — Грузинском и Чудовском. Им была выдана земля бывшей помещичьей усадьбы в Большой Любуни со старым запущенным садом. За выращенные яблоки на этой чужой когда-то земле глава семьи был награждён грамотой на первой выставке в Москве — на ВДНХ.

Будто одной дорогой шли и Мироновы, и Варламовы, только одних эта дорога в ту пору вела на расстрел, других — к награде. Совсем скоро эта дорога станет дорогой войны, и пойдут они все по ней на фронт — да и фронт пришёл в их деревни быстро — территории приграничные.

Когда началась война, Михаил Миронов, мой отец, воевал неподалёку от Большой Любуни — родной для Варламовых, где прошло детство моей матери. Там же был связным у партизан и мой дед Фёдор Никитович Варламов.

В Пушкине, где родились я и моя старшая сестра Марина, мама и отец поселились после свадьбы. В Пушкин отец приехал после Великой Отечественной войны. Мама же, Галина Фёдоровна, приехала в Пушкин из Чудово, куда вернулась из эвакуации. Больше возвратиться было некуда, потому что её деревня в Новгородской области — Большая Любунь — была дотла сожжена фашистами и не возродилась, как и многие другие деревни в округе.

По крупицам я записывал отдельные моменты из жизни рода и продолжаю работать над восстановлением истории родной семьи. Это не дань моде и не простое любопытство — откуда я и кто были мои предки. Это сознательное решение. Считаю, что пора нашему народу научиться одному важному правилу жизни, гениально сформулированному Андреем Платоновым на изломе истории России XX века: «Без меня народ не полон!». Вот и я пытаюсь восполнить белые пятна истории своей семьи, работая с архивами, расспрашивая старших родственников, односельчан, друзей, потому что чувствую, что без них — моих бабушек и дедушек, без каждого человека из моей семьи — «народ не полон». А кто ещё восстановит историю их жизни, если не я?

Книга не является конечной — это только одна страница из жизни семьи, как в зеркале отразившей историю России XVIII — начала XXI века. Мне становится легче, когда хотя бы какая-то часть истории моей семьи восстанавливается. Когда семейные легенды вдруг находят подтверждение в чудом сохранившихся метрических книгах и других документах. Будто срастаются изломы повреждённого дерева, и жизненный сок сильнее начинает течь по его ветвям¹.

---

¹ В книге текст автора идёт привычным шрифтом, фрагменты книги — допущения, основанные на доступных фактах, выделены курсивом, исторические справки и архивные документы — жирным шрифтом.

ЧАСТЬ I

МИРОНОВЫ

Из истории моего рода

по линии отца.

События до 1941 года

Агрипина. У истоков рода Мироновых

Самое раннее свидетельство о жизни Мироновых в деревне Полоска Велижского уезда на Смоленщине относится к XVIII веку. Это супружеская пара: Мирон и Агрипина — прихожане Бобово-Лукского православного прихода. О Мироне практически ничего не известно, кроме того, что был у него надел земли и рабочий скот. До взрослых лет дожили дети его — Григорий и Матрёна.

Об Агрипине известно больше: известен год её рождения — 1788 год и то, что прожила она больше 58 лет и пережила своего супруга. Имя Агрипина (Аграфена, Груша, Груня) было популярно в России вплоть до начала XX века. Обычно этим именем называли женщин, родившихся в июне-июле.

Работниками Национального исторического архива Беларуси были просмотрены сохранившиеся ревизские сказки крестьян Велижского уезда Витебской губернии, которые хранятся в архиве. К сожалению, ревизские сказки деревни Полоска среди них отсутствуют. Зато был найден список крестьян деревни Полоска Велижского уезда Витебской губернии, среди которых — мои родственники, и Миронов в то далёкое время было отчеством.

Наша Агрипина была простой русской женщиной, наверное, как все велижские крестьянки, немного суеверной. Учитывая отдельные приметы времени, я попробовал воссоздать образ моей прародительницы.

— Здоров Богу, хозяину!

— Григорий, волочѣбники пришли, — с музыкой ходють — и со скрипкой, и с гармошкой. Открой, не то корить начнут, — Анна боялась сглаза младенцу, схватив ребѣнка, спряталась за занавеской.

*А Гришкин двор на горе стоить.
Кругом двора — каменна стена,
А вереюшки всё точѣные,
А колечушки — полужѣнные.*

— Здоров Богу! Проходите, люди добрые, великодные. — Григорий подвинул лавку волочѣбникам, окинув их бегло, чтоб не бросилась в глаза привычная осторожность. Но тут заметил старшего — высокого бородатого мужика-лайбашника, гоняющего караваны гленей по Мѣже. Сам шишкой, сына поставил в сходочные. Не сторговался с генерал-майором Кушелевым и Саломоном Абрамом Моейсеви-чем на плотогонные работы, за что и получил уважение по всей Мѣже.

Волочѣбники тем временем продолжали веселить хозяев:

*Сходи-ка в хлев, хозяйюшка,
Погляди-ка там порядочку.
Там десять коров отялилося,
Десять быков народилося.*

Григорий, поняв, что перед ним простые сплавщики, ответил веселее:

*Хозяюшки дома нету:
Хозяюшка за водой пошла,
За водой пошла на Дунай-ряку,
Да на Мѣже-реке рыбу нашла.*

Агриппина подхватила за сыном:

*Сыр на тарелке, рюмка горелки,
Христос воскрес, сын Божий!*

Гостей угощали сытно, гости засиделись. Анна в новой снованке¹ за шторкой ждала, когда они уйдут, крестилась, она до ужаса боялась, что напугают ребёнка. Агриппина невестку не осуждала, сама помнила, как прятала Григория, едва завидит чужих, было страшно, люди говорили, что в Велиже колдуны охотятся на младенцев, и все матери глаз не спускали с ребят, говорили, что граф (так в деревнях звали владельца имени Николая Мордвинова) будто бы вступился за евреев перед католиками, но православному люду от этого не легче, потому что колдуны (непонятно, то ли евреи, то ли католики) колдовали против батюшки-царя, и он скончался вскоре после того, как на него навела порчу на велижской площади ведьма.

— Что слышно по Двине? — спросил Григорий Тимофея Авдусина, во втором только поколении лайбашника, спустившего в Велиже всю выручку ещё осенью. Странники заметно повеселели и были уже готовы к разговору. Видно было, что не в каждом дворе получают они угощение, а чаще ворота и вовсе не открывали или одаривали небогато, поэтому держали они путь в имение Селезни, но гостеприимный дом их задержал.

— Мы вот странствуем — славим Христа в праздник, а царь-то бродягой, говорят, по монастырям уж всю Россию обошёл. Лександр-то царь живой. Молится, ходит от монастыря к монастырю. Грехи замаливает наши, — усмехнулся Тимофей, но тут же набожно перекрестился. — А имя знаете какое взял?

— Какое? — Агриппине стало не по себе, но любопытно же.

— А Фёдора — младенца имечко взял, убиенного колдунами в Велиже. Бросилась к нему тогда на площади в ноги ведьма,

---

¹ Снованка — панёва, традиционная женская одежда.

как царь с царицею мимо Велижа проезжал, вот бросилась она ему в ноги да сказала, мол, её сына убили колдуны ради своих нечистых дел, сына Фёдора. Царь велел виновных схватить да наказать. А потом и выяснилось, что никакого сына у ведьмы не было отродясь, это она сама и убила младенца. Царь тогда сильно рассердился, начальству сказал в деле этом разобраться. А самому тошно стало от людей и младенца того жалко. Вот и отобрал у проклятой ведьмы имя мальчика, взял его да пошёл с этим именем по свету за народ молиться, чтобы народ от колдунов отвадить.

— *Что, хорошую я тебе, хозяйюшка, сказочку рассказал? — усмехнулся старый лайбашник, поклонившись занавеске, за которой от страха дрожала уж Анна, прижимая ребёнка к себе.*

Агриптина сердито взглянула на волочёбников, махнула слабо рукой. Подумалось: греховно такие-то речи и говорить, и слушать, да ещё про царя.

— *Господи, помилуй. Люди добрые, нехристи всякое болтают, негоже слушать такое в праздник, — сказала, решив всё-таки приструнить говорунов.*

Волочёбники засобирались, шумно задвигали лавкой, начали благодарить хозяев.

Старший поклонился:

— *Мы люди не злые, трудами кормимся, что река даёт, ведь вот как про нас говорят:*

*В зимнюю пору кой-где бродят,
А весной-то мы в расходе,
Кто на лодку, кто на барку,
А кто молча тянет лямку.*

Так что худым словом не поминайте ради Христа, ежели чем обидели...

Емельян Еремеевич. Мой дед по отцу

Вырос лес — выросло и топорщице.

Один человек из рода Мироновых занимает особое место: Емельян Еремеевич Миронов — мой дед по отцу. Родился он 19 августа 1874 года в деревне Полоска Сычёвского сельсовета Ильинского района Западной области. Сейчас территория бывшего Ильинского района входит в состав Западнодвинского и Жарковского районов Тверской области.

Был хорошим рыбаком. Рыбачил на реке Межа и на её притоке Обща. На западной Двине реку называют — Мёжа.

Воевал на фронтах Первой мировой войны.

Деда расстреляли в 1937 году как кулака. Хотя никакой он был не кулак, а просто имел крепкое хозяйство, два дома да детей: четырёх сыновей, которые работали в поле, да четырёх дочерей, которые также работали на подхвате. Сыновья: Леонтий, Гавриил, Михаил (мой отец), Никифор. Дочери: Евфросинья, Анастасия, Александра, Мария. Воспитывал дед и племянницу. Оба дома у деда отобрали, один — под школу.

Он не умел смиряться с несправедливостью, не мог подстраиваться и предавать: когда надо было воевать за страну — воевал, когда власти начали во время Гражданской войны отбирать у крестьян последнее, обрекая на голод целые семьи, — бунтовал, когда в 30-е годы XX века пошла волна вероотступничества — от православной веры не отрёкся, когда увидел, что с таким трудом выхоженный им яблоневый сад приходит в запустение, — не стерпел. За это и был расстрелян в 1937 году.

Школа (бывший дом «кулаков» Мироновых)

— Дашка, Дашка, как утку от селезня отличить? Слышь?

— Утка гладкая, а селезень красивый, в перьях.

— Вот ты и ешь утка ощипанная — Уткина! Я знаю, ты к нам за яблоками лазила вчера ночью с братьями, батя вас пуганул.

— Не лазила я! Нужны нам ваши яблоки! И не ваши они, а колхозные!

— И яблоки наши, и школа наша — это наш дом!

— Уткина Дарья!

Дашка вздрогнула и вдруг взвизгнула на весь класс:

— Настасья Григорьевна, это Мишка Миронов щиплетя!
И говорит, что это его дом!

— Миронов Михаил, выйди из класса в сени!

— Не пойду я. Чего это я из своего дома пойду?

Сжималось сердце у Мишки, от этого он задирался, дразнился, дерзил на уроках. Особенно доставалось Дарье Уткиной, Акимовой дочке. В сарае, куда переселились раскулаченные Мироновы из своих двух совмещённых домов, в которых теперь разместилась деревенская школа, Емельян Еремеевич ладил подпол и думал невесело, вспоминая вчерашний день и свой разговор с председателем.

Хоть бы уж смолчал Мишка. Хотя и молчать-то грех, ведь правду Мишка сказал. И дом наш, и яблоки. Ведь на праздник раньше полдеревни придёт, всем места хватало, яблок тоже детям не жалко было. Ребята играют, а ведь вот во что вылилось, подрались опять. Ну зачем Аким Игната своего впутал? Зачем рассказал председателю? Мало ли что ребяташки болтают, сказал бы учительнице, что, мол, разберутся.

Вспомнилось, как прибежал вчера Мишка, иди, говорит, батя, тебя в сельсовет зовут, учительница сказала — «агитация». Пришёл. Сидит Игнат, будто сердит на всех, а у самого глаза не глядят. А ведь бывало к нам аж с того конца деревни в

избу шли на гулянье. Давно ли ты, Игнатушка, пол у нас в доме гнул, плясал — не падал? Так ведь то с радости было. Раньше всё с радости было. Может, и зря сказал Игнату:

— Игнат, ты помнишь, как сватов к Настасье моей засылал за своего сына? Неужто ту обиду вспомнил? Зря... Я думал, уж былъём поросло, а не поросло, видать, ничего у тебя. Ну, сказал Мишка про дом, так ведь и то правда, в нашей избе ваша школа. Ну, не ваша, сельская школа, мой Мишка туда ходит. Дашка твоего Акима да братья её вон тоже ходят. Шумнули их вчера из-за яблок, так ведь для смеху, яблок что ли жалко стало? Да и общественные они теперь, яблоки эти. Дашка Акимова сиротой живёт без матери, всё по заборам, следил бы что ли. Молчишь. А помнишь, как Аким пел бывало:

*Утка шла по бережку, серая по крутому,
Деток вела за собою:
Старого, меньшаго, середняго, большаго.
Детушки, берегитесь, маленькия, стерегитесь!
О-хо-хо, горе мое! что украли дитя у меня что ни лучшее:
Не середняго, не меньшаго, — самаго большаго!*

Да замолчу я. Когда-нибудь и ты замолчишь, Игнат, только дорого нам с тобой наше молчанье обойдётся.

Емельян Еремеевич приладил половицы и сел на лавку, мысленно продолжая спорить с председателем. Вот ты мне сказал: «Уезжай, Емельян. Куда хошь, туда и уезжай. Прямо сейчас, бери, что есть, и давай». Игнатушка, а что есть-то, что осталось-то? Ты ж всё забирать приходил с новой властью. Три года назад приходил. Двадцать десятин земли было, три лошади, коровы три, всякой мелкоты двадцать голов, кузница, веялка. Корову одну растишь три года, лошадку — пять лет. Неужто веялке моей ты позавидовал, ведь я сколько сил угробил, чтоб эту веялку взять? Пружинная борона, четыре плуга, две бороны. Дом под школу забрали. А ты ли, Игнаша, строил

его? Или, может, Илюха строил, который с тобой пришёл собирать бабье добро по нашим углам? Ты властям-то что сказал? Что три батрака у меня? Так ты ж сам приходил ко мне просить за деверя своего, чтоб взял.

Эх, Игнат, Игнат. Теперь вот ты власть.

Да что я, ты Акима ведь своего по миру пустил, ты ему на семнадцать душ сколько земли оставил? Сарай, амбар забрал у него, а отмерил земли-то сколько? Ляжешь поперёк — ноги на дороге, ляжешь вдоль — на соседней меже, а голова в сарае. Плакал Акимушка, видели все, в колхоз-то свой насильно ты его записал.

— Спас я Акима. И тебя бы спас, коли бы ты меня послушал. Плетью обуха не перешибёшь. Ты б, Емельян, сдал бы всё в колхоз, так и сам бы уж председателем был и жил бы не хуже, — так и сказал Игнат.

Сам сказал, ведь понимает всё, у самого двор не последний был на деревне. Не хуже нашего. Не то что у подельника его Илюхи. Тот избёнку построил плохонькую, за дровами в лес пойдёт, обратно одну берёзку притащит, сунет её в печку да закоптит на всю деревню. Баба его не пойми что сварит, а в хате холодно, так она эту печку помелом из сосновых лап выметет, да и залезут туда все греться. И Илюха тож.

Да и у меня теперь — что забирать-то? Сарай, в который ты всю мою семью поселил в мороз? Жизнь свою, говорит, забирай да беги. А на что мне такая жизнь? Да и некуда мне бежать с Полоски моей.

Рассказывает Гавриил Миронов. Брат отца

В кузне. 1928 год. «Учись быть хозяином»

Однажды батя повёл нас с братом Мишкой в кузню. Мишка всё мерз, бежал, чтоб не отставать. Мишке было восемь, батя думал его к кузне пристроить. Сначала хотел меня, да я обжёгся, и кузнец дед Кузьма сказал, что не годен. Характер, говорит, трескучий, беспокойный. Может, так оно и есть, молодой я был — огонь, терпенья мало, гонору много. К хозяйству не сильно привязан, но и в колхоз не спешил, и в ячейку комсомольцев тоже не шёл, хотя звали. Я возьми да и спроси тогда батю:

— Бать, зачем тебе кузня? Ты ж не кузнец, в ней дед Кузьма стучит и пусть себе стучит.

Батя аж остановился, сплюнул в сердцах:

— Гавриил, ты учись быть хозяином. Не тебе кузня, так вон Мишке достанется. Завсегда сможете себе на жизнь заработать, если ремесло в руках. А если в руках одни сопли, так и по миру недалеко пойти. Ты вот, Гавриил, не пойму я, к чему приспособлен, а надо бы уже при деле быть.

— Бать, а ты говорил, что кузня за Леонтием ведь? — Я нарочно про Леонтия заговорил, батя сразу тон сменил, будто остыл.

Леонтия я помнил хорошо — старший брат. В гражданскую он пропал, отец сказал, бежал от новой власти. Однажды брат выковал мне саблю. Мишки тогда даже ещё и не было, он ведь в двадцатом родился. Мишка потом этой саблей игрался.

Батя шёл медленно, будто через силу, вздохнул:

— Не забыл брата. Я вот тоже своего брата не забыл. Гавриилом звали, как вот тебя, считай.

Мне хотелось спросить, а где дядя Гавриил, чтобы батя уж точно подобрел, но мы вошли в кузню.

— Здорово, дед Кузьма.

— И тебе, Емельян, здорово. Плуг я выправил, да ты смотри, на сыросек его не гони, на камни не гони, да Игнатова шурина-то за плуг не ставь более.

— Поставишь его теперь. Теперь он нас впряжёт да и погонит по бороне, — мрачно сказал отец.

Дед Кузьма ковал лемех плуга.

— На-ко клещи, — сказал он Мишке. Мишка посмотрел исподлобья. Спрятал руки. Дед Кузьма оскалился. — Нет, Емельян, у Гавриила жизнь другая, и у Михаила тоже. Кузня — не их дело, вот если б твой старшой... Вернётся Леонтий, а мне уж поди и помирать пора, — вздохнул Кузьма тяжело, будто сквозь сопло дыхнул.

— Леонтий не вернётся, — сказал отец.

Дед Кузьма замер. Потом опять принялся за лемех.

— Не вернётся Леонтий, — повторил батя.

— Это как так? Был кто? — повернулся дед Кузьма.

Горн заискрился, в кузне стало вдруг холодно, как в погребе. Я вжался в лавку. Отец не сразу начал говорить. Говорил с дедом Кузьмой, будто нас с Мишкой и нету тут.

— Ты помнишь, Кузьма, в октябре в 18-м шум был. Тогда Гордодокские, Полоцкие, Невельские деревни зашумели. Ну и мы.

— А то не помнить. Помню.

— За царя, чтоб прежнюю жизнь вернуть. Ведь мы кто получились для новой власти — мешочники. Объявили на деревне сделать комитет бедноты. Откуда у нас в Полоске беднота? Аксинья-вдова, так ей всем миром помогли, когда дом сгорел. А шурин Игнатов, так он молодой, не лежал бы на печи, так и был бы, как все. Мы богаты не были, а сыты были.

— Однако ж ты нанимаешь людей, Емельян, не они тебя, — тихо сказал дед Кузьма. — На сенокосе у тебя до 15 батраков.

— Дед Кузьма, пока молодой был, и я в наймах жил. Земля тому мёд, кто на неё пот льёт! Моего пота тут много. Меж Мёжей и Обшой.

Вот ведь две реки текут у нас: одна — Мёжа, другая — Обша. Обша впадает в Мёжу. Так и у людей. Была земля обшая, надо делить, чтоб у каждого была своя, межевать значит. Ведь кричали на войне в окопах как? Земля — крестьянам! Солдаты и бежали с окопа, но я до конца пробыл. До самого 17-го. Не было у нас такого заведено, чтоб бежать с войны, будь хоть она неладна.

А с войны пришли — что получили? Землю? Шиш. Купить-продать нельзя. Землёй распоряжается народное самоуправление: Дёмка Ушаков да Игнатов шурин.

Дед Кузьма хмыкнул:

— Да уж власть — голосить всласть.

Отец помолчал, а у меня внутри тихо стало. Сквозь туман услышал я голос отца, будто чужой голос, не отсюда.

— Схоронил я сына, дед Кузьма. В Семичёвском бору в ноябре 18-го.

Я глядел на деда Кузьму, словно речь шла о каком-то чужом человеке, не о Леонтии. Когда мать молилась перед сном, я тогда ещё мальчонкой был, слышал эти молитвы и часто представлял, что где-то в далёких краях Леонтий стал героем. Я думал, вот бы он вернулся в Полоску и все высытали смотреть, как мы идём с ним в сельсовет, а у него вся грудь в крестах — полный георгиевский кавалер. Или вдруг бы он стал главным начальником в самой Москве и приехал к нам: председатель бежит его встречать — кепка в руке, лоб в поту, рубаха к спине липнет. Как тогда, когда из города приезжало начальство. А отец продолжал:

— Ты вот, Гавриил, помни Леонтия. Погиб брат твой. Мишка, ты тоже помни. Матери только не говорите, лучше уж ей ждать, чем хоронить.

Бунт Емельяна. 1918 год

В кузнице было тихо.

— Вот, значит, как, Емельян. Долго ты молчал. А церква как же? И не отпели Леонтия?

— В восемнадцатом новая власть совсем сдурила. Ты должен помнить, дед Кузьма, тогда ведь они что надумали, объявили диктатуру, чтоб отобрать в неделю весь наш хлеб. Не сдал хлеб — стал врагом народа, — отец усмехнулся, поглядев на огонь. — Оставляли меньше тридцати фунтов хлеба, картошки на едока, семян не оставляли. А за донос на тех, кто не сдал, отдавали половину укрытого хлеба. Я знаю, на меня донёс Игнатов шурин. Ему мой хлеб свезли. Он тогда на многих донёс. Вот и стал председателем комитета бедноты. Он да ещё пара каких-то пришлых. Банда в общем — хоть и при власти. Банда его продавала отобранный хлеб тайно. И эта ж банда велела всем нам собраться, и сказали они, что мы, которых называли кулаками и нетрудовым элементом, — грамотно стал игнашкин шурин говорить, — должны сдать налог к осени.

Вечером все, у кого было какое ружьишко, но больше с вилами, косами, рогатинами, шкворнями, собрались ночью на Мёже. Объявились тогда братья Жигаловы. Сашка Жигалов обещал, что у барона дескать Кыша (да не барон это был, а хохол Коваленко) отряд хорошо вооружённый и что если мы поддержим его и Жигаловых, то отобьём свою власть на Смоленщине. Говорил, что подойдут другие отряды. Ну, я верить не верил, а куда деваться?

Всего собралось тыщи три вместе с Малютой Скуратовым и Ниленкой, Шавориным. Пошли на Велиж. Плохо то, что ружей было мало. Косами не повоюешь. Я свою трёхлинейку принёс с войны, патронов немного было.

И вот прискакал ночью человек из Смоленска, слух пошёл, что против нас не русские будут, а латыши и китайцы. Стало легче. Они, конечно, тоже люди, большевики их наняли на наши деньги, но про Леонтия подумал, нехорошо ему начинать со своих. Дал ему моё охотничье ружьё. Сам с трёхлинейкой.

Встали на краю Семичёвского бора, отстреливались. В ноябре уже земля была стылая. Сначала был наш верх. Леонтий попервой невпопад начал. Потом вроде пообстрелялся. И тут к ним подошло подкрепление, может, батальон, может, и больше, открыли огонь, мы голову поднять не могли от земли. Я оглянулся, а Леонтий лежит. Я к нему — не дышит. У нас так: если в окопе человек обмяк — сразу видно — убит. Не помню, как положил я его, накрыл шинелью. Подскакал Жигалов, кричал что-то, мне наш Архип, сосед, сказал вставать. Как был — сел на коня. Мы тогда конные напрямую пошли в Велиж. Взяли мы его ночью, около тюрьмы прорвались, но продержались недолго. У них пулемёты оказались. Много народу побили насмерть, ранили кого-то, других похватали. Я около старой кузницы оказался, за нею спрятался, так и ушёл.

Вернулся в Семичёвский бор. Убитых было много, а больше никого. Монах только один из Ордынской пустыни ходил и всех под берёзами ровно укладывал, руки на груди, глаза закрывал. У него лопата была. Я начал копать. Он тоже помогал. Потом ещё люди подошли какие-то, вроде со Щучьего.

Монах тот рассказал, что в Ордынской пустыни никого не осталось живых, всех перебили большевики. Весной люди барона напали на волисполком в Троицком, убили продотрядовцев, закололи штыками. Всех. А после сто сабель и сотня пеших при двух пулемётах пришли в село мстить, но никого не нашли и забрали с собой убитых. Когда их везли, Кыш подстерёг их возле Уплюхово. С этим Кышем были и монахи те, из Ордынской пустыни, все они и попали в плен, он один только бежал, но видел, как других расстреляли.

Леонтия я в своей шинели так и похоронил. И могилку заприметил, покажу Григорию с Михаилом, чтоб знали. А матери не рассказывайте. Пусть ждёт. Спросит вдруг кто, мало ли, где Леонтий, молчите, пропал, мол, брательник.

— А твой брат где, батя? Тоже пропал? — спросил Мишка.

— Не знаю. Может, погиб уже, вряд ли жив. А ещё говорили, на «Варяге». На «Варяге» был матросом. Ну, я в это не сильно верю, хотя, может, и родня какая. История была...

«Варяг»

Батя уже позже рассказал про своего брата, моего тёзку Гавриила. Получается, два у нас Гавриила. Отцова брата тоже Гавриилом звали. Он вроде бы 1877 года. Был грамотный, отучился два года в церковноприходской школе. Батя всё жалел, что сам остался самоучкой.

Как-то мой дед Еремей взял отца в Велиж на ярмарку. Гавриила ещё с 1899 года призвали в армию, определили его во флот. А больше никто ничего о нём не знал. Парень он был крепкий. Раньше дед Еремей хотел Гавриила в приказчики отдать к купцам Вишкарёвым, а нашего отца Емельяна при себе оставить в Полоске, женить.

На той ярмарке купец Вишкарёв в Велиже подошёл к батю с газетой «Биржевые ведомости».

— Всё, — говорит, — давай мне сына своего меньшого в приказчики. В люди выведу.

— Что так, Алексей Иосифович? — спрашивает дед.

— Не твой ли сын тут прописан? — показал газету.

Читали все, кто мог. Заметка о подвиге крейсера «Варяг», внизу список убитых и среди них чёрным по белому — Гавриил Миронов. Вишкарёв отдал деду газету, отец её всё хранил, матери даже не давал.

Мать зимами много чего рассказывала, говорила она, что её отец с Новгорода, с севера, пришёл на иностранных кораблях и остался в России. Был корабельщиком. Звали его в деревне немцем, отсюда и её родову долго держали за чужаков, но он немцем не был. Вот я и думаю, может, у Гавриила оттуда тяга была к воде. Он, вспоминал батю, с ребячества всю Мёжу прошёл, на Двину заходил, выше поднимался.

Может, он, а может, не он в газете-то был.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Восстание крестьян в Смоленской области в 1918 году

В 1918 году в Смоленской губернии вспыхнуло крестьянское восстание. Готовился учредительный земский съезд с целью формирования органов власти и управления в городе и уезде. По данным сборника «Воспоминания участников борьбы за власть Советов в Смоленской губернии»¹, съезд состоялся 10 марта 1918 года с числом делегатов около 900 человек. По данным книги «На земле Смоленской»², съезд прошел в ночь с 21 на 22 января 1918 года и делегатов было около 150. Так или иначе, съезд состоялся, большевики выступили на нём с позиции силы, первый уездный исполком был избран в составе 90 человек. Председателем уездного исполкома съезд избрал Якова Ермолаевича Демидова.

Новая власть нуждалась в деньгах. Комиссары земельного отдела с милиционерами выехали на сбор контрибуции с купцов и помещиков, некоторые были убиты. В селе Троицком, центре Щучейской волости, люди барона К(и)ыша (Коваленкова) совершили налёт на волисполком и жестоко расправилась с продотрядовцами. С отрядом в 200 бойцов: сто сабель и сотня пеших при двух пулемётах уездный комиссар Ефим Кадров отправился усмирять бунт. Часть его отряда оказалась в окружении, взята в плен и расстреляна. Среди пленников, а затем расстрелянных оказались монахи Ордынской пустыни.

9 и 13 мая 1918 года Правительство ввело продовольственную диктатуру, объявив всех имевших излишек хлеба и не заявивших о нём в недельный срок «врагами народа».

---

¹ Воспоминания участников борьбы за власть Советов в Смоленской губернии: [Сборник статей] / Парт. архив Смол. обкома КПСС. Смоленск, 1957.

² *Марьенков Е.* На земле Смоленской. М.: Московский рабочий, 1970.

Революция и Гражданская война. Поле битвы и поле памяти.

Мой комментарий

Когда в крепкую семью приходит беда,
там говорят: «Я с тобой»

Омар Хайям

В отчий дом — дороги разные.

Пощадите Стеньку Разина!

М. И. Цветаева,

1-я годовщина Октября. Москва

Я убеждён, что и весь революционный 1917 год, и последующие трагические годы Гражданской войны, и всю эпопею становления и существования Советского государства мы не должны пытаться судить, оперируя представлениями сегодняшнего дня. Нам прежде всего надо постараться как можно глубже вникнуть и понять, где были совершены непротительные потери и ошибки, где произошло искусственное и насильственное насаждение утопических конструкций, где проявились социокультурные особенности страны, а где — большой замысел и великая надежда.

Ещё один урок февраля можно сформулировать так: «Не откладывая на завтра то, без чего этого завтра может и не быть». Огромной бедой царской России была незавершённость критически важных реформ. Не были доведены до логического конца ни реформа отмены крепостного права в 1861 году, ни столыпинские реформы, ни политические реформы, начатые Манифестом от 17 октября 1905 года. Решение таких вопросов, как ликвидация помещичьего землевладения или принятие прогрессивного фабричного законодательства, то и дело откладывалось на потом. В итоге их

взялась решать революция. У философа Николая Бердяева есть мудрая фраза: «Революция всегда говорит о том, что власть имеющие не исполнили своего назначения». Очень точный диагноз! Чем взяли большевики? Тем, что, пока другие грызлись и разглагольствовали, они действовали. Характерен пример с большевистским Декретом о земле. Весь его текст переписан из программы эсеров, основанной на крестьянских наказах. Эсеры пеняли Ленину: «Вы всё украли у нас!» Тот смеялся в ответ: «Хороша же партия, которую надо свергнуть, чтобы выполнить её же программу!» Итак, был ли Октябрь 1917-го неизбежен? Я полагаю, что он не был неизбежен, по крайней мере до контрреволюционного корниловского мятежа (конец августа), после которого массы окончательно разуверились в способности правительства Керенского дать России мир и начать решать самые главные вопросы, стоящие перед страной. К началу октября 1917-го точка невозврата была пройдена.

С точки зрения идеи национального примирения именно вопрос о Гражданской войне (кто в ней виноват, кто больше крови пролил и т. д.), на мой взгляд, самый сложный и неоднозначный. Убеждён: это сфера, в которой сегодня нужно проявлять как можно больше такта, осторожности и деликатности. А ещё хочется привести хорошо известное высказывание мудрого китайского лидера Дэн Сяопина по поводу 200-летия Великой французской революции: «Слишком рано, мало времени прошло для того, чтобы вносить исторические оценки и суждения». Вот как! Двести лет, и всё равно мало! Возможно, и нам, хоть и сто лет прошло, не стоит торопиться расставлять все точки над «i» по поводу тех трагических событий. Возможно, с чем-то стоит ещё сто лет подождать, а может, и больше. Улягутся страсти, затянутся всё ещё не зажившие раны. Придут новые поколения, свободные от былых стереотипов. Поле битвы станет полем памяти.

Михаил Емельянович Миронов. Рассказы отца

О вере и неверии. 1937 год в жизни моего деда

В начале 1937 года мне было уже шестнадцать. Я доучивался в школе. 5 января батя надел старый полужупанник и пошёл в деревню на собрание, я увязался с ним. Там же увидели мы нашего Гавриила. На собрании сказали, что будет проведена Всесоюзная перепись населения. 6 января 1937 года надо всем быть дома, а когда придут счётчики, честно отвечать на вопросы: сколько лет, какой веры и национальности, уровень грамотности, род занятий. Батя поднял руку.

— Чего тебе, нету у тебя права голоса, ты не колхозник, Миронов, ты кулак раскулаченный, — сказал дядя Дементий.

Но батя встал, его стали слушать, на дядю Дементия цикнули, тот замолчал, зашелестел бумагами на столе.

— Земляки православные, — сказал батя не торопясь. — Все мы знаем, как кто живёт, как кто детей крестил. Дементий сказал писать, мол, что вы в Бога не веруете. А я ведь знаю, что завтра все под Рождество запаслись кто чем. Предположим, не молодёжь, она уж порчена, но своих-то я знаю. Кто у кого крёстным, кто как венчался, кто как родителей хоронил. Один у нас мост на погост. Они ж, антихристы, Ордынскую пустынь разорили, монахов всех поубивали, с куполов кресты сняли, из икон табуретки наделали и смеются, бесятся. Перепись эту затеяли. Одно хорошо: Бог-то всё видит, вот и посмотрит он, кто Иуда, а кто нет. Кто про себя скажет, что неверующий, а кто за Христа постоит. Ты, Дементий, можешь до завтра не дожидаться, можешь хоть сейчас писать — православные мы все, Мироновы, меня пиши православным. А вы орда — самая настоящая орда. Была река Жидовка, стала Ордынка, да хрен редьки не слаще.

Народ замолчал, стало тихо.

— Ещё скажу, что подписка на заём — это ограбление нас, крестьян. Не вернут вам ничего, а если и вернут когда, так то обесценится раз во сто. Знайте, сельчане, для новой власти крестьяне не люди, а скот. Так они и за скотиной-то ухаживать не могут. Дохнет скотина. А без скотины и крестьянам не жизнь. Пошли, Мишка. Отучился ты в школе. Хватит. Остальному жизнь научит.

— Иди, Емельян. А ты останься, Гаврила, ты из заключения прибыл, проживаешь, а в колхозе не работаешь, — крикнул из-за стола Дементий.

— А мне хуже не будет, хотя и осудят. — Гаврила надел шапку и вышел.

Я вышел вслед.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Перепись населения в 1937 году

По результатам переписи населения 1937 года верующими себя признали 55,3 млн человек старше 16 лет (56,7 % указанной возрастной категории). Проводимая почти 20 лет политика продвижения атеизма в массы оказалась безуспешной. Конституция 1936 года объявляла свободу религиозных культов, но признавала и свободу антирелигиозной пропаганды.

Ночные яблоки

Проснулся от холода. Сарай хоть и крепкий, и печка есть, но топить ещё рано, а пол холодный, потому что близко к земле. А уж заморозки. Школа, в которой раньше был наш дом, бате как бельмо в глазу. Не хотел пускать в школу, но потом махнул

рукой. Отвёл к дальней родне — километров восемь деревня от нашей — в девятилетку. В субботу вечером домой приходил — в баню. После бани хорошо, но с утра острее чувствуешь осень.

Во дворе слышен батин голос:

— Я крестьянин, ничего, кроме работы, на земле не умею. Воевать ещё могу. Вот и воюю, — говорил.

— Ты с кем воюешь-то? — голос дяди Дементия.

Батя сердито так говорил:

— Вы лодыри. Как были, так и остались. Горбатого, сам знаешь, что исправит. Ходили в лаптях, в портянках. А ведь не то что до зёрнышка выгребли, а даже одежду отобрали. Бабы раньше пряли, ткали, а где это всё? Всё отобрали. Валенки, шубы, даже исподнее утащили, старьё всякое, и то на наших глазах носят. Вон соседи по миру пошли, мальчонку побираться по деревням посылают. Я своих не дам.

Наш сарай рядом со школой был. Тут и огород. Четыре года огород стоял невспахан, на пятый батя сам его вспахал, по-маленьку начал за яблоками ходить. Ребята яблоки срывали незрелые, он их ругал. Говорил: «Спаса дождитесь». Яблоки в тот год уродились просто огромные — ветви до земли свешивались. Батя раза три ходил в сельсовет, говорил: «Убирайте яблоки, пропадут. На ярмарку в Велиж сvezите — отрядите кого». Ему там ответили: «Не до яблок твоих». Пошёл к учительнице, та сказала, не её это дело. Набрала себе мешок.

Прошлой ночью батя меня разбудил, сказал за ним идти. Мы всю ночь яблоки обивали. Снесли под навес, а вечером я пошёл к родне — в школу.

Всю неделю жил у дальней родни. К слову сказать, им яблок полмешка принёс. У них свои, да будто опёнки, а батины — ярмарочные.

В воскресенье на околице Полоски встретил меня староста деревни ...и сказал: «Ты домой не ходи, отца забрали, тебя тоже могут. Вот тебе адрес — иди на станцию, езжай в Тулу, возьмут тебя на курсы бухгалтеров, там нужны грамотные».

**Емельян Еремеевич. Мысли вслух.
«От Полоски до черты»**

Хотел сегодня отправить хоть записку — не дали, так и не знаю, что с ними, с женой, с сыновьями. Да и что написать? И чем написать — руки разбиты, как работать буду? Сегодня был допрос, допрашивали скоро как-то. Спросили про детей, я назвал меньших, может, меньших и не тронут, люди же. А Настя уже своей семьёй живёт — они отдельные, безлошадные. Может, и хорошо по нынешним временам, что безлошадные, а я зятя ругал. Шура с Фрузой тоже ни при чём, давно уж выданы. Может, оно и всё равно, а вдруг посмотрят — четверо малых, а остальных хоть не тронут. В камере со мной тоже вроде как кулаки по-ихнему, говорят, что сошлют всю семью. Пускай, мы работать привычные, мы и там землю найдём, леса нет — землянку выроем. Земля-то она везде одна...

Иной раз рубишь лес, чтоб, значит, на сплав его, да думай: дерево — оно тоже дышит, душу имеет. Много я деревьев сплавил, да и людских жизней — бывало, когда в царской армии служил против германца. Война. Вот и меня под сруб. Далеко увезли — вёрст сорок. Лучше б уж на месте — где жил, я там каждое дерево знаю. А Семичёвский бор — тоже место знакомое: Леонтия там схоронил. Может, и креста не поставят на могиле-то, какой крест? Новая власть в Бога не верует. Крест — то же дерево, может, и не заслужил я его, креста, а вот хочется, чтоб пришёл кто потом, когда меня не станет, прислонился к кресту, да и силы бы ему от меня прибавилось. Силы-то ещё есть, не старьей я... Нет, не поставят креста, затеряюсь я, ведь ни родня, никто и не знает, куда увезли, чего там...

Документы по делу Е. Е. Миронова

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В отношении Миронова Е. Е. по материалам уголовного дела арх. № 12497.

Ф.И.О.: Миронов Емельян Еремеевич.

Дата и год рождения: 19 августа 1874.

Место рождения: деревня Полоска Ильинского района Западной области.

Сведения о партийности, в том числе номер партийного билета: —.

Место работы и должность до ареста: лесоруб в Ильинском леспромхозе.

Место жительства до ареста: деревня Полоска Ильинского района Западной области.

Данные о родственниках:

Сын Гаврила, 1908 г. р., проживает в деревне Полоска.

Дочь Мария, 1917 г. р., проживает в деревне Полоска.

Сын Михаил, 1920 г. р., проживает в деревне Полоска.

Сын Никифор — проживает в Ленинграде.

(См. вкладку 1, стр. 1)

Комитет государственной безопасности СССР

Управление по Калининской области 07-89 № 101. Калинин.

В ЗАГС Велижского Исполнительного комитета

Совета народных депутатов.

Велиж Смоленской области.

Просим произвести перерегистрацию смерти гражданина Миронова Емельяна Еремеевича 19 августа 1874 года рождения, уроженца д. Полоска Сычевского с/с Ильинского района Западной области.

По имеющимся данным Миронов Е. Е. умер в местах заключения 18 сентября 1937 года. Причина смерти — расстрел. До ареста Миронов Е. Е. проживал по адресу: д. Полоска Ильинского района Западной области.

В данное время смерть Миронова Е. Е. регистрируется в связи с возникшей необходимостью получения родственниками (нового) установленного законом свидетельства о смерти.

О регистрации смерти просим нас информировать.

*Начальник подразделения УКГБ:
факт смерти Миронова Е. Е. зарегистрирован
Зап. Двинским ЗАГС А/З № 71 от 17.11.1989*

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

Лист № 16 к делу № ____

Фамилия: Миронов

Имя и отчество: Емельян Еремеевич

Дата рождения: «19» месяц августа год 1874

Место рождения: деревня Полоска Сычевского с/с Ильинского района Западной области.

Место жительства: деревня Полоска Сычевского с/с Ильинского района Западной области.

Профессия и специальность: хлебороб.

Место службы и должность или род занятий: работаю в своем хозяйстве в деревне Полоски, а также работаю лесорубом в Ильинском Леспромхозе.

Паспорт: не имею.

Социальное происхождение: из крестьян. Имущественное положение родителей: земли 5 дес., 1 лошадь, 2 коровы, мелкого скота (далее неразборчиво).

Социальное положение: кулак.

а) До революции: земли 20 дес., 2–3 лошади, коров — 3 головы, мелкого скота 20 голов, 2 дома, кузница, веялка, пружинная борона, 4 плуга, 2 бороны.

б) После революции: земли 20 дес., 2–3 лошади, коров — 3 головы, мелкого скота 20 голов, 2 дома, кузница, веялка, пружинная борона, 4 плуга, 2 бороны.

Образование (общее и специальное): самоучка.

Образование (общее и специальное): самоучка. (Примеч.: повтор, как в анкете)

Партийность (в прошлом и настоящем): беспартийный.

Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что):

а) до революции: не судился

б) после революции: в 1933 году имел штраф 800 рублей за неспадчу кожи при убое свиньи. В 1934 раскулачен, взято 2 дома, 2 лошади, 2 коровы, 3 овец, 1 свинья, 2 поросёнка, надворные постройки. И лишён права голоса.

Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при советской власти: не имею.

Категория воинского учёта запаса и где состоит на учёте: не состою.

Служба в Красной Армии (красной гвардии, партизанских отрядах) когда и в качестве кого: не служил.

Служба в белых и других к-р армиях (когда и в качестве кого): до 1917 служил в Царской армии рядовым.

Участие в бандах, к-р организациях и восстаниях: в 1918 принимал участие в восстании.

Сведения об общественно-политической деятельности: нет.

Примечание: каждая страница должна быть заверена подписью допрашиваемого, а последняя и допрашивающего.

Е. Миронов

Копия верна.

Начальник архива Цветков Г. П.

(См. вкладку 1, стр. 2)

СПРАВКА

Сельсовет Сычевского района Западной области
___ августа 1937 года

Дана настоящая Ильинскому РО УНКВД на гражданина деревни Полоска Сычевского с/с Ильинского района Западной области Миронова Емельяна 1870 года рождения, по социальному положению происходит из крестьян-кулаков. До революции имел следующее хозяйство: земли до 25 га, лошадей до 3 голов, крупного рогатого скота до 5 голов, мелкого скота до 30 голов, применялась наёмная рабочая сила до 3 батраков. Имел два дома. И после революции имел следующее хозяйство: два дома из которых занимает школа. Земли до 25 га, лошадей до 3 голов, крупного рогатого скота до 5 голов, мелкого скота до 30 голов. Имел свою кузницу, а также применялась наёмная рабочая сила, как постоянные работники, а также и сезонные до 15 человек. Состав семьи имеет следующий: жена, сын Миронов Гавриил, дочь, сын Михаил.

В 1934 году хозяйство было раскулачено, лишено права голоса. Сам имел связь с бандой в период восстания. Хозяйство живёт одиночно: имеет хату (неразборчиво) в хозяйстве не имеет, работает в разных сплавильных участках. За невыполнение государственных обязательств в 1934 году был суждён его сын Гавриил сроком на пять лет, отбыл и проживает с отцом. Сам проводит явную антисоветскую работу: в 1936 году в школе бывшего его дома осенью была насыпана школой картофель, а он открыл завалы, где и помёрзла вся школьная картошка, за весь период проживания на территории колхоза проводил антисоветскую агитацию, а именно угрожает пожаром данной школе и колхозной общественности, постоянно запугивает детей школьников, говорит о том, что дом не

ваш и вы отсюда убирайтесь, а в 1937 году чувствуя новую конституцию... Понял он её. Запахал самовольно школьный огород которым четыре года пользовалась школа, завладел самовольно садом который возле школы и школа пользуется четыре года и обил самовольно ночное время все яблоки а также проводил ряд агитаций в период переписи населения (неразборчиво) колхозников чтобы писались все верующими и в данное время ведёт агитацию против подписки на заём в результате чего по колхозу Свобода подписка на заём сорвана и он же с своего хозяйства не подписались на заём.

Сын «Гавриил» который прибыл с заключения проживает с ним и проводит агитацию колхозников и угрозы учительству и членам сельсовета говоря о том, что мне хуже не будет хотя и осудят. Все члены семьи к советской власти и колхозам настроены враждебно.

*Что и удостоверяет Председатель сельсовета¹ (подпись)
Секретарь (подпись)²*

(См. вкладку 1, стр. 3)

---

¹ По данным Государственного архива Тверской области и архивного отдела администрации Западнодвинского района от 24.02.2021 № 01-30/200, документы Сычёвского сельсовета за 1930-е годы отсутствуют. В Тверском центре документации новейшей истории в деле «Протокол районного совещания парторганизаторов, коммунистов, предколхозов, председателей, коммунистов-одиночек» (фонд № 5224, Ильинский райком КПСС) упомянут председатель Сычёвского сельсовета Парамонов (14.12.1936).

² Орфография и пунктуация в документах сохранены в оригинальном варианте.

Мой комментарий о 1937-м

6 августа 2009 года я ездил на машине в Смоленскую область, город Велиж, где живёт моя двоюродная сестра. Отец родился в Смоленской области Велижского района в деревне Полоска. Сейчас деревня Полоска находится на территории Тверской области Жарковского района.

Дед у меня был крепким крестьянином. Звали его Емельян Еремеевич Миронов. У него было четыре сына и четыре дочери. Когда сыновья женились, они не уходили жить в другие дома, а расширяли дедов дом.

Отец рассказывал, что к 30-м годам прошлого века у них в хозяйстве было две лошади, четыре коровы, довольно много овец, а кур, как отец говорил, не считано.

В 1934 году деда раскулачили, выселили из его дома, и с семьёй он стал жить в сарае на окраине деревни. Дед пошёл работать дровосеком — заготавливал дрова на всю деревню. Сыновья ему помогали.

В 1937 году, осенью, когда, видимо, нужно было выполнить план по ликвидации «врагов народа», однажды ночью за дедом пришли. Его увезли из деревни на «воронке» и, как потом оказалось, через неделю на опушке Семичёвского бора расстреляли вместе с другими «врагами народа». Примерно на этом месте сейчас стоит поклонный крест в память о репрессированных.

После войны до последнего времени в дедовом доме была начальная школа.

В 2009 году я снова поехал в дедовы места. Заехал в Велиж, потом — в деревню Полоска, где был уже в третий раз. Сходил на кладбище, там похоронена моя бабушка Миронова Марина Дорофеевна.

Кстати, когда я впервые побывал на этом сельском кладбище, то понял, в честь кого была названа моя старшая сестра Марина — Царство ей Небесное! Конечно, в честь нашей бабушки — мудрой и сильной женщины. Она умерла в 1947 году, пережив нашествие фашистов на нашу землю, дождавшись с фронта двух сыновей.

К дому деда ехал по просёлочной дороге, вдоль которой тянулись телеграфные столбы. На одном из них я увидел уютное гнездо с четырьмя аистами. Наверное, это были два взрослых аиста и два из подрастающего поколения. Провода у этого столба были отсоединены (наверное, специально).

Конечно, подошёл я к дому деда. Здесь, с торца дома, сел у фундамента, который был сделан из зацементированных булыжников.

В свой первый приезд сюда в 2003 году я поднял один из вывалившихся булыжников из фундамента дедова дома. Теперь этот простой кусок гранита лежит у меня в кабинете. Ценность в нём не минералогическая, а, простите за высокий стиль, родословно-историческая, конечно же, для меня.

Когда я обходил дом вокруг, в противоположной от входа стороне увидел прислонённую к дому косу. Подумалось: словно какой-то символ у самого дома деда, в котором из бывших жильцов уже в живых никого не осталось. Вот такой печальный символ.

Коси коса, пока роса; роса долой, и мы домой.

Кровавая роса брызнула вдоль дорог нашей Полоски и в 37-м, и в 41-м. Прошли годы, и вот мы пришли домой — к старым фундаментам дедовских домов.

ЧАСТЬ III

ВАРЛАМОВЫ

Из истории моего рода

по линии матери.

События до 1941 года

Вторая ветвь моего большого, как оказалось, рода — Варламовы. Каждый из Варламовых интересен сам по себе. Но не только. Яркие представители своего времени, они отчётливо понимают обновление жизни и, желая того или нет, сами своей непосредственностью, трудолюбием, умением любить привносят в жизнь романтическое начало.

Варламова — фамилия моей матери Галины Фёдоровны. Варламовы породнились с Портянкиными в конце XIX — начале XX века. Ранее Портянкины породнились с Петровыми: 5 мая 1870 года Пётр Петров отдал свою дочь Евдокию в жёны Илье Стефановичу Портянкину, сыну Стефана Осиповича Портякина — долгожителя нашего рода. **(См. вкладку 1, стр. 5)**

Жили родители моей бабушки Даши — Илья Степанович Портянкин и Евдокия Петровна Петрова — хорошо. Только вот первый ребёнок у них умер в 1871 году от золотухи, восьмимесячная дочь Варвара. Тяжело было им потерять и десятилетнего сына Фёдора. **(См. вкладку 1, стр. 6)**

С трепетом читал я строки, написанные аккуратным почерком, о рождении моего деда, отца мамы, — Фёдора Никитовича и моей любимой бабушки Даши — Дарьи Ильиничны. **(См. вкладку 1, стр. 9-10)**

Почему-то я хорошо себе могу представить, как прощалась со старым своим дедом Степаном моя маленькая восьмилетняя бабушка Даша, дедова любимица. Ей он рассказывал сказки местные, а она мне их в детстве пересказывала. Налъёт молока в малину, чтоб я приучился молоко пить, и начнёт. Мне нравилось, что не с книжки читает, а наизусть, поэтому верилось больше и в добрых людей, и в чудо.

— Мне мой дед Фёдор рассказывал, а ему его отец. Выслужился он в армии, идёт домой солдатом, запоздал. Вдруг деревня стоит. Попросился ночевать у одного старика:

— Пустите переночевать, батюшка.

Тот его пустил. Переночевал, поужинал. А старик и говорит:

— Я тебе тарелку из золота дам, расскажи, чтоб всё неверно было б.

Ну, начал он рассказывать старику:

— До армии пас я пчёл. Вот пас пчёл день, другой пас, месяц пас. Всё хорошо. Вдруг однажды всех пчёл собрал, а одной нет. Что же делать? А за рекой, на той стороне болота, пчела кричит. Ну что, послушал — кричит пчела, надо идти. Вот и побежал, побежал и завяз в меду.

А хитрый старик говорит:

— А почему нет, можно в меду завязнуть, верно говоришь.

А нашему деду-солдату после армии тарелка из золота очень была нужна дом строить, скотину купить, пасеку... — Продолжает, ещё пуще начал рассказывать:

— Побежал я за лопатой, прибежал, сначала отрыл свои ноги, сам отрылся и дальше пошёл, пошёл на ту сторону.

А старик говорит:

— Может, и правда, сбегал за лопатой да отрыл себя. — Притворяется, что верит солдату, неохота ему тарелку из золота отдавать.

А дед-солдат продолжает:

— Прихожу, а от пчелы — один скелет, кость одна осталась. Волки ту пчелу обглодали. Я, говорит, смотрю на эту кость — что же теперь мне делать? А кость большая, взял я эту кость, впер в небо и полез по кости, по рёбрам пчелы, чтоб небо посмотреть. Забрался туда, а там твой дедушка ходит в лаптях, в опорках на том свете, на небе.

— А вот врешь, неверно ты это говоришь, неверно, — кричит старик. — Дед мой солдатом был, ходил в сапогах, а не в

лаптях. Казаки в лаптях не ходят, то не крестьяне. Казаки в сапогах ходят! Ноги в портянки да в сапоги!

— В сапогах, говоришь? Значит, подавай сюда тарелку из золота!

И пришлось старику тарелку из золота отдать солдату.

Пришёл дед-солдат и поселился в деревне нашей. Ту тарелку продал, купил дом, купил корову и пасеку, на своей земле посадил малину. Привёл невесту в дом, так и мой отец родился, а потом он женился, я родилась. А теперь вот и ты. Вот ты кушай малину, молоком запивай. Кушай да отца-мать слушай.

(См. вкладку 1, стр. 11)

Братья и сёстры моей бабушки Даши жили неподалёку. Известно, что родная её сестра Анна вышла замуж за Фёдора Ефимовича Комарова. Так в нашей семье появилась фамилия Комаровых. ***(См. вкладку 1, стр. 12)***

Среди всей моей родни выделялся дед мой по материнской линии Фёдор Никитович Варламов. Он много знал, умело и интересно рассказывал истории из жизни своих земляков. Убедитесь сами.

Рассказы Фёдора Никитовича Варламова. Отца моей матери

Маленькая пчела человека большому уму учит.

Случай на пасеке

Уже потом, когда меня стали называть дедом, вспомнил я, как молодой, перед сватовством, хотел купить ульи у старого пасечника. Тот не продал, а сказал отслужить. Наказал:

— Пчёл не продавай, не воруй, чтоб счастье не отогнать. Вот и посмотрим, каков ты человек. Приживутся у тебя пчёлы — на тебе благодать Божия. Пчела, она ведь и на себя, и на людей, и на Бога трудится. Вот и ты так живи, и хорошо жить будешь. Молись святым Зосиме и Савватию. Когда вылетит рой, я тебе скажу, пойдёшь искать, найдёшь, в свой улей и поместишь. Чужих к пасеке не подпускай. Коня не подпускай к пчеле — погубишь коня.

Я отслужил положенное, многому меня старик обучил. И вот пришло время.

Рой вылетел пополуночи. Долго кружил, не находя себе места, потом собрался на стволе яблони. Я подошёл поближе, но пара пчёл ужалили меня. Что такое? Забаловались что ли? Старик-пасечник говорил, что рой из работающей семьи, хорошо перезимовали. Надев пчеловодную сетку, взяв привой на длинной жерди и гусиное перо, также прикреплённое к длинной палке, стал медленно приближаться к рою. Хотел смести пчёл пером в привой. Однако пчёлы снова атаквали меня. Я подождал, потом вернулся и кое-как снял рой, пчёлы никак не хотели заходить в роевню. Я поместил их вместе с частью жерди в мокрый холщовый мешок, мешок завязал шнурком и отнёс в прохладное место. Под вечер высыпал рой в роевой лоток. Удивительно, но пчёлы начали мирно обустраиваться.

Назавтра зашёл к старику-пасечнику поблагодарить и рассказал ему, как снимал рой. Старик мне улыбнулся:

— Сватовство твоё задержится, но исполнится. И вырастет у тебя восемь детишек — четыре сына и четыре дочери. Сколько раз пчёлы укусили.

**«Спичка — невеличка, а огонь великан»
(о случае на спичечной фабрике, где в юности работал
приказчиком Фёдор Никитович)**

Расскажу один случай, какой у меня вышел, когда я в рабочем посёлке Грузино служил приказчиком на фабрике. В молодости я, пока семьёй не обзавёлся, похаживал в один кружок, приезжал к нам из Питера в «Спичку» грамотный человек, писателя Некрасова знал, в Чудовских Луках сестра этого писателя школу открыла для крестьян. Отец говорил, хорошо бы и у нас такую школу. Про писателя ему много Иванов Фёдор рассказывал, охотник, он к отцу заезжал, когда в Любуни останавливался. Хороший, говорит, человек, уважительный. Его не то чтобы полюбили в Луках, а льстило многим, что он мог запросто с народом говорить. Но плохого про него ничего не сказывали.

Так вот тот грамотный человек стихи его читал, слов я не запомнил, поразило меня только то, что он в них говорил о своей смерти. Стихи мне понравились, тем более что писал он их в Чудовских Луках, земляк почти.

Остальное слушал я и не понимал до конца. Вот все хотят жить хорошо — каждому дай землю, дай чин — никто не откажется. Так в чём виноваты те, кто сам или чьи родители это всё получили? Ведь не все же разбоем богатство нажили. Если у меня с пасекой дело пойдёт да сыновей выучу, они дальше жить будут, дай Бог разбогатею, так за что тех убивать-то, отбирать зачем нажитое? Позже я перестал ходить в кружок,

а потом вовсе на Дарье своей женился. А тут вот оно что — не зря они ездили по заводам. Навели смуту потом всё-таки.

Этот человек, гость, в конце своей речи вдруг потушил свечу и продолжал говорить в темноте. Он сказал: «Из искры возгорится пламя. Вот видите — горит одна спичка». Тут вспыхнула в темноте одна спичка. «А вот, — продолжил гость, — что будет, когда вы все загоритесь идеей свободы». И поджёг сразу связку спичек. «Одна спичка горит, как лучина, а много спичек — это уже светло, уже можно видеть все лица». Мы переглянулись. В углу я заметил мальчонку Тарарошкиных, он у нас на «Спичке» недавно начал в макальном цеху помогать. Он во все глаза глядел на гостя и на спички.

— Баловство это, — сказал мой приятель, когда мы вышли на крыльцо дома Тарарошкиных, у них устраивались такие «гости». Я промолчал.

Чудовская «Спичка» была поставлена иностранцем Лундбергом, звалась «А. Лундберг и К», наша Грузинская фабрика — дело крестьянина Лапина, теперь купца первой гильдии. Работали на фабриках по 14 часов. Чернорабочий станочник получал 50, а то 80 копеек в день, за упаковку тысячи коробков получал от 4 до 18 копеек. Но это было ещё до меня. Я пришёл в «Грузино», когда владелец чудовской фабрики разорился и фабрика перешла к помещице и её сыновьям — Поплавским, а они продали фабрику братьям Валовым, Яковлеву и Проскурякову, которые сговорились держать фабрику на паях. К фабрике подбирался было ушлый Лапин, но его к делу не подпустили. И он решил устроить производство спичек.

Управляющему понадобились надёжные люди. Я не хотел идти чернорабочим, но меня взяли сначала помощником приказчика, потом приказчиком, потому что окончил я церковно-приходскую школу и почерк был ровный. Управляющий — небольшой мужичок со впалой грудью — повёл меня на производство, подхахакнул: «У нас сначала вонь, потом огонь». И добавил: «Грешен?» Я пожал плечами: «Не так чтоб очень.

А тут что — исповедь?» Он мне: «Не дерзи. А у нас что в аду — сера». Звали его все Сапожком.

Этот Сапожок любил поговорить.

— Ты думаешь, фабрика — это просто так? Нет, вот когда дорогу в Чудово железную строили, так мужики лес рубили, и каждому человеку надо было в день перекапывать 666 пудов земли. Думаешь, просто это — 666 пудов земли — число зверя, понимать должен. А болело людей сколько! У соседа Нестора Васильева ютились больные — дышать было нечем. Он сам слепой, его старуха помирала за стенкой, а он всё за больными ходил, Нестор этот. Один святой, а сколько чертей вокруг. Вот черти-то фабрику эту и поставили — серную, чтоб народ дальше морить.

Чудной был этот Сапожок. Мыслил как-то всё по-сказочному, но интересно. По его мнению, чтоб чертям тошно было в нашей округе, поставлен был другой завод — на реке Керести, завод стёкол для керосиновых ламп, делали и хрусталь.

Однако, когда я спросил, чисто ли там работают люди, сытно ли живут, отмахнулся. «По заборным книжкам живут», — сказал. Это когда под получку отпускаются продукты в долг, но по дорогим ценам у купцов.

Видел я позже, как с кузнецовских заводов люди уходили из работавшихся, что с Волховского, что с нашего, Грузинского, кто-то возвращался в деревни, но из Большой Любуни туда на заработки уходили редко, у нас стояло своё мелкое производство спичек, но я там не стал устраиваться.

Наша фабрика стояла удачно — рядом железная дорога в Чудове, кругом леса, осины много. Канал, по которому сплавляли лес на фабрику, в одном месте имел расширение, плоты из брёвен ожидали здесь своей очереди в переделку на спички. Стояли плоты вкривь и вкось, мы, ребяташки, по ним бегали.

«Вот они — сучья осиновые, чтоб запалить Геенну огненную», — твердил всё Сапожок. Спички-то раньше звали «люциферчиками», так господин Лундберг говорил. А фотсфор-то думаешь откуда берут? Из костей.

Брёвна сплавляли и по реке Керести, вдоль реки стоял кислый запах намокшей древесины от громадных костров дров, штабелей осины, занявших весь берег. Мужики из бедных деревень отдавали детей в рабочие дешёво. В посёлке было всё серое от цементной пыли другого завода. Места у нас, как известно, глинистые, вот цементный завод и поставлял в Петербург цемент высокой марки.

Сапожок рассказывал, что раньше дело приказчика (моё дело) было развозить по деревням лучинки, картофельный клей, этикетки, чтоб крестьяне, прежде всего дети, клеили их на упаковки, сушили прямо в избах. Надомничество у нас не прекращалось полностью, но на фабрике уже были луцильные, рубильные и макальные станки.

Отец тоже начал было договариваться, но после первой поклейки отказался. Сказал, нас сады и хозяйство прокормят, рыбы полно, а эту вонь я терпеть до смерти не стану, уж пусть дюжат — после смерти серой надъишусь. Меня он тоже отпускал с неохотой, но отпустил.

Я видел, как другие воруют, но сам воровать не хотел. Смешно как-то. Что воруешь? Спички. Хотя бывший приказчик на спичках себе дом новый построил. Все шептались — спичечный коробок себе срубил осиновый, Иуда.

В пять утра закипала работа. Спичечное дело было ядовитым, на щепу наносили горючий фосфор, если щепка из осины, наносили бертолетову соль ядовитую, серу, клей. На стенки спичечных коробок наносили красный фосфор — тоже ядовитый. Дышать было трудно, воздух пропитан фосфором и серой. Поначалу у меня кружилась голова с непривычки, бил кашель. Работала в основном молодёжь — старики не доживали. Я видел, как мальчишка Тарарошкин обжёгся, кричал, пришла надзирательница — длинная сухая старуха — помазала чем-то ему руку, сказав «до свадьбы заживёт», исчезла.

В тот день инспектор был на фабрике и записал, что устройство фабрики не совсем удовлетворительное, так как

сушильные и макальные отделения, как самые вредные для здоровья, не совсем отделены от остальных помещений.

Я шёл проверить упаковку спичек перед погрузкой, вдруг остановился как вкопанный. Из склада шёл дым, оттуда выбегали люди, кашляли, падали в снег. Я бросился внутрь, закрывая от дыма лицо картузом. Только в одном месте могло загореться, в том, где ещё в жестяные банки не успели переупаковать спички. На складе было запрещено держать хоть что-то тряпичное, я сорвал с себя пальто, триковый пиджак и накрыл горящий ящик, другой схватил, выскочил на улицу, бросил в снег. Огляделся. В углу, возле ворот, заметил мальчишку Тарарошкина; испуганный, он прятался от всех, поманил его пальцем.

— А ну рассказывай.

— Меня послали за этикетками, там ящики перепутали, а один был открытый. Я спички взял и поджёг, как давеча тот, который фокусы показывал. Они вспыхнули, я испугался и выпустил их. Я и так руку обжёг давеча-с.

— Я тебе дам давеча-с, иди и молчи, и не сказывай, что мне сказал, никому. Пошёл прочь.

К вечеру за мной прибежал Сапожок:

— К директору-с просят.

Управляющий, свояк Лапина, владельца фабрики, выдал мне возмещение за попорченное пальто и пиджак и подарил серебряную коробочку со спичками.

— Происшествия нам не нужны. Хорошо, что тихо всё обошлось, а мог бы быть пожар. Вон в Графской Слободе, в Переходе спалили фабрику. И тут бы тоже.

— Пожары нам не нужны.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Спичечная фабрика в Грузинской волости

Акционерное общество «В. А. Лапшинъ» в 1908 году стало одним из основных организаторов «Русского общества спичечной торговли» (РОСТ). В состав этого общества вошли все основные спичечные производства империи, за исключением фабрики на станции Усолье под Иркутском и фабрики «Победа» на станции Седанка близ Владивостока. А потом во время Революции фабрику национализировали. До 1922 года за фабриками сохранялось прежнее название «Ираида», а в 1922 году в ознаменование 5-летия Великой Октябрьской социалистической революции объединённая фабрика получила название «Фабрика имени товарища Ленина». В 1928 году деревни Хотитово, Новая и Большая Любунь были административно слиты с волостным центром Грузино. В 1941 году во время боевых действий фабрика была полностью разрушена и впоследствии восстановлена не была.

Мысли о женитьбе пришли на ум моему деду Фёдору Никитовичу Варламову после того, как его родной брат Павел женился в 1901 году перед Великим постом на мясоед. Старшая же сестра моего деда Фёдора, Александра Никитична, была уже давно замужем. *(См. вкладку 1, стр. 13)*

«Не в силе, не в ловкости, не в уме, не в таланте, не в творчестве выражается индивидуальность. Но в любви». Это сказал А. И. Куприн. Однако эти слова в полной мере можно отнести к моим деду Фёдору и бабушке Дарье. Он взял её в жёны без приданого, сам купил ей приданое (раньше для невесты это было важно), а она во время войны откажется его оставить на оккупированной фашистами территории, вернётся из эвакуации, куда отвезёт дочерей с маленькими внуками.

Из рассказов моей бабушки Дарьи Портянкиной. Приданое невесты

Я не хотела идти на Масляную в дом к Картихе. И как сердце чуяло — Настасья Рябая вышла в круг и начала с притона:

*Нет ни дома, ни землянки,
Во дворе одни портянки,
Портянки домотканые —
Вот и всё приданое.*

А сама на меня глядит, новыми ботинками притопывает. А мои ботинки развалились вчера, подшить бы, да у бати денег нет. Сердится Настасья на меня за Константина, что он вчера до дома за нами шёл с гармонью, до самой Керести. Наш дом последний по берегу. За мной шёл, я знаю. И Настасья знает. Да пусть не беспокоится — не люб он мне, рябой да ухмылка у него наглая. Но ответить надобно, хотя бы за род наш Портянкиных. Только бы подошва у ботинка не отстала, хлипко держится.

*Раз рябой нашёл рябую
Да зачем ему такую:
Рябую он по горло сът,
Говорит: «В глазах рябит».*

Притопнула, тут подошва-то и отвалилась. Ну, как знала, надо было не приходиться на игрища. Портянкина и есть Портянкина.

— Позвольте помогу.

Подняла глаза — кто это может быть? А самой стыдно, куда бы глаза деть. Бросилось в глаза — сапоги чищенные у парня, новёхонькие, с калошами. Вгляделась — откуда он здесь?

Это же Фёдор Варламов, он приказчиком служит, недавно на фабрике чуть пожар не случился, так он как-то управился, и его наградили. Проводить вызвался. Подошву мне подвязал какой-то тряпкой — у Карпихи нашлась. «Приходите, — говорит, — завтра к фабрике спичек, я знаю, где ботинок вам исправят, будет как новый. — А потом добавил: — А пока в портянке ходите». — Смеется. Я обиделась и не пошла на завтра. Хоть парень и красивый. Да какой он парень, он уж взрослый. Когда шли к дому, ещё до того, как я обиделась, спросила про пожар. Он достал коробок и мне протянул — вот, наградили. Я спросила: «Шкатулкой?» Опять смеётся: «Коробка спичек». Да какая это коробка спичек, будто я коробок не видела. Железная коробочка-шкатулочка.

На Пасху батя отправил меня в магазин при фабрике купить новые ботинки, дал денег. Матушка вчера его уговорила, всё шептала: «Девка засиделась, уже двадцатый год». А батя вчера четвертинку зобнул, прилип к табуретке, что шкаф к полу, добрый был. Хотела сама маменька со мной пойти, но приличное суконное полупальто одно у неё, с накладными карманами, она мне его дала, а сама рукой махнула — одна иди и ботинки бери в «Спичке», где господа обуваются. Я постояла у крыльца, страшиновато всё-таки, магазин дорогой, вдруг не хватит денег, засмеют. Но потом вошла. Сначала даже зажмурилась — так ярко всё. Потом глаза открыла и вздрогнула: напротив — я сама в полный рост. Никогда себя так не видела. Дома зеркальце есть, но маленькое. А тут в огромной раме — как дверь, только всё — зеркало.

— Чего-с изволите?

— Ботинки, — говорю.

— Ножку покажите.

Я ножку вытянула и покраснела — боты батя подшил, а всё видно — старые.

— Вот эти подойдут-с, — сказал хозяин, а может, работник их.

Я деньги протянула не глядя.

— Наденьте-с, вдруг не подойдёт.

Пока я села на стул, начала стягивать старый ботинок, а он и говорит:

— Ещё три рубля нужно. Ботинки десять рублей стоят, а у вас семь. Ботинки из Санкт-Петербурга-с, из тамошнего магазина, потому дорогие.

Я, не поднимая глаз, пошла к выходу.

— Барышня, так не будете-с покупать?

Выбежала и бегу по улице. Вдруг со всего маху врезалась в кого-то.

— Да куда вы так. Вы ботинки свои забыли.

Гляжу — Фёдор Варламов стоит, смеётся, как всегда, и ботинки мне протягивает.

— Вы ж деньги-то заплатили.

— Так не хватило же.

— Сторговался, — говорит.

Я неуверенно взяла ботинки, за деньги батя-то шкуру бы с меня спустил.

— А я захожу в магазин, гляжу — царица в зеркале.

— Какая ещё царица?

— Да вот вы и стояли, как царица. А ещё, знаете, у пчёл бывают такие царицы, их матками называют. Все вокруг работают, а она в центре всеми правит. Вот вы так стояли. Зря вы тогда на меня обиделись, а фамилия у вас хорошая, солдатская.

— Да какая ж царица, подошву-то батя спичкой — спицей прикрепит.

Мы шли по улице, Фёдор мне ещё много чего интересного рассказывал. Оказывается, станцию, которая возле железной дороги, построил иностранец Лорберг, рассказал ещё, что у его бати есть друг-охотник Фёдор Иванов, который обучил охоте одного господина — известного писателя Некрасова, который про крестьян стихи писал, тот подарил ему свою книжечку.

Сказал, что Фёдор долго серчал на жену этого писателя за то, что она нечаянно собаку охотничью подстрелила. «Как же можно нечаянно подстрелить?» — подумала я и решила, что писатель собаку больше любил, чем жену, вот она сгоряча и убила. Фёдор много чего рассказывал, я слушала. А один раз он вдруг говорит:

— Хватит мне на отходничестве жить. Буду свататься к твоему батю. Согласна?

Я согласилась.

— Вот как хорошо. Значит, будешь ты тоже черноносой.

Я посмеялась. Точно! Всех, кто в Большой и Малой Любуни живёт, черноносыми кличут. А кто в Острове и Завижах — водениками. Они кажин день на Грузинскую фабрику на лодках по 10 верст молотят. А из Некишина — мы «поросята», а из «Глади» — моховики, а из Модни — «покойники», кладбище.

— Господь с тобой! — Я перекрестилась, подумала: «Черноносой-то лучше быть, чем поросёнком».

Но поженились мы только через год, его отец был против, семья у нас небогатая, у меня приданого не было. Но Федя сказал, что уйдёт из «Спички», будет хозяйством заниматься, пчёлами. И его отец согласился, только приказал, чтоб венчались у батюшки Николая Рябовского. Батя Федю этого священника знал. Федя говорит, что в Большой Любуни тоже надо бы отстроить церковь — Рождества Иоанна Предтечи.

Въехали в Большую Любунь на телеге, лошадьё Федя правил сам. Почти всё место занимало что-то огромное, я подумала, по хозяйству что-то. Федя только посмеивался: «Твоё приданое». Когда сошли у дома Варламовых, он сам занёс в дом кладь. После венчания зашли в сенцы. Я так устала, кругом было столько чужих лиц, что села на лавку прямо в сенцах, под тушками зайцев. Но Федя повёл меня в дом. Я перешагнула порог и ахнула — огромное зеркало в рост из магазина стояло посередине хаты. А рядом — новенькая машинка «Fabrik marke».

— Царицей будешь, — сказал Федя. Потом засмеялся: — Как у пчёл. Я уж улей взял у пасечника в Луках и первый рой. У нас клевера много. От Волхова до самой Любуни зальёт болото, будем рыбу ловить острогами, а потом вода сойдёт — сена много. И клевер кругом. Мёд из клевера вкусней конфет. Без горьковатого вкуса. И мы без горечи будем жить.

Я тут подумала про брата Ваню. Батя женил его на Мясниковой Пеллагее, но не всё там было гладко, старше она его на два года. Но, может, с годами сладится. Хорошо, что Федя старше на пять лет. И оба мы с ним весенние.

Говорю весело:

— Федя, я на машинке шить-то не умею, сломаю машинку, что делать будем?

— Да это ж вечная машинка, её хоть на наковальню. А в шитье главное что?

— Кроить, — говорю.

— Почему?

— Кроить не шить: после не распорешь.

— Так ты семь раз отмерь, — говорит.

Так началась наша с Федей совместная жизнь.

(См. вкладку 1, стр. 15)

Есть знаковые годы в истории страны, годы ярких, переломных событий: Революция, Гражданская война, Великая Отечественная война. Это события, которые влияют на ход истории всего народа и коренным образом меняют жизнь каждой семьи. 1937–1939 годы в истории России — период репрессий. Именно в этот период мой дед по отцу Емельян Еремеевич Миронов был приговорён к расстрелу 18 сентября 1937 года. И в это же самое время Фёдор Никитович Варламов, дед по матери, стал колхозником и был «награждён за успехи в советском сельскохозяйственном производстве». Трагизм этой ситуации в том, что одного наградили, другого расстреляли за одно и то же — за яблоки. Так иногда случается.

Рассказывает Фёдор Никитович Варламов

Помещичьи яблоки

Дом моих стариков стоял в Большой Любуни по правой стороне дороги со стороны Грузина, начиная сразу от Любунского кладбища. На задах — Самыличевы. Дружно жили в Большой Любуни: Елисеевы, Гудаловы, Филимоновы, Гуркины, Лупашковы, Кондранины. Мы с Дарьей как-то сразу стали хорошо жить, отделились от отца, переехали в Малую Любунь в новый дом. Своим роем-домом начали обустраиваться.

Новая власть дала нам помещичью землю — как раз под новый дом. Мне сказали в колхоз вступить «Восход», овощеводом. В него весь наш приход записали: Большую и Малую Любунь, Остров, Завижа, Стриженец, Некшино. Председателем будет Мишка Кондранин. А на помещичьей земле нам сказали овощи выращивать. Но я ещё яблони там подопру, старые срубить бы надо, новые посажу, груши посажу, сливы. Там место не топкое, яблони будут богатые. А меж них — наши ульи поставим.

А Герасимова раскулачили. Против Мишки я ничего не имею, но Герасимовых жалко.

Поначалу Дарье непривычно было большое хозяйство, а я не мелочился, пасеку сразу поставил на ноги, коров, живность разную. В доме половицы сам клал — крепкие, не прогнутся. А сад какой! Жаль, земли мало.

Детей всего у нас вышло 14, но не все вошли в возраст.

Бог дал вырасти восьмерым: четверым сыновьям и четырёх дочкам. Катерина, Анна, Зоя, Галя, сыновья: Николай, Андрей, Сергей, Александр.

В год рождения Катерины, в 1905 году, скончался отец мой Никита Тимофеевич, и через 9 месяцев после венчания,

как положено, в ноябре того же года родилась у нас дочь Екатерина. (См. вкладку 2, стр. 1)

Потом дети посыпались: Николай, Андрей, Зоя. Да все осенью. Мы только отшучивались: цыплят по осени считают. Перед рождением Сергея в деревне много сыновей народилось, в городе, я слышал, тоже много солдат крестили батюшки, все говорили — к войне. Да и без примет ясно было, что без войны мы не проживём свой век.

Священник наш — батюшка отец Пётр — поставил в Большой Любуни церковь Иоанна Предтечи в 1911 году. Приход большой: Стриженец, Пролёт, Завижа, Остров, Мехишино, Любунь.

В день Покрова Пресвятой Богородицы в 1916 году родилась Анна. А через год царя свергли, опьянела Россия от крови, зашлась в крике, как мать на пиру посередь драчливых сыновей. Видал у Шаравехиных таких-то: ни стыда, ни совести. Революция! Потом война.

Мы как-то всё пережили. В доме — шестеро по лавкам.

— Восемь будет, — говорил я Дарье.

— Да куда уж ещё, — отвечала Дарья.

А я знал — восемь, у нас в семье всегда так повелось. Детей рождалось когда сколько, а до зрелости доживали восемь.

И точно — в 1921-м родился Александр. В 1925-м — Галина.

Дарье было сорок уже, но была она красавицей. После рождения Галины всё чаще стала надевать дома платок, хоть и волосы у неё всегда были пышные, косы длинные.

— Дарья, ты чего прячешься? — спросил как-то.

— Да уж старею, Фёдор, седины вон сколько, после Галочки косы поредели совсем.

Взял я её тогда за плечи, подвёл к зеркалу, отодвинул Зою — рано ещё вертеться перед зеркалами.

— Глянь, — говорю, — на себя. Ты, Дарья, как была, так и есть до сих пор.

Смотрю — выпрямилась.

— Ты ж, — говорю, — уж сколько лет не Портянкина, а Варламова.

— Тьфу ты, — говорит, хлестнула меня полотенцем, взяла Галю на руки, ушла в сенцы.

А чего бы не посмеяться. Жизнь, правда, не смешная. Достал ботинки из-под лавки, из мешка.

— Дарья, ты не сердись, гляди, я на муку тут выменял. Тебе привёз. Ботинки, правда, не так уж чтоб, но зато новые. Не из самого Петербурга, а из самого Чудова.

— Да куда ж мне, вон Анне надо.

Надела.

— Надо бы для батюшки подарок — Галю крестить.

— И для батюшки есть. Да вот мёду ещё припас я. Окрестим.

Помолчали.

— Батюшку... дом его под школу отдают — на задах Дёмкиных домов. А Суворовых не согнали, они так же при церкви. Сельсовет у самой Любунской горы. Так теперь будем жить. Пойду, Дарья, узнаю, где батюшка теперь будет жить, может, помощь какая нужна. Да о крестинах поговорю.

1937 год в Большой Любуни

— Галя, Галя, выдь на крыльцо!

— Ну, что тебе?

— Ой, Галя, пошли уж в школу, сказать тебе надо!

— Чего сказать, Зинка, вечно ты придумаешь? Пошли в дом, холодно ведь.

— Нельзя пока, твоя мамка заругается. Галя, а я ведь крёстной стала.

— Как крёстной? Тебе ж тринадцать. Мне вот тоже тринадцать, я бы не стала.

— А куда мне деваться? Мы с Васей дотемна искали крёстного, все ж на работе были. Маманя родила Петеньку, надо же маленького покрестить.

— Да вы ж Петеньку крестить собирались в следующее воскресенье! Сама ж всё утро в школе говорила.

— Ну да, а после школы пришла — стучат в ворота. Я открыть, а это старушка Суворова. Подходит ко мне и говорит: «Зинушка, у тебя мама-то родила, когда младенца крестить будут?»

— Не знаю. Хотят до воскресенья дождать, — отвечаю.

А она мне шепчет:

— Батюшков везде забрали. Вот уж в Модне был забран ночью батюшка отец Николай, Ростов который по фамилии. Ага. Скажи родителям, чтобы сегодня крестили ребёнка. И крёстну, и крёстного обязательно пусть приведут.

Я к маме бросилась, сказала, она тут же засобиралась. Она нас с Васей послала за крёстными, а где взять? Некого взять — все работают. Кто на «Спичке», кто в Грузии работает, кто в колхозе. Нашли кое-как — паренёк, помнишь, смешной такой, сторожем работает в колхозе, ну, у коров, в коровниках. Попросили — он согласился. А крёстной я уже. Так брата и покрестили.

— погоди, сейчас выйду. Чернила возьму только.

Через минуту Галя выбежала на крыльцо, поёжилась от октябрьской сырости.

— Галя, я ведь тебе ещё что скажу. Страшно мне без тебя в школу идти, это же бывший батюшки — отца Петра дом. А его избили и взяли ночью.

Девочки остановились у плетня.

— Как взяли? Что ты говоришь, Зина? Батюшка же хороший, он, если кто не придёт в церковь, сразу же идёт, спрашивает, почему не ходили в церковь, что случилось, не заболели ли дети. Он душевный. Я исповедалась ему нынче.

— А что исповедалась?

— Потом расскажу. Что с батюшкой?

— Вася ночью возвращался уже, маманя его ругает, но он с ребятами был. Так шёл мимо Задворок, на Задворках же батюшка теперь живёт. Вдруг слышит — крики, шум. Подошёл ближе, а там на лошадях конные и телега. Батюшку отца Петра бьют и все говорят: «Показывай, где золото зарыто, показывай, где золото зарыто у тебя!» Вася бросился к ним, а один его нагайкой прямо по лицу. Другой хотел схватить, да Вася вывернулся и через огороды, а там собаки. Вася-то быстрый, а эти уж не полезли в огороды. Зачем им Вася, у нас никакого золота нету.

— Зинка, ты думаешь, у батюшки есть? Да хоть бы и было. Грех какой.

Добежали до школы.

— Галя, гляди, Ванька Гуркин из окна высунулся, тебя выглядывает. погоди, перекреститься надо, дом-то батюшкин. Как думаешь, будет ли жив батюшка?

— Не знаю.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Репрессии в Большой Любуни в 1937 году и в Грузине в 1939 году

Священник церкви Рождества Иоанна Предтечи в деревне Большая Любунь Пётр Петрович Лажи(е)нский (1869–1937), уроженец деревни Ложины Демянского района Новгородской области, был арестован 2 октября 1937 года и расстрелян 11 декабря 1937 года.

Портянкин Дмитрий Васильевич (1889–1938), русский, образование: грамотный, б/п, электромонтёр, житель: Новгородская обл., Чудовский р-н, завод «Красный фарфорист». Арест: 1938.03.18. Расстрел: 1938.07.08 [Книга памяти Новгородской обл.].

1939 год. Поездка на ВДНХ (ВСХВ). Высокая награда

- Зинка, Зина! Гляди, что на мне!
- Галя, какая ты! Ой, все же теперь завидовать будут. Батя приехал?
- Вернулся.
- Что рассказывает?
- Он в сельсовет пошёл, там на собрании должен выступить, отчитаться и рассказать, как и что в Москве.

Шёл 1939 год. В сельсовете возле Любунской горы деревни Большая Любунь собралась вся деревня. Встречали вернувшегося из Москвы с открытия ВСХВ бригадира-овощевода Фёдора Никитича Варламова.

Фёдор Никитич в новом костюме, в чищенных сапогах, в ковортке сидел на крыльце, возле него так же чинно сидели мужики.

Председатель подъехал вовремя, смахнул пот со лба, поздоровались за руку. Протиснулись в переполненный зал.

— Иди вот в президиум, — сказал председатель Михаил Кондранин, поседевший, постаревший за эти годы. — Рассказывай колхозникам, как и что. Как там Москва?

— Дядя Фёдор, а что, правда, наш Кремль на московский Кремль похож? — это кто-то из деревенской молодёжи крикнул. Смелые стали больно. Кремлём в деревне называли церковь Рождества Иоанна Предтечи — из красного кирпича на горочке возвышалась над округой — красивая, величественная.

Фёдор Никитич хотел было оборвать любопытных, но потом подумал и сказал:

— Правда похож. Москва она вся такая — как наша церковь. Народу много. Привезли нас на ВСХВ рано утром 20 августа в место, которое называется «Новое в деревне». Сказали располагаться, всех записали, как положено. Красота невероятная.

Значит так. Я должен сначала сказать, что решили организовать выставку 2-й Всесоюзный съезд колхозников-ударников. И эта выставка должна стать зеркалом, в котором мы все видим, чего добились. Наградили вот грамотой. — Фёдор Никитич бережно развернул Дарьин платок, достал грамоту, протянул Михаилу.

Михаил Кондранин надел очки, прочитал громко: «Награждён Фёдор Никитич Варламов, колхозник колхоза „Восход” Чудовского района Новгородской области за успехи в советском сельскохозяйственном производстве». Позжал Фёдору руку, вручил грамоту. Все захлопали.

Фёдор смущённо откашлялся, продолжил:

— Спасибо, земляки-колхозники. Один бы, куда я один, вместе все мы грамоту эту получили.

— Да ты не говори, яблони-то ты попервой один сколько годов взрыхлял? Перегнуою сколько истаскал, в глину замесил? — встрял Михаил. — Ну и народ тоже помогал, яблоки-то всей деревней ели.

Народ засмеялся.

— Правду скажу — добились многого. Яблоки наши мы высыпали в витрину. Другие овощи тоже. Но вокруг — я вам скажу, такого не видывал. А давно ли мы голодали?

Допоздна колхозники не отпускали Фёдора Никитича, разговор постепенно переместился на крыльцо, где перекур. Молодёжь недалеко развернула гармонь, но гармонисту сказали подождать — все слушали. В последние годы малоразговорчивый Фёдор Никитич помолодел, посветлел, рассказывая о том, что нескоро ещё увидят односельчане-земляки:

— Там ведь деревню отстроили — вот как есть деревня. Сельсовет, тебе бы, Михаил, туда. (Все засмеялись.) Правление колхоза, тракторная станция есть, клуб для вон молодых, школа, дом для рожениц.

— Нашу бабушку Сперкову туда! — смеялся кто-то.

— А то я без дома-то для рожениц не приму у вас дитя. Христос в хлеву родился, — звенела Сперкова.

— Там ещё ясли были выстроены.

— А ясли — это что, к Рождеству? Церковное, что ли? — спросил кто-то, в темноте не разглядеть было.

— Ясли — это чтоб с утра младенцев сдавать, а после работы забирать, чтоб бабам, женщинам, удобнее было.

Бабы зашумели, заспорили.

— А ещё я видел парашютную вышку. Надевают люди парашют и прыгают. В воздухе держатся, как пчёлы. Долго летят с огромной высоты. Я хотел прыгнуть так-то, но мне сказали: по возрасту нельзя уже.

Почти ночью шли Фёдор Никитич с Дарьей к своему дому. На соседней улице, наконец, развернулась застоявшаяся гармонь.

— Ну, Коля Гудалов, баянист, до утра теперь не уgomонится, а наутро последним придёт на ферму, — проворчала Дарья.

— Дарья, слышь, что нашёл! Забыл совсем, — Фёдор достал из кармана свёрток.

— Что это?

— Шоколад, тебе вёз да детям попробовать. Он как мёд, сладкий, московский. Растаял весь, слипся. Держи.

— Детям оставим.

— Эх, Дарья, посмотрел я на жизнь, светло в Москве. Жить и жить теперь. Ты только представь, если Большая Любунь так отстроится, как та деревня на ВДНХ. Как думаешь, доживём мы?

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Из истории Большой Любуни

Деревня Большая Любунь была разрушена до основания в годы Великой Отечественной войны. Церковь Рождества Иоанна Предтечи погибла под снарядами в 1943 году и не была восстановлена.

Я направил письмо в Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, и мне прислали копии документов, свидетельствующих о тяжёлой истории церкви Рождества Иоанна Предтечи в деревне Большая Любунь. *(См. вкладку 2, стр. 3-5)*

*Поклонный крест
в Смоленской области
у города Велиж на окраине
Семичёвского бора,
где в 1937 году был
расстрелян как кулак
мой дед по отцу Миронов
Емельян Еремеевич*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
в отношении
Миронова Е. Е.
по материалам
уголовного дела
арх. № 12497

Лист № 16

к делу № _____

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия Миронов

2. Имя и отчество Емельян Еремеевич

3. Дата рождения: число 19 месяц Августа год 1874

4. Место рождения д. Полоски Сивьевского с/р. Ишимского р-на Западной области

5. Местожительство (адрес) д. Полоска Сивьевского с/р. Ишимского р-на Западной области

6. Профессия и специальность Хлебароб.

7. Место службы и должность или род занятий работало в своем х-ве в д. Полоски, а также работало в Ишимском лесотракторном заводе
(указать без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производства)

8. Паспорт Не имел
(когда и каким органом выдан, номер и категория, где прописан)

9. Социальное происхождение Из крестьян Ишимской губернии родител:
(род занятий родителей и их имущественное положение)
Земли 5 дес. 1 лошади, 2 коровы, мелкого скота 2 гол.

10. Социальное положение Кулак
(род занятий и имущественное положение арестованного)

а) до революции Земли 20 дес. 2-3 лошади, коров 3 гол. Малого скота 20 гол. два дома. Кушница, сарай, приусадебный огорок, Чинаки, две бараны.

б) после революции Земли 20 дес. 2-3 лошади, коров 3 гол. Малого скота 20 гол. два дома, Кушница, сарай, приусадебный огорок, Чинаки, две бараны.

11. Образование (общее и специальное) _____

Копия верна, нагл. архив

Иванов 28/8

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО.

Лист № 16 к делу № _____

Семья Варламовых: мой дедушка Варламов Фёдор Никитович (1878 –1958), моя бабушка Варламова Дарья Ильинична (в девичестве Портянкина из деревни Некшино) (1884–1969) и их дети: сыновья — Николай (1907–1965), Андрей (1909–1942), Сергей (26.01.1924 – 21.07.1993), Александр (1921–1978) и дочери — Екатерина (1905–1935), Зоя (31.12.1911 – 04.05.1996), Анна (14.10.1916 – 14.11.2000) и Галина (25.03.1925 – 07.06.2007)

МЕТРИЧЕСКАЯ КНИГА № 2				ГОД, ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ОУМЕРШЕХЪ	
№ по списку	№ по метрической книге	Имя похороненнаго	Возрастъ въ лѣтъ	Свѣдѣніе о родителехъ	Отъ чьихъ рукъ
					По повелѣнію и грамотѣ
48	1	Младш. Некшино			Отъ чьихъ рукъ
48	1	Дочка Некшино крестьянина Ильи Стефанова 7 мѣс. Варвара		Свѣдѣніе о родителехъ	Отъ чьихъ рукъ
48	1	Дочка Некшино крестьянина Ильи Стефанова 7 мѣс. Варвара		Свѣдѣніе о родителехъ	Отъ чьихъ рукъ
48	2	Младш. Некшино крестьянина Ильи Стефанова 7 мѣс. Варвара		Свѣдѣніе о родителехъ	Отъ чьихъ рукъ
48	3	Дочка Некшино крестьянина Ильи Стефанова 7 мѣс. Варвара		Свѣдѣніе о родителехъ	Отъ чьихъ рукъ
48	4	Младш. Некшино крестьянина Ильи Стефанова 7 мѣс. Варвара		Свѣдѣніе о родителехъ	Отъ чьихъ рукъ
48	5	Дочка Некшино крестьянина Ильи Стефанова 7 мѣс. Варвара		Свѣдѣніе о родителехъ	Отъ чьихъ рукъ
48	6	Дочка Некшино крестьянина Ильи Стефанова 7 мѣс. Варвара		Свѣдѣніе о родителехъ	Отъ чьихъ рукъ
48	7	Младш. Некшино крестьянина Ильи Стефанова 7 мѣс. Варвара		Свѣдѣніе о родителехъ	Отъ чьихъ рукъ

Из Метрической книги.

1 августа 1871 года умерла и погребена деревни Некшино крестьянина Ильи Стефанова дочь восьми месяцев от роду Варвара. Погребение совершил Священник Белоликов с Крутяковым.

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1898				ГОДА, ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ, Ф. ОУМЕРШННХ.			
Дата рождения	Мать и отец		Забл. или отъезд и факт. смерти	Акт смерти	Въ чемъ сдѣл.	Кѣмъ совершено и отъ кого	Кѣмъ приняты погребеніе, и гдѣ погребеніе.
	Имя	Фамилія					
98	-	29	1	Серебрянъ Некшино, крестьянина Федора Стефанова сына Стефанова Священника Николая Ребовскаго Псаломщика Леонидомъ Наговскимъ	Сынъ умершаго		Священникъ Николай Ребовскій съ псаломщи- комъ Леонидомъ Наго- вскимъ.
-	27	1	3	Серебрянъ Некшино, крестьянина Федора Стефанова сына Стефанова Священника Николая Ребовскаго Псаломщика Леонидомъ Наговскимъ	Сынъ умершаго	Свящ. Р. Ребовскій	Священникъ Николай Ребовскій съ псаломщи- комъ Леонидомъ Наго- вскимъ.
98	-	2	4	Серебрянъ Некшино, крестьянина Ильи Стефанова сына Стефанова Священника Николая Ребовскаго Псаломщика Леонидомъ Наговскимъ	Сынъ умершаго		Священникъ Николай Ребовскій съ псаломщи- комъ Леонидомъ Наго- вскимъ.
-	98	3	5	Серебрянъ Некшино, крестьянина Федора Стефанова сына Стефанова Священника Николая Ребовскаго Псаломщика Леонидомъ Наговскимъ	Сынъ умершаго	Свящ. М. Ребовскій	Священникъ Николай Ребовскій съ псаломщи- комъ Леонидомъ Наго- вскимъ.
100	-	7	9	Серебрянъ Некшино, крестьянина Федора Стефанова сына Стефанова Священника Николая Ребовскаго Псаломщика Леонидомъ Наговскимъ	Сынъ умершаго		Священникъ Николай Ребовскій съ псаломщи- комъ Леонидомъ Наго- вскимъ.

Из Метрической книги.

2 декабря 1898 года умер и погребён деревни Некшино крестьянина Ильи Стефанова сын Фёдор десяти лет от простуды. Погребение совершил Священник Николай Ребовский с Псаломщиком Леонидом Наговским.

Родители моей мамы — мой дедушка Варламов Фёдор Никитович и моя бабушка Варламова Дарья Ильинична

ИСТРИЧСКОЙ ПЯТИ на 1879				ГОДЪ ЧЕТЫРЬ ПЕРВАЯ, Ш РОДИВШИХСЯ.	
Дата рожд. мѣсяцъ.	Вѣкъ в лѣта.	Имя рожд. крѣ.	Знакъ, имя, отчество и фамиля родителей, и крестныя оубо.	Знакъ, имя, отчество и фамиля крестныхъ.	Родственныя и другія замѣч. по крѣ.
17	17	Фёдоръ	Никита Тимофеевъ и Стефанида Михайлова	Василій Соловьёвъ и Пономарёмъ Василиемъ Львовскимъ	
21	22	Фёдоръ	Никита Тимофеевъ и Стефанида Михайлова	Василій Соловьёвъ и Пономарёмъ Василиемъ Львовскимъ	
22	22	Фёдоръ	Никита Тимофеевъ и Стефанида Михайлова	Василій Соловьёвъ и Пономарёмъ Василиемъ Львовскимъ	
28	22	Фёдоръ	Никита Тимофеевъ и Стефанида Михайлова	Василій Соловьёвъ и Пономарёмъ Василиемъ Львовскимъ	

Фёдор рождён 21 марта 1879 года, крещён 22 марта 1879 года.

Родители — деревни Малой Любуни крестьянин Никита Тимофеев и законная его жена Стефанида Михайлова, оба православные. Восприемники: деревни Малой Любуни христианские дети Флор Никитин и Пелагея Фёдорова. Таинство крещения совершили Священник Василий Соловьёв с Пономарём Василиемъ Львовским.

МЕТРИЧЕСКОЯ КНИГА НА 1885									
Счетъ рожден- ныхъ		Имя и отчество		Возрастъ родителей, в кою и крестиль- ную		Возрастъ, какъ, отчество и крестиль- ные		Возрастъ, какъ, отчество и крестиль- ные	
Мужчинъ	Женщинъ	Мужчинъ	Женщинъ	Мужчинъ	Женщинъ	Мужчинъ	Женщинъ	Мужчинъ	Женщинъ
25	27	11	12	Никифоръ Стефановъ и законная жена его Евдокия Петрова, оба православные.	Деревня Некшино крестьянин Илья Стефановъ и законная жена его Евдокия Петрова, оба православные.	Возрастъ 30 летъ и 27 летъ.	Возрастъ 30 летъ и 27 летъ.	Возрастъ 30 летъ и 27 летъ.	Возрастъ 30 летъ и 27 летъ.
				Восприемники: деревни Некшина же 1-го крестьянин Василий Петровъ и крестьянская девица Татьяна Ильина, 2-й крестьянские (неразборчиво) Стефанъ и Ирина Андреевы.	Восприемники: деревни Некшина же 1-го крестьянин Василий Петровъ и крестьянская девица Татьяна Ильина, 2-й крестьянские (неразборчиво) Стефанъ и Ирина Андреевы.				
				Священникъ Василий Соловьёвъ. Пономарь Василий Львовскій.	Священникъ Василий Соловьёвъ. Пономарь Василий Львовскій.				

Из Метрической книги на 1885 год.

Родились 11 марта, крещены 12 марта Никифор и Дарья. Деревня Некшино крестьянин Илья Стефанов и законная жена его Евдокия Петрова, оба православные.

Восприемники: деревни Некшина же 1-го крестьянин Василий Петров и крестьянская девица Татьяна Ильина, 2-й крестьянские (неразборчиво) Стефан и Ирина Андреевы.

Священник Василий Соловьёв.

Пономарь Василий Львовский.

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1893											
Место рождения	Суть записки	Возраст в лет	Знаки: пол, степень и фамилия				Дни записки				
			Пол	Степень	Фамилия	Урочное	Место	Дни	Время		
	11	26	28	Мужской	Свободный	Соловьев	дер. Некшина	1893	12	12	12
<p>Соловьев Степан Осипович, уроженец деревни Некшина, отставной солдат, умер от старости 5 декабря 1893 года в возрасте 80 лет. Погребен 7 декабря 1893 года в возрасте 80 лет деревни Некшина отставной солдат Степан Осипович. Исповедовал и приобщил священник Николай Рябовский, погребение совершил священник Василий Соловьёв с Псаломщиком Василием Львовским.</p>											
	111	5	7	Мужской	Свободный	Соловьев	дер. Некшина	1893	12	12	12
<p>Соловьев Степан Осипович, уроженец деревни Некшина, отставной солдат, умер от старости 5 декабря 1893 года в возрасте 80 лет. Погребен 7 декабря 1893 года в возрасте 80 лет деревни Некшина отставной солдат Степан Осипович. Исповедовал и приобщил священник Николай Рябовский, погребение совершил священник Василий Соловьёв с Псаломщиком Василием Львовским.</p>											
	112	5	7	Мужской	Свободный	Соловьев	дер. Некшина	1893	12	12	12
<p>Соловьев Степан Осипович, уроженец деревни Некшина, отставной солдат, умер от старости 5 декабря 1893 года в возрасте 80 лет. Погребен 7 декабря 1893 года в возрасте 80 лет деревни Некшина отставной солдат Степан Осипович. Исповедовал и приобщил священник Николай Рябовский, погребение совершил священник Василий Соловьёв с Псаломщиком Василием Львовским.</p>											

Из Метрической книги на 1893 год.

5 декабря 1893 года умер от старости, погребён 7 декабря 1893 года в возрасте 80 лет деревни Некшина отставной солдат Степан Осипович. Исповедовал и приобщил священник Николай Рябовский, погребение совершил священник Василий Соловьёв с Псаломщиком Василием Львовским.

МЕТРИЧЕСКОЕ КНИГА НА 1902				ГОДА, ЧАСТЬ СТОЯЛА, Ф БРАКОСОЧЕТАЕШНХСА.				
Дата числа	Место и год	Свид, зас, священ, фамил и церковн приам.	Мети возра.	Свид, зас, священ, фамил и церковн приам.	Мети возра.	Кто вступил в брак.	Кто был свидетелям.	Имена родителей отца и матери.
25	29	Грузинской волости деревни Малой Любуни крестьянина Никиты Тимофеева сына запасный ефрейтор Павел Никитин 26 лет православного вероисповедания первым браком	29	Васильковской волости деревни Серебряницы крестьянина Николая Павлова сына запасный ефрейтор Сергей Павлов 26 лет православного вероисповедания первым браком	26	Священник Николай Рябовский	Никитин Флор Никитин и Тимофеев Павел Никитин	Тимофеев Павел Никитин и Тимофеева Мария Никитина
24	29	Грузинской волости деревни Малой Любуни крестьянина Никиты Тимофеева сына запасный ефрейтор Павел Никитин 26 лет православного вероисповедания первым браком	26	Васильковской волости деревни Серебряницы крестьянина Николая Павлова сына запасный ефрейтор Сергей Павлов 26 лет православного вероисповедания первым браком	26	Священник Николай Рябовский	Никитин Флор Никитин и Тимофеев Павел Никитин	Тимофеев Павел Никитин и Тимофеева Мария Никитина
25	29	Грузинской волости деревни Малой Любуни крестьянина Никиты Тимофеева сына запасный ефрейтор Павел Никитин 26 лет православного вероисповедания первым браком	26	Васильковской волости деревни Серебряницы крестьянина Николая Павлова сына запасный ефрейтор Сергей Павлов 26 лет православного вероисповедания первым браком	26	Священник Николай Рябовский	Никитин Флор Никитин и Тимофеев Павел Никитин	Тимофеев Павел Никитин и Тимофеева Мария Никитина

29 января 1901 года Грузинской волости деревни Малой Любуни крестьянина Никиты Тимофеева сын запасный ефрейтор Павел Никитин 26 лет православного вероисповедания первым браком обвенчался с Тихвинского уезда Васильковской волости деревни Серебряницы крестьянина Николая Павлова дочерью Дарьей Николаевой 22 лет православного вероисповедания первым браком. Обвенчал Священник Николай Рябовский. Поручители по жениху: крестьяне деревни Малой Любуни Флор Никитин и деревни Новой Алексей Иванов, по невесте: деревни Серебряницы крестьяне Сергей Павлов и Фёдор Алексеев.

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИЖИ НА 1893				ГОДЪ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ, О БРАВОСОЧЕТАВШИХСЯ			
Свѣдѣн. браков. в 1893.	Мѣсяц. в 1893.	Имя, возр., состоян. жениха и отчества жениха, и отцовъ жениха	Имя матр.	Имя, возр., состоян. невесты и отчества невесты, и отцовъ невесты	Его отчество и фамилия.	Его имя и отчество.	Имя и отчество жениха и невесты.
21	25	Грузинской волости деревни Малой Любуни крестьянина Николая Тимофеева сына Стефанъ Стефановъ православнаго вероисповѣданія, 23 лѣтъ, холостъ, изъ с. Малой Любуни.		Грузинской волости деревни Малой Любуни крестьянина Никиты Тимофеева сына Федоръ Федоровъ православнаго вероисповѣданія, 23 лѣтъ, холостъ, изъ с. Малой Любуни.	Свѣдѣн. браков. в 1893.	Мѣсяц. в 1893.	Имя, возр., состоян. жениха и отчества жениха, и отцовъ жениха
<p>Священникъ Николай Рябовскій. Поручители: Иванъ Андреевъ Федоръ Семёновъ</p>				<p>Свѣдѣн. браков. в 1893.</p>			
22	27	Грузинской волости деревни Малой Любуни крестьянина Николая Тимофеева сына Стефанъ Стефановъ православнаго вероисповѣданія, 23 лѣтъ, холостъ, изъ с. Малой Любуни.		Грузинской волости деревни Малой Любуни крестьянина Федора Федоровъ сына Федоръ Федоровъ православнаго вероисповѣданія, 23 лѣтъ, холостъ, изъ с. Малой Любуни.	Свѣдѣн. браков. в 1893.	Мѣсяц. в 1893.	Имя, возр., состоян. жениха и отчества жениха, и отцовъ жениха
<p>Священникъ Николай Рябовскій. Поручители: Иванъ Андреевъ Федоръ Семёновъ</p>				<p>Свѣдѣн. браков. в 1893.</p>			

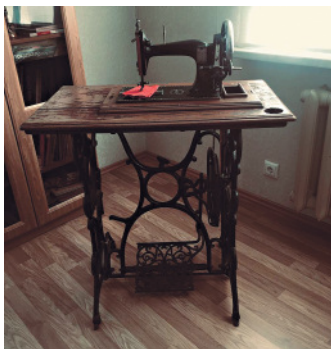
27 января 1893 года Грузинской волости деревни Новой крестьянина Андрея Стефанова сын Антон Андреев 23 лет православного вероисповедания первым браком обвенчан с той же волости деревни Малой Любуни крестьянина Никиты Тимофеева дочью Александрой Никитиной 23 лет православного вероисповедания первым браком. Венчал Священник Николай Рябовский. Поручители по жениху крестьяне деревни Новой брат его Иван Андреев и Фёдор Семёнов, по невесте деревни Малой Любуни крестьяне Флор Никитин и Андрей Иванов.

МЕТРИЧЕСКОЕ КНИГА НА...				ЧАСТЬ ВТОРАЯ, О БРАКОСОЧЕТАВШИХСЯ.			
Дата слова:	Место и имя:	Возраст, пол, отчество, фамилия и принадлежность к вере, и церковному приходу.	Имя отца:	Возраст, пол, отчество, фамилия и принадлежность к вере, и церковному приходу.	Имя отца:	Возраст, пол, отчество, фамилия и принадлежность к вере, и церковному приходу.	Имя отца:
		Известно, что, отчество, фамилия и принадлежность к вере, и церковному приходу.		Известно, что, отчество, фамилия и принадлежность к вере, и церковному приходу.		Известно, что, отчество, фамилия и принадлежность к вере, и церковному приходу.	
11	2	Грузинской волости деревни Малой Любуни крестьянина Никиты Тимофеева Варламова сына Фёдора Никитина 25 лет православного вероисповедания первым браком обвенчан с той же волости деревни Некшина крестьянина Ильи Стефанова дочь Дарья Ильина 20 лет православного вероисповедания первым браком. Обвенчал Священник Николай Рябовский. Поручители по жениху: крестьяне деревни Малой Любуни Павел Никитин Варламов и Александр Никитин Варламов (примеч.: братья жениха), по невесте: крестьяне деревни Некшино Никифор Ильин Портянкин (примеч.: брат-двойняшка невесты) и деревни Перехода Михаил Григорьев Люшин.					
12	4	Грузинской волости деревни Малой Любуни крестьянина Никиты Тимофеева Варламова сына Фёдора Никитина 25 лет православного вероисповедания первым браком обвенчан с той же волости деревни Некшина крестьянина Ильи Стефанова дочь Дарья Ильина 20 лет православного вероисповедания первым браком. Обвенчал Священник Николай Рябовский. Поручители по жениху: крестьяне деревни Малой Любуни Павел Никитин Варламов и Александр Никитин Варламов (примеч.: братья жениха), по невесте: крестьяне деревни Некшино Никифор Ильин Портянкин (примеч.: брат-двойняшка невесты) и деревни Перехода Михаил Григорьев Люшин.					

Из Метрической книги.

4 февраля 1905 года Грузинской волости деревни Малой Любуни крестьянина Никиты Тимофеева Варламова сын Фёдор Никитин 25 лет православного вероисповедания первым браком обвенчан с той же волости деревни Некшина крестьянина Ильи Стефанова дочь Дарья Ильина 20 лет православного вероисповедания первым браком. Обвенчал Священник Николай Рябовский. Поручители по жениху: крестьяне деревни Малой Любуни Павел Никитин Варламов и Александр Никитин Варламов (примеч.: братья жениха), по невесте: крестьяне деревни Некшино Никифор Ильин Портянкин (примеч.: брат-двойняшка невесты) и деревни Перехода Михаил Григорьев Люшин.

Швейная машинка семьи Варламовых. «Fabrik marke»

АВСТРИЙСКОЙ КНИГИ НА 1802				ГОДЪ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ, Ф. БРАКОСОЧЕТЕННИХЪ.				
Сторо- на	Мѣсяцъ и число	Имя, воз- растъ, сос- тояніе, родъ и отчество отца.	Имя матери	Имя, воз- растъ, сос- тояніе, родъ и отчество отца.	Имя матери	Въ какомъ мѣсяцѣ.	Въ какомъ числѣ.	Имя священ- ника и свидѣ- телей.
39	8	Грузинской волости дер- евни Некшина крестьянинъ Илья Стефановъ сынъ Иванъ Ильинъ 20 летъ Православнаго вероис- повѣданія, отчимаго дяди, отчимаго деда Иванъ Стефановъ Священникъ Николай Рябовскій	Ивановъ Василія	Грузинской волости де- ревни Некшина крестьянинъ Иванъ Ильинъ 22 летъ Православнаго вероис- повѣданія, отчимаго дяди, отчимаго деда Иванъ Стефановъ Священникъ Николай Рябовскій	Ивановъ Василія	Февраль	20	Священникъ Николай Рябовскій Свидѣтели: Иванъ Ильинъ, Василій Ивановъ
39	8	Грузинской волости де- ревни Некшина крестьянинъ Иванъ Ильинъ 20 летъ Православнаго вероис- повѣданія, отчимаго дяди, отчимаго деда Иванъ Стефановъ Священникъ Николай Рябовскій	Ивановъ Василія	Грузинской волости де- ревни Некшина крестьянинъ Иванъ Ильинъ 22 летъ Православнаго вероис- повѣданія, отчимаго дяди, отчимаго деда Иванъ Стефановъ Священникъ Николай Рябовскій	Ивановъ Василія	Февраль	20	Священникъ Николай Рябовскій Свидѣтели: Иванъ Ильинъ, Василій Ивановъ
39	8	Грузинской волости де- ревни Некшина крестьянинъ Иванъ Ильинъ 20 летъ Православнаго вероис- повѣданія, отчимаго дяди, отчимаго деда Иванъ Стефановъ Священникъ Николай Рябовскій	Ивановъ Василія	Грузинской волости де- ревни Некшина крестьянинъ Иванъ Ильинъ 22 летъ Православнаго вероис- повѣданія, отчимаго дяди, отчимаго деда Иванъ Стефановъ Священникъ Николай Рябовскій	Ивановъ Василія	Февраль	20	Священникъ Николай Рябовскій Свидѣтели: Иванъ Ильинъ, Василій Ивановъ

Из Метрической книги.

8 февраля 1902 года Грузинской волости деревни Некшина крестьянина Ильи Стефанова сын Иван Ильин 20 лет православного вероисповедания первым браком обвенчан с той же волости и деревни Ивана Ильина Мясниковой дочерью Пелагеей Ивановой 22 лет православного вероисповедания первым браком. Венчал Священник Николай Рябовский. Поручитель деревни Перехода крестьянин Михаил Григорьев Люшин и Фёдор Ефимов Комаров, по невесте: братья её крестьяне деревни Некшина крестьяне Алексей Иванов и Василий Иванов Мясниковы.

ЧАСТЬ III

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

*Война есть не только
потрясение, но и духовное
испытание и духовный суд.*

Иван Ильин

*Война для народов — это слёзы
и кровь, это вдовы
и беспризорные, это
раскиданное гнездо, погибшая
молодость и оскорблённая старость.*

Илья Эренбург

ВОЙНА МИРОНОВЫХ

Рассказ по воспоминаниям Марины Дорофеевны Мироновны — моей бабушки по отцу.

22 июня 1941 года. Деревня Полоски

Летом 1941 года в доме Мироновых в Полоске было тихо. Михаил давно не писал. Григория Марина Дорофеевна ждала со дня на день, должен был уже прийти сам, сколько ж ему после лагеря меж двор скитаться. Хотя, может, оно так и к лучшему. За Никифора душа болела — поехал в Пушкин, его Михаил ругал в письме, что-то поссорились. За Анастасию Марина Дорофеевна была спокойна. Настя с детишками не придет нынче, грудной Валентин да дочки. Хоть и помощницы уже, а все невелики, Тоня да Маша. Им лишь бы бегать да скакать. Так

старшую бы оставила при себе, а младшую сюда, на огороды. С мужем Насте повезло. Не посмотрел, что из раскулаченных, что соседи на Еремея Емельяныча доносы пишут, сам честный мужик. Коммунист ярый, за советскую власть. Правда, Марина Дорофеевна глядела на него неласково — все-то ему в новой власти нравилось, да он другой власти и не знал толком. Всю семью брал на майские праздники, в Полоску приезжал агитировать. Когда однажды перед Пасхой Марина Дорофеевна приехала к дочери, позвал на митинг 1 мая. Она не пошла. Дочь не одобряла, но и не осуждала. Живут ладно меж собой — и пускай. Фрося в Ленинград свою судьбу поехала искать, проводницей на железной дороге работает. Всё за Мишенькой будет пригляд. Разлетелись, разъехались. Одно слово — нет отца, и дом как будто пуст, никто и не слетается. Однако после посева Марина Дорофеевна избу вычистила, двор прибрала, муки побольше посеяла.

Услышала стук в ворота, пошла открыть. За воротами машина, незнакомые люди. Стало не по себе, хотела ворота захлопнуть, но голос парня в рубахе был уважительный, хотя и тревожный:

— Мать, мы заблудились, не дашь воды или молока? Мы на станцию Нелидово срочно, да видно поворот проскочили.

— Так это ж вы не туда совсем заехали, вам от поворота направо надо и напрямки.

Вынесла молока.

— А вы, ребята, будто не местные...

— Мы из Ленинграда.

Второй, постарше, вежливо откланялся:

— Специалисты Ленинградского геологического управления.

Женщина не поняла, но промолчала. Начальство, наверное, но с виду не похожи. Главное — из Ленинграда, там Мишаня.

— Мы полезные ископаемые ищем у вас тут, в прошлом году открыли экспериментальную шахту возле Нелидово, слыша-

ли, наверное. Спасибо, мать, за молоко. Поехали мы. Да, такие дела — не успели приехать, а тут война.

— Какая война?

— Так война же, — парень в рубахе, на ходу запрыгивая в кузов, обернулся, крикнул: — Мы на станцию, а ты, мать, здорова будь!

Марина Дорофеевна, накинув платок, заспешила к соседке, той не было дома, побежала дальше вдоль улицы, только возле сельсовета увидела народ. Слушали радио, выставленное в окно.

Прислонившись к перилам, Марина Дорофеевна пыталась успокоить расхолодившееся сердце. Слышала отовсюду: «Война!»

— С кем?

— С немцем. Германия напала на Советский Союз.

Вспомнила несчастные рассказы Емельяна Еремеевича, тот воевал с немцем, уж перед революцией пришёл с войны.

— А куда теперь солдат будут отправлять, неужто опять в Польшу, в Австрию? — спросила соседка.

— Куда отправлять? — спросил Пономарёв. — Немец Киев бомбил. Пересёк нашу границу. Польшу он уже прошёл, сюда движется.

Через месяц

— Марина Дорофеевна, Марина Дорофеевна! Откройте, слышите!

— Чего ты, Дашутка?

— В Яскино вчера мужиков и мальчишек немцы пожгли. Заживо пожгли! В сарае. Чтоб не ушли в партизаны. Все дома пожгли в Яскино.

— Заходи, тише, Дашутка, не шуми только.

— Двух дядьёв-то моих расстреляли, сказал немцам кто-то, что коммунисты. Кто-то на них донёс, утром пришли,

забрали и отвели на речку. Они и могилки себе сами копали... Я сама видела, как в них стреляли, куда пули входили и как. А весной-то речка подымет, могилки-то смоеет. Я схожу, выкопаю да в другое место...

— Ты что надумала? И тебя туда ж закопают.

— Марина Дорофеевна, можно я у вас поживу? Немец один ходит и ходит за мной. Мы хлеб пекли. Батя-то у нас ослеп совсем, так мы с братом пекли хлебы и в окно ночью передавали, и горох передавали, батя наказал никому не сказывать, кто приходил-то, а это от дяди Кости¹. А в прошлую ночь полицай, не из наших, за руку меня схватил. К немцам привёл. Немец повёл меня к отцу. Отец говорит: «Дочуш, не надо давать им ничего, а то нас всех расстреляют и тебя заодно». А немец за мной теперь ходит, пришёл вчера, так я в окно выпрыгнула — и в картошку, через картошку к реке и к вам. Уцелела. Только зуб вот выбили завчера, болит.

— Это как, Дашутка, за что же? Спаси, Господи.

— Немцам надо было кур делать. И вот, мы их дома резали. А я от роду мухи не убила, у меня ж братья. А тут топором курам головы отсекла. Наварили мы их в печке, обсушили и к реке понесли. А там немец меня встретил: «Что несёшь?» — и как даст по щеке. Выбил зуб.

Марина Дорофеевна спрятала Дашу. Глядя на испуганную соседскую девушку, вспоминала своих: «Где сейчас Анна с дочками? Только бы не в Велиж шли. Хоть за Фрузу с Машей можно быть спокойной. Они в Ленинграде. Гаврила как ушёл в военкомат месяц назад — так и нет вестей. Миша военный. Миша на фронте».

---

¹ К осени 1941-го года на территории Жарковского района закончил формирование и начал свой путь в тыл врага партизанский отряд Константина Сергеевича Заслонова, инженера железнодорожной станции Орша, уроженца г. Осташкова.

Мой отец на Ленинградском фронте. Михаил Емельянович Миронов

Михаил Емельянович Миронов призван 15 февраля 1940 года в 20 лет в армию. Воевал на Ленинградском фронте, прошёл всю войну. Награждён Орденом Красной Звезды, боевой медалью «За отвагу» и другими медалями.

С 15 декабря 1940 года по 10 марта 1943 года служил ефрейтором, радистом 169-го зенитного артиллерийского полка Ленинградского фронта.

Согласно приказу № 90 по 169-му зенитному артиллерийскому полку от 11 марта 1944 года убыл служить во 2-й полк ВНОС и был зачислен в списки полка при роте связи.

Согласно приказу № 155 по 2-му полку воздушного наблюдения, оповещения и связи от 23 июня 1945 года сержант 12-й роты Михаил Емельянович Миронов выбыл 19 июня в 72 карб для переотправки в училище ВНОС.

Мой отец, Миронов Михаил Емельянович, родился 21 декабря 1920 года (это и день рождения Сталина) в деревне Полоска Смоленской области. Отец сначала учился в школе, которая располагалась в доме его отца, это был их родовой дом, потом в старших классах учился в соседней деревне за восемь километров. Помню, когда он меня, школьника, воспитывал и говорил о том, как хотел учиться, в отличие от меня — балбеса, приводил пример, как зимой в школу по реке, по льду на одном коньке гонял.

Когда я спрашивал, почему на одном коньке, он отвечал: «Второго не было. Был конёк типа “снегурки”, откуда-то он мне достался». Вот он один конёк привязывал к валенку и, как на самокате, — в школу. Мне эта история очень нравилась, правда, не придавала стремления учиться с точки зрения бати, но сам рассказ запомнился.

Когда арестовали моего деда, его отца, отец на выходные дни, на воскресенье (тогда он уже постоянно жил у дальних родственников в той деревне, где была школа) возвращался в родную Полоску. И когда отец пришёл из той деревни, где школа, в свою деревню, за околицей его встретил староста деревни. Староста сказал: «Миша, твоего отца, брата и маму арестовали, забрали как кулаков. Сестёр только не тронули. Ты в дом не возвращайся. Вот тебе адрес. Иди на станцию и езжай в Тулу. Там тебе дадут переночевать и устроят на курсы бухгалтеров. Грамоте ты обучен, почерк у тебя красивый». А это действительно так, у отца был каллиграфически очень красивый почерк. Так отец оказался в Туле.

Как я узнал уже будучи подростком, отец там женился. Жену его звали Катя. У него родился сын — мой сводный брат Валерка. Валерка родился в 39-м году, а в 40-м отца призвали в армию. Он ушёл служить. Служил отец на границе с Финляндией.

Когда началась финская кампания, он принял в ней участие. Рассказывал потом мне про «кукушек» — снайперов финских, рассказывал, как мёрзли, как плохо были одеты, обуты. Но опыт финской кампании, конечно, дал очень многое отцу, когда началась Великая Отечественная война.

Войну он встретил в звании сержанта. Рассказывал, что, когда начались бои, когда немцы рвались к Ленинграду, из каждого боя в основном в живых оставались те, кто был кадровым военным. А те, кто был призван после 22 июня, просто гибли сотнями. Потому что у кадровых военных была выучка и понимание, что такое боевые действия: как, когда нужно стрелять, когда можно перебежать, когда нужно, наоборот, залечь. Всё это мне объяснял отец.

Кстати, как многие фронтовики, отец рассказывать про войну не любил. У нас был телевизор — первый в нашей коммунальной квартире, КВН, с линзой, в которую наливалась дистиллированная вода. Как мы шутили, КВН — это купил,

включил и не работает. Когда по этому телевизору показывали фильмы про войну, если отец был дома, он требовал: «Выключи. Там всё неправда». Только перед самой смертью он многое мне рассказал и про финскую кампанию, и про Великую Отечественную войну.

Отец воевал на Ленинградском фронте, у него есть боевые награды. Он рассказывал, что получил медаль за то, что находился в дозоре, где-то в районе Пулковских высот. Окопы немецкие и наши были буквально на расстоянии нескольких сот метров, но так получилось, что по разные стороны холма. Для того чтобы не пропустить атаку танков, ночью наши по очереди ползали на горку, где в сугробе был окопчик, туда был проведён полевой телефон. У телефона дежурили, сутки практически там находились, потом только ночью менялись, когда темнело. Было очень холодно. Но главная задача — танки не пропустить.

Как-то ночью отец заступил на дежурство в этом окопчике. День отсидел в окопе, промёрз, не высовывался, естественно. Тишина. Стало смеркаться. Он в ожидании, что сейчас приползут его поменять. Вдруг слышит какой-то шорох. Выглянул из окопа, видит, буквально в нескольких десятках метрах от него идёт цепь немецких лыжников в белых маскхалатах, видимо, разведка. Отец присел в этот снежный окопчик, снял трубку телефона, крутанул ручку, аппарат громко зажужжал. Когда на том конце провода откликнулись, отец прошептал: «Немцы, немцы!» Из трубки ему во весь голос дежурный или офицер кричит: «Что ты там, мать твою, шепчешь? Говори громче!» Отец испугался, что этот голос из трубки немцы услышат, зажал vareжкой трубку, снова прошептал, что «немцы». Наши услышали. Пустили ракету и пошли в атаку. Немцы сначала отстреливались, потом развернулись. Но ещё до того, как они развернулись, цепь наша поравнялась с окопчиком отца. Отец тоже выскочил. Получилось, что он чуть ли не один из первых побежал в атаку. А главное — предупредил. И потом за этот поступок ему дали боевую медаль.

Весь рассказ отец представлял в шуточной форме, хотя, понятно, что дело было вполне серьёзным.

Отец перед смертью, когда он начал впервые за всю мою жизнь что-то рассказывать о войне, в том числе рассказал, как во время блокады Ленинграда спас своих сестёр — тётю Фрузу и тётю Машу.

Сёстры жили на улице Маяковской и, конечно, во время блокады сильно голодали. Переносили голод и холод тяжело.

Отца отпустили единственный раз с фронта в увольнительную, это был то ли январь, то ли февраль 42-го года. Отец взял две банки тушёнки, буханку хлеба и пошёл проведать своих сестёр. Когда он пришёл и зашёл в квартиру, дверь с лестничной площадки была не закрыта, там огромная коммунальная квартира. Он прошёл в комнату, где жили его сёстры, и увидел, что они лежат под кучей одежды на кровати, комната не топлена, и видно, что лежат давно и практически в полубреду.

Как рассказывал отец, он пошёл во двор, нашёл какие-то доски, щепки. У сестёр в комнате была буржуйка, развёл огонь. Также во дворе, отойдя подальше, набрал ведро снега, принёс, поставил на буржуйку. Достал одну банку тушёнки, хлеб. Когда сёстры увидели хлеб, тушёнку, а встать с кровати они уже не могли, они протянули свои очень худые руки и потребовали: «Миша, дай хлеба! Миша, дай есть! Миша, дай скорее! Миша, дай!» Отец понимал, что они несколько дней ничего не ели. Как оказалось, карточки сёстры потеряли, не выходили несколько дней из комнаты. Он понимал, что, если даст им что-либо поесть всухомятку, они просто могут умереть.

Отец вскипятил воду, вывалил туда банку тушёнки, крошил хлеба, сделал такую тюрю. И вот этой кашцей начал их кормить, остужая. Потом убрал вторую банку тушёнки куда-то на шкаф, сказал, что доедите это ведро, потом эту банку тушёнки достанете, и ушёл, так как должен был возвращаться на фронт.

Отец как почувствовал, если бы на два-три дня задержался, сестёр бы уже в живых не застал.

Как погибли старшая сестра моего отца Анастасия Миронова-Юдова и её сын — младенец Валентин

Старшая сестра отца Анастасия Миронова-Юдова проводила мужа Павла на фронт и пыталась добраться до деревни Полоска к матери с младенцем Валентином на руках и двумя маленькими дочками. Погибла во время налёта — её и малыша в упор расстреляли фашисты с самолёта в деревне Проявино Смоленской области. В этой бомбёжке удалось выжить только дочерям — одиннадцатилетней Антонине и девятилетней Марии Юдовым. Машенька, Мария Павловна Юдова (по отцу), была тяжело ранена. Она внучка Емельяна Еремеевича и моя двоюродная сестра. Когда я приехал навестить её в Велиж, рассказала, что помнит каждое мгновение того дня...

Снаряд разорвался с грохотом совсем рядом. Оставаться в сарае или бежать из сарая, Анастасия не знала. Бежать некуда — везде стреляют. Прикрыла Вальку собой, отыскала глазами дочерей.

— Это не со мной, не с нами, — думала Анастасия. — Не может быть, чтоб так скоро. Говорили же: не сейте панику. Так не сеяли ж.

Вспомнила, как совсем недавно Гавриил, брат, пришёл ночью, постучал. Пришёл посоветоваться с Павлом, что делать: после лагеря работал где придётся. Боялся, что, если объявится властям — его снова в лагерь отправят. Так часто делали. Узнал, что война, пришёл спросить мужа, что делать.

— Иди добровольцем, сейчас бойцы нужнее лагерных. А там глядишь и забудутся твои лагерь, — сказал Павел. — Ты, когда спросят, назовись не Гавриилом, а Григорием, чтоб концы в воду с прошлой жизнью. А после войны если кто и сунется смотреть

документы, так ты будешь Григорием числиться. Глядишь, и запутаешь свою судьбу.

Паша сам вызвался добровольцем, хотя имел полное право остаться — бронь. Где Паша? Где теперь Гавриил? Прощаясь, наказал собирать детей и ехать дальше Смоленска. А куда ехать? Решила взять корову и идти к матери в Полоску, но пришлось вернуться в Велиж. А там немцы. Загнали всех в сарай. И вдруг начался налёт. Наши! Рядом солдаты, стреляют из автоматов. Вспомнила сон — рассказала матери, когда та приезжала на Пасху. Батя снился, будто зашёл в избу, взял на руки Вальку и строго так сказал: «Пошли домой, Настя». Мать тогда всполошилась, надо, мол, Вальку покрестить. А где крестить? Так и не успели.

У Машеньки я увидел Книгу Памяти Велижского района, в которой на странице 130 есть страшная для нашей семьи запись:

«Юдов Валентин Павлович, 2 года. Погиб в деревне Щеткино Тиванского сельсовета в феврале 1942 года во время наступления. Юдова Анастасия Емельяновна. Родилась: 1912 г. Погибла в д. Щеткино Тиванцовского сельсовета в феврале 1942 года во время наступления» (Из Книги памяти Велижского района).

Из воспоминаний о войне Марии Павловны Юдовой, моей двоюродной сестры по отцу

Отца сразу же взяли на фронт, хотя он был старый уже (Павлу Юдову был 41 год, он 1897 г. р.). После 16 июля мы с матерью жили у сестры деда Марины, а потом пошли в Велиж. Из Велижа нас погнали немцы. Сначала они арестовали евреев. Мама носила им в гетто еду. И потом, видно, их сожгли. Нас немцы загнали в сарай и подожгли евреев. Был чёрный огонь такой. Жгли живых в какой-то самотопке. В Велиже много жило евреев. В городе есть ещё одно место, где их расстреливали. А нас пригнали в сарай.

Из Велижа ушли. Дошли до какой-то деревни¹. А потом начался бой. Снаряды летели, немцы стреляли. Один снаряд попал в сарай, людей осколками поубивало, но некоторые остались живы. А если б не отбили, немцы бы всех расстреляли. У меня тоже рука вся... Ещё Бог миловал. Солдат вбежал в сарай, наклонился надо мной, хотел повернуть меня и посмотреть: жива ли? А я в это время очнулась. Он говорит: «Вот девчонка убитая». А я говорю: «Д-дяденька, я не убитая!» А он: «О, ещё и разговаривает!» И понёс меня. Перевязали, я на носилках всё время лежала. А потом помню, что в медсанбате вдруг услышала Тонин голос. Первая комната, где обычно кухня в доме, там санбат, а вторая комната, там окон не было, стёкол не было, там забили окна досками и раненых обрабатывали. И я на носилках с перевязанной рукой, с головой. Спрашиваю: «Тоня, это ты там?» Она говорит: «Я». — «А куды ты пойдешь?» Она говорит: «К бабушке». Я говорю: «А я?» — «А тебя будут лечить, повезут в больницу». Тут медсестра стала её уговаривать: «Езжай с сестрой, там тебя будут

---

¹ Деревня Щеткино Тиванского сельсовета, 1942 год, февраль.

лечить, в детдом отдадут». Она сказала: «Нет, я пойду к бабе». И всё. Так мы с ней расстались.

А меня с одной деревни в другую — до Калининской области. И вшей, вшей было много. Шубёнка, которая на мне была, вся во вшах. В Торопце мне сказали: «Всё, сегодня мы тебя отправим в Москву». А мне какая разница, куда отвезут.

Мы до Москвы долго ехали. Один поезд разбомбили, было много убитых, почти все погибли. Но меня не убили. Бог спас. Назавтра, когда ехали, опять нас бомбили, вечером, наверное. И вот кто повыскакивал, солдаты, у кого рука, у кого нога, они потом не явились в вагон. Постреляли их из самолёта. А кто в поезде — те живы остались. Привезли нас в Москву. Когда меня несли на носилках в Москве, уже были зелёные листики и красные флаги. Наверное, к Первомаю готовились. Мне обработали раны, очистили от вшей всех. Всё моё порезали, сняли шубу, сожгли. Сначала в палате была санитарная обработка. Когда меня принесли туда, где делают перевязки, сказали: «Ты сюда не смотри». А однажды посадили меня, а медсестра ушла. А я всё-таки посмотрела и как заверещу на всю больницу: «Мясо вот так торчит, прямо грибами кругом, а вокруг мяса вши». Медсестра прибежала: «Ты что?». А я говорю: «Мясо это!» А потом операция.

Написала письмо бабушке. А бабушка отцову брату. Отец мой из деревни Ковалёнки. Он был коммунистом, мы и песни все знали: «Шёл отряд по берегу... Щорс ведёт отряд». Только такие знали песни. Отец был коммунист, а женился на кулацкой дочери. Просил: «Переведите меня в какой-нибудь другой район, меня тут могут...» Он же раскулачивал... Вот его на Смоленщину и перевели работать в лесном хозяйстве. А тётя Шура, сестра матери, жила в Ореховщине рядом с Велижем. У неё муж был — дезертир Федот. Она от него ушла с тремя детьми — Валею, Толей и Марусей, старшей дочерью. Уехала в Ленинград, в блокаду.

Мой дядя на фронте. Битва за Москву. Рассказывает Гавриил (Григорий) Емельянович

Мой родной дядя, старший брат отца, Григорий (Гавриил) Емельянович Миронов до своих 44 лет прожил трудную жизнь. Казалось бы, уже отчаяться можно: в 1934-м его вместе с отцом раскулачили, сослали в лагерь на 5 лет. Потом скитался в лесах, не желая снова, повторно, оказаться в лагере. Но в июне 1941 года, узнав, что началась Великая Отечественная война, пошёл в военкомат. Так посоветовал ему зять родной сестры Насти — Павел Юдов. Григорий был пулемётчиком, воевал в составе 479 стрелкового полка 222 стрелковой дивизии 33 Армии.

В боях под Наро-Фоминском. 1941-й год

1 декабря 1941 года немецкие войска перешли в наступление под Наро-Фоминском и на других участках фронта. Командующий 4-й армией генерал-фельдмаршал Клюге решил дезориентировать командование 33-й армии относительно истинного направления главного удара, и в 7 часов утра 183-я пехотная и 20-я танковая дивизии 4-й немецкой армии начали наступление на правом фланге 33-й армии. Только через час главные силы 20-го армейского корпуса перешли в наступление в полосе обороны 222-й стрелковой дивизии полковника М. И. Лещинского в направлении Таширово, Новая, Кубинка. В первом эшелоне нашей дивизии действовали 458-й и 478-й пехотные полки, при поддержке до 30 танков 27-го танкового полка 19-й танковой дивизии, во втором — 479-й стрелковый полк, где служил Григорий Миронов.

Григорий Миронов услышал, как кто-то глухо сказал:

— Танки.

«Так близко. Танки — это ведь что? — железная коробка. Вот выковал бы дед Кузьма, скажем, железную коробку, в ней люди. Из плоти и крови. Вот и всё. Стреляют, как мы. Много из такой коробки не увидишь», — думал Григорий, чувствуя, как земля окопа надвигается на него, пытаясь придавить всей тяжестью возле его пулемётного расчёта.

По линии пронеслось:

— Танки пропускаем. Танки пропускаем. Танки пропускаем. Миномётами бьют, сволочи. К Минскому шоссе рвутся.

— Как так — пропускаем? А дальше что?

— Готовь к рукопашной, ребята! Не бойсь! — крикнул старшина.

— Слышь, Григорий Емельянович, а немцы-то все в такой мороз ноги себе пообморазживали. Мне вчера связной сказал — языка их взяли. Нам бы тоже валенки сюда.

«Вот не сказать спасибо, так скажешь, — мелькнуло у Григория, — за годы лагеря привык к морозу, к обмоткам. Холода не чувствовал. А холод был минус двадцать при восточном резком ветре».

— Прижмись к земле, теплее станет.

— Да уж и так врос.

Трифонов не мог молчать. Говорил всегда, даже когда спал. Григорий этого понять не мог. Болезнь такая, — думал не раз, глядя на Трифонова. В деревне про таких говорили: балалайка. Трещит, как вражеский пулемёт. А Трифонов продолжал:

— Наро-Фоминск — это ведь как? Наро — это значит «народ». Вот мы тут всем народом и сгинем.

— Трифонов, ты как до таких годов дожил? — спросил Григорий.

— А что?

— Да так. Мы на какой реке стоим?

— На какой?

— Вот то-то. Шагаешь, а куда, не знаешь. Река Наро. Вот тебе и Наро-Фоминск.

— Сам ты на нарах, — огрызнулся Трифонов.

«Вот уж точно угадал. Нары и есть нары — это про меня в аккурат. Пять лет без права переписки. Сколько уж бати нет, и сам едва не под расстрел. А за что? Да если б у нас на Смоленщине такой Трифонов — его бы к стенке уж давно. А может, и нет. Вес слова от породы человека зависит. Один скажет — как ветер шумит, только шорох по веткам. Другой — что топором рубит. Вот и дорубились мы с тобой, батя. Лесорубы. Не дожил ты до войны. До танков этих. Правда, германца ты видел в Первую ещё. А я вот сейчас его вижу — прёт. Нет, не прёт, идет неуверенно, против ветра. Ветер злой с востока, слава Богу». Григорий оглянулся — танк пересёк окоп, пополз дальше.

«А ничего, не страшно, с танком потом разберёмся».

В пулемёт пуля попала, прямо в кожух. В кожух перед боем залили воду с глицерином, кожух пробит. Что делать? Стрелять можно, но недолго, несколько патронов. Тряпку где взять, нашёл обмоток чей-то, измял мякиш хлеба, заткнул дырку, перемотал обмоткой и продолжил стрелять.

Бой шёл везде. Артиллерия немцев перестала бить — боялись по своим, потому что всё смешалось. В окружение попала группа бойцов во главе с полковником комдивом Лещинским, но им удалось под покровом темноты вырваться и отойти по дороге через лес к высоте 193,7. Григорий в том бою остался цел.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Наро-Фоминск

1 декабря 1941 г. немецкие войска предприняли последнюю попытку своего наступления на Москву, прорвав оборону наших войск на участке 33А. Главный удар врага пришёлся на стык 222-й стрелковой дивизии и 1 гв мотострелковой дивизии севернее Наро-Фоминска. Группа танков и мотопехоты противника, прорвавшись после артподготовки в районе Таширово, стала развивать наступление в сев. направлении на Акулово, сметывая боевые порядки 222-й стрелковой дивизии вдоль р. Нара. Однако в районе Акулово противник встретил противотанковый заслон из переброшенных из-под Кубинки наших частей и, развернувшись в северо-восточном направлении, продолжил наступление в направлении Апрелевки. Здесь в районе Юшково, Бурцево 2 декабря прорвавшаяся немецкая группа была контратакована нашими резервами и вынуждена была повернуть обратно. На участке 222-й стрелковой дивизии, тем не менее, часть подразделений продолжила обороняться по р. Нара, невзирая на выход танков противника им в тыл. Другая часть отступила к Акуловке, где приводила себя в порядок.

Дивизия понесла большие потери, тылы дивизии были отрезаны от боевых подразделений, у которых кончались боеприпасы. Командир дивизии полковник Лецицкий ввиду прорыва танков врага на КП дивизии был ранен и попал в плен. Дивизию возглавил нач. штаба полк. Седулин.

Остатки 475-го стрелкового полка (200 чел.) оборонялись в районе Мал. Семенычи, 479-й и 774-й стрелковые полки, отрезанные от тылов, продолжали вести бои в окружении на старом рубеже, и связи с ними у командования не было.

В боях под Вязьмой. 1942 год

28 января 33-я армия получила приказ о дальнейшем наступлении и уничтожении противника в районе Вязьмы.

479-й стрелковый полк в составе 222-й стрелковой дивизии, ведя бои частью своих сил, прикрывал дислокацию главных сил южнее Вязьмы, в район Гредякино и Красный Холм.

Противник занял Тросну, Клины, Красново, Костино, держит под обстрелом дорогу Zubovo — Износки и пытается наступать на Zubovo, стремясь перехватить основной путь движения армии. 222-я стрелковая дивизия получила распоряжение для ликвидации группировки противника с марша ликвидировать эту группировку и продолжить дальнейшее движение по маршруту.

Полковник Бобров, командир 222-й стрелковой дивизии, разнёс командиров стрелковых полков за слабую работу по организации боя. В своём приказе, подводя итоги боевых действий, он отмечал: «В результате проведённых в последние дни операций мною отмечен ряд тактически неграмотных действий со стороны некоторых командиров, пренебрежение к требованиям боевого устава о ведении боевых действий, в итоге чего некоторые части несли напрасные потери».

29 и 30 января он же занёс в журнал боевых действий: «Авиация противника в течение всего дня одиночными самолётами и группами самолётов непрерывно бомбардирует и обстреливает КП штаба армии в Износки, Шанский завод, Савино, войска и транспорт по дороге, боевые порядки частей. Есть убитые и раненые».

479-й стрелковый полк должен был через неделю занять оборону в Кузнецово и выделить отряд для уничтожения противника в Химино. Задача была непростая, учитывая большое количество потерь в боях на дороге в Износки. 479-й стрелковый полк, в составе которого находился Григорий Миронов, был на марше.

«Рядом шёл младший лейтенант Крылов из-под Рязани. Вслед — Трифонов. Ещё Наро-Фоминский. Григорий привык считать тех, кто воевал с ним 1 декабря, наро-фоминскими, своими. Пополнение — они пороху толком не нюхали. Кто не был 1 декабря под Наро-Фоминском, тот не знает...»

— Это ж надо, агитатор политотдела с фамилией Крикунов, — говорил Трифонов, весело поглядывая на товарищей.

— Отставить! Разговоры в строю! — младший лейтенант Крылов хотел отчитать солидно, но не вышло, и он продолжил тише. — Вы бы лучше так не говорили.

— Но ведь смех.

— Да какой уж смех. А товарищ лично в рукопашной уничтожил десять фашистов.

— Это где?

— В деревне Смоленская, ещё осенью. Так что фамилия, она ни о чём не говорит. Вот у вас какая?

— Трифонов.

— А вот у товарища?

— Миронов.

— Миронов — значит мир, что ли? — спросил Трифонов, шагавший вслед.

— При чём тут мир, товарищ Трифонов... Это от имени.

— Ну а Мирон что значит? — допытывался неугомонный Трифонов.

— Помазан миром, обозначает, — откликнулся кто-то. — Это из церковного.

— Вот вы — Трифонов. У вас тоже фамилия произошла от имени и ничего не обозначает.

Старый солдат, имени его Григорий не знал, проворчал:

— Фамилия — не фамилия. Сейчас важно что? Есть семья на оккупированной территории или нет. Вон — где сейчас Шувалов? Нет Шувалова. Говорил много, и семья у него под Смоленском. Гжатск, что ли.

— Так он что нёс-то? — Трифонов тяжело всхлипнул на морозном воздухе, закашлялся, вытерся рукавом шинели.

— А ты не повторяй.

У Григория сжалось сердце. Его семья на оккупированной территории, и он видел, что Шувалова увели ещё в ноябре, и никто с тех пор его не видел. Говорил он... лучше не повторять даже в мыслях. Что немец здорово прёт, а у нас нет настоящего оружия. Тогда по зубам-то ему и дали. Потом его вызвали к командиру, и больше никто Шувалова не видел.

Григорий старался не думать о матери. Успела уйти — не успела. Зная мать, понимал, что никуда она не уйдёт из Полоски, а значит, она сейчас там, где немец, если жива. И холодело сердце.

— Воздух! — крикнул кто-то.

Посыпались осколки. Сколько уж раз — а всё не по себе. Григория ткнуло в снег. Это он потом говорил, что почувствовал боль и потерял сознание. Так должно было быть, но боли он не чувствовал. Когда авианалёт стих, понял, что не может ступить, сапог был разрезан, как бритвой, и на снегу расплзлась кровь. Сел на снег, прислушиваясь к командам, хотел дотянуться до сапога, но рука не слушалась. По пальцам текла тёплая кровь.

— Миронов, в медсанбат! Сам дойдёшь?

— Дойду.

Шёл, волоча ногу. Почему-то вспомнился зять — Павел Юдов. Почему он, ярый коммунист, член продотряда, раскулачивавший у себя в деревне Ковалёнки таких же мужиков, как его отец, не сдал его, слонявшегося после лагеря без работы? Направил в военкомат, чем, наверное, спас жизнь. Неужели только из-за любви к Насте? Сестра, конечно, красива. Как они сейчас там, на Смоленщине? Всю жизнь Григорий жил с ожесточённым сердцем — и после того, как раскулачили, и потом, когда по наговору расстреляли отца. Ни семьи, ни дома, ни работы, ни друзей. А тут вдруг подумалось Григорию ни с того ни с сего: «Буду

жив — женюсь на такой же, как сам. Найду ту, которая осталась на Смоленщине, где сейчас вот мать, где сестра с детьми, ту, которая не уехала в эвакуацию, которая всё пережила. Почему пережила? Ведь переживает ещё, потому что мы ещё тут, под Вязьмой, а они там, где немец. Но ничего, мы вернёмся». И слёзы впервые за последние 10 лет покатились по лицу немолодого уже солдата, и он растирал их грязной, окровавленной правой рукой, радуясь, что перебита левая.

«Я выжил, потому что во время рукопашной был пулемётчиком и обеспечивал огневую поддержку наступающих», — говорил дядя Григорий. Когда он вспоминал войну, налив себе стопку в праздник, плакал. Это было на него не похоже. Видавший революцию, участвовавший в бунте крестьян в гражданскую, раскулаченный вместе с отцом и репрессированный в 1935-м — прошедший пять лет лагерей, пришедший добровольцем на фронт и раненный под Вязьмой — он не был слезлив или сентиментален.

У Григория был выворочен локтевой сустав и осколком повреждена нога, из-за чего он был признан после ранения под Вязьмой негодным к службе. Дожил до Победы. Вернулся на Смоленщину и женился на пережившей оккупацию Михайловой Прасковье Фёдоровне 1924 г. р., которая в начале войны строила оборонительные сооружения вокруг Велижа, а потом работала санитаркой в полевом госпитале, после отступления советских войск осталась с родителями на оккупированной немцами территории.

Прасковья родила ему троих сыновей: Виктора, Владимира и Олега. Павел Юдов, потерявший любимую жену Настю и сына Вальку, помог Григорию и после войны: работая обходчиком в Велижском леспромхозе, взял работать в лесничестве, пособил построить дом в Тиванцах.

Сейчас многие скажут, что Григорию повезло и ранение наверняка спасло ему жизнь, потому что не много бойцов из

простой пехоты, начавших свой боевой путь в 1941 году под Москвой, дошли до мая 1945 года.

А ведь он участвовал в боях на главном направлении удара немецких войск под Москвой — под Наро-Фоминском. Что там было тогда, знают только они — участники той битвы. За Наро-Фоминск некоторые историки упрекают Жукова, мол, зря: не учёл, виноват, погибло много... Каждый, кто упрекнёт, пусть представит себя на месте Жукова. 1941 год, враг в нескольких километрах от столицы, полководец знает, что враг готовит главный удар, — но куда, где усилить оборону, на всю линию фронта не хватает резервов. Слава бойцам 479 стрелкового полка 222 стрелковой дивизии 33 А, вставшим в рукопашную 1 декабря 1941 года.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Вязьма

В ходе наступления, начатого войсками армии 18.12.1941 года, 222 стрелковая дивизия на фронте от Нарских прудов до кирпичного завода южнее города Наро-Фоминск сковывала силы противника, будучи усиленной 1289-м стрелковым полком 110-й стрелковой дивизии. 26–28.12.1941 ведёт бои за Наро-Фоминск, который был взят 497-м стрелковым полком 28.12.1941 г.

Дивизия перешла в активное наступление 09.01.1942 г., преследуя отходящие с рубежа р. Нара части ХХАК противника, освободила 16 населённых пунктов, в том числе 14.01.1942 Симбухово, вышла к Верее и, вместе с частями 113-й стрелковой дивизии, в ночь на 19.01.1942 г. передовыми подразделениями ворвалась в город и до конца дня полностью освободила его. Продолжила наступление, к 25.01.1942 г. заняла деревню Пономариха и изме-

нила направление наступления, продвигаясь в направлении Вязьмы.

С конца января по конец марта 1942 года ведёт ожесточённые бои в районе станции Износки, прорываясь к окружённым под Вязьмой частям 33-й армии. Так, на 27–28.01.1942 г. ведёт бои в районе Дубна, Троена, Мочальники. С 29.01.1942 по 07.02.1942 г. ведёт бои за населённые пункты Красново, Костино, Войново, по март 1942 г. — за населённые пункты Ореховня, Химино, пытаясь перерезать дорогу Юхнов — Гжатск.

В наступательном бою 30.01.1942 г. только 774-й стрелковый полк потерял до 70 % личного состава. Наступательные бои окончились безуспешно. Потери дивизии за январь-март 1942 года составили 8076 человек убитыми, ранеными и контуженными.

Почти восемь месяцев находился Жарковский район под гнётом оккупантов. От деревень Волнушки, Борки, Бобылёвка после фашистского нашествия осталось три дома и две бани. Жарковской «Хатынью» стала деревня Яскино (теперь Волково). За помощь советским бойцам, оказанную жителями, оставшиеся в деревне мужчины и подростки были заперты в сарай и заживо сожжены на глазах матерей, жён и детей. Почти весь хлеб, большая часть скота, колхозное имущество вывезено в Германию или уничтожено.

Наступление советских войск, начатое 5–6 декабря 1941 года под Москвой, принесло освобождение в феврале 1942 года деревне Полоска Жарковского района.

ВОЙНА ВАРЛАМОВЫХ

22 июня 1941 года. Деревня Большая Любунь

Летом 1941 года в доме Варламовых было много гостей. Из Ленинграда с двумя детьми приехала дочь Анна... Не приесть — только поворачивайся. Фёдор Никитич звал на лето латышей из Целтнэ, но те что-то задерживались.

— Ничего, в сентябре к ним на охоту нагрянем, на Лиенпайское озеро пойдём. Зоя, ты пойдёшь?

— Пойду, батя.

— Ну к чему женщину на охоту таскать, чему охота Надежду научит? — Дарья Ильинична была против.

Переглянувшись с Фёдором, пошла будить сыновей. Она знала, что Фёдор Никитич тяжело переживал несложившуюся семейную жизнь средней дочери Зои, ничего не хотел слушать ни о самолётах, ни о лётчиках, ни об аэроклубах. Однажды сказал Дарье:

— Сломали мы Зое жизнь-то. Лучше б она за этого вражину вышла, может, счастливой была б, — и в сердцах завязил топор в сухой ствол яблони. — Корчевать надо, — сказал. — Зови Николая, Сергея, Александра. Андрюху оставь.

— Коля, Серёжа, Люнька — ну как же тебя зовут? — пропела Дарья Ильинична, по опыту зная, что надо «перебить» тяжёлый утренний настрой мужа, знала, что Наденька, Зои-на дочка, засмеётся над «Люнькой», побежит воду в умывальнике проверить. Глядишь, Фёдор Никитич и оттаает.

Люнькой она звала среднего сына. (См. вкладку 2, стр. 14)

Андрей улыбнулся на детское прозвище, всегда чувствовал, что матери его жалко, жальче, чем братьев. Раньше — с чего бы, но вот уж год как — с того. В Финскую Андрей был тяжело ранен в живот и доставлен в госпиталь. Очнувшись в госпитале, услышал, как в палате переговаривались:

— Нее... В живот — это смерть, уж я бы сдох, но не в живот. Это всё — считай, теперь кранты.

Понял, что про него говорят. Открыл глаза. Кто-то чиркнул спичкой, закуривая в окно, — тянуло ветерком. С юности работал слесарем на спичечной фабрике в Грузино. Как-то дома сделал из спичек маленький домик, потом терем — поселить дочурку Иннушку. Около дома ребяташки отобрали у Инны домик, кто-то чиркнул спичкой — интересно было мальчикам посмотреть, загорятся спички или нет. Терем вспыхнул, Инна плакала. Это было в деревне, в Переходе. Сейчас вспоминалось с трудом.

На собрании как-то в честь Октябрьской революции сказал директор фабрики: «Кто-то сплавляет леса, брёвна в три обхвата, сталь льёт, а мы тут на спичках живём век. Спичкой и славимся. Наши спички на весь Союз гремят. „Из искры возгорится пламя“, а искра — она от спички. Вот холодно тебе в мороз — чиркнул спичкой, подержал в кулаке огонёк — согрелся».

Андрей выжил вопреки сомнениям больных и опасениям врачей. Приехал в военной форме, летней. Но дома переоделся в гражданскую одежду, а военную сдал в военкомат. Первый приступ случился как раз по дороге. Боли не отступали. Дарья Ильинична видела, как по ночам сын становится на колени, опершись о край кровати, кричит в матрац от боли, чтобы никого не потревожить. И помочь нечем. Молча становилась она тогда на колени у своей постели, тихо, чтоб не разбудить мужа. Плакать боялась, казалось, что плачут только по покойникам, а сын живой пришёл с войны, слава Богу. Тихо-тихо, как в детстве, одним нутром причитала колыбельную:

Люли-люли-люленьки,
Прилетели гуленьки
Стали гули ворковать,
Стали Люню усыплять.

Стояла так, пока чутким ухом не заслышит, как сына отпустило под утро.

Так и в это утро 22 июня 1941 года. Ей казалось, Фёдор Никитич ничего не слышал, но когда он сказал: «Андрюху оставь», поняла, что Фёдор Никитич тоже не спал в ту ночь. **(См. вкладку 2, стр. 15)**

Старую яблоню выкорчёвывали втроем до обеда. До самого лета Фёдор Никитич надеялся, что яблоня оживёт — в аккурат у окна среднего сына. В зиму 1940-го сад вымерз, зима была лютая, осталось всего несколько деревьев. После зимы зацвели только три яблони. Но какой урожаем был осенью 1940-го! Распластанные яблони лежали под гнётом тяжёлых плодов, яблоки сытались с неба градом, обрушивались на крышу дома, падали на подоконники. Сад пировал, как приговорённый. Да и грибов в прошлый сезон было — пропасть. Люди говорили: «Много грибов — много гробов».

Дарья Ильинична из погреба достала последние грибы с прошлого лета — сберегла к приезду внуков из Ленинграда. Галя окончила семилетку. Зою порадовать — совсем исхудала, день и ночь на фабрике начальницей смены, курсы медицинские прошла, хотя самой бы к доктору. Да разве печаль вылечишь. Александр приехал из Забайкалья — край дальний, даже страшно представить, где это. Отличник РККА, командир, выправка, а сам тоненький, как деревце. Покормить надо, там, в Забайкалье, поди одни сосны. Отец им гордится.

Калитка хлопнула.

— А ну-ка не балуй! — Дарья Ильинична хотела было крикнуть на внуков, но голос не слушался — стук калитки показался чужим. От калитки, не закрыв её за собой, бежала Маруся — секретарь сельсовета. Дарья видела, как она кричит что-то, а что — не слышно: «Тётя Даша! Война!»

Дарья видела, как Николай вышел из сарая, как Сергей перебросил рушник через плечо — волосы мокрые, подумалось —

Саня на службу теперь... поискала глазами — Фёдор где? Фёдор Никитич стоял возле срубленной яблони, связывал сухие ветки, выпрямился.

— Без предъявления претензий германские войска напали на Советский Союз. Из района позвонили в сельсовет, — Маруся не могла отдышаться. — В клубе... в клуб все бегут.

На крыльцо вышел Андрей, подошёл к столу, сел рядом с Николаем, ложкой почерпнул гриб. «Никогда поперёд бати не начинал обед», — подумалось почему-то с болью Дарье.

— Ты после ранения, навряд заберут, — тихо сказал Фёдор Никитич.

— Не заберут — сам пойду, — сказал Андрей. — Воевать не страшно, страшно вам тут оставаться — граница близко.

— Да ты что говоришь-то, Андрей Фёдорович! — вдруг ахнула Маруся. — Какая граница? Их сейчас погонят. Ой, да что я, к своим побегу, не знают же ещё.

Маруся так и не закрыла калитку. Дарья Ильинична сама пошла по дорожке, в сердцах хлопнула калиткой, заперла, как на ночь. Слышала — на улице собирался народ, говорили громко, будто в праздник.

— Ты куда? — спросила Фёдора Никитича.

Фёдор с сыновьями шёл по дорожке сада, не сменив сапог на выходную пару.

— Пусти, мать, надо до сельсовета пойти, узнать, как и что.

— Я в Грузино, в пожарку, — бросил Николай на ходу.

Все пятеро вышли за ворота. Фёдор остановился, приказал тихо:

— Собирай девок и сама будь готова.

— Девочек соберу, а сама тут буду.

Пошла потихоньку в дом, встала у зеркала. Поправила фотокарточку Катерины за рамой — осколком болела эта карточка у неё в сердце. Никому не позволяла трогать — шесть лет уж как нету, а — пусть висит. Поправила, а потом

сняла и эту, и другие карточки: Фёдор на выставке в Москве с альбомом, с грамотой, Сергей с Александром в Ленинграде — ездили прошлым летом. Зоя на курсах медсестёр — туда приезжали фотографировать лучших, Анна с Константином и Анна всей семьёй — две фотокарточки — любит Константин фотографироваться, Галя — совсем недавно, после экзаменов. Завернула в чистый платок. Зеркало без привычных фотографий показалось огромным, неузнаваемым, как дверь в другую жизнь. А сама показалась себе страшно знакомой, будто издалека услышала: «А фамилия у вас хорошая, солдатская. Портянкина»¹.

Батюшка странно так говорил: «Варламовы — сыны Божьи». Федя потом объяснил, что это фамилия такая, церковная фамилия. Впервые за долгие годы начала молиться.

Назавтра Андрею, Сергею, Александру пришли повестки. Николаю приказ — готовить фабрику в эвакуацию.

(См. вкладку 2, стр. 14)

---

¹ Представители фамилии Портянкиных упоминаются в Книге писцовой и межевой письма и меры стольника Никиты Телегина да подьячего Трофима Анцыфорова 194 (1684) года по Землянскому уезду как казаки, несущие городовую службу в г. Землянске Воронежской губернии. В XVIII веке, с изменением социальной структуры, многие городовые казаки вошли в состав однодворцев.

Из воспоминаний Надежды Сергеевны Корниловой. В оккупации

Мама, Зоя Фёдоровна, работала начальником смены на спичечной фабрике в Грузино и до войны окончила медицинские курсы при фабрике. Сначала её попросили помочь в госпитале, а через две недели призвали. Я так и осталась с дедушкой и бабушкой. Все уехали, а мы остались — дедушка, бабушка и я. *(См. вкладку 3, стр. 3)*

Только после войны я узнала, что дед был просто оставлен для связи. Начались бомбежки, а затем наступление немцев. Самое страшное — это отступление. С вещевыми мешками за плечами мы отступали вместе с армией по деревням, болотам и лесам. Дошли до леса за деревней Филиппово. Жили в каком-то сарае, совсем не было никакой еды. Единственное — кто-то из жителей раздобыл мешок крахмала, и на железке мы пекли лепёшки.

Но потом немцы отдали приказ: всем выходить из леса, иначе все будут расстреляны как партизаны. Началось возвращение в деревню Малую Любунь. Немцы! Три месяца мы жили бок о бок. В нашем доме они не жили. Возвращаясь домой, проходя по мосту, дедушка сказал: «Посмотрите, ведь эти половицы из нашего дома». Пол был дубовый, доски широкие. Точно, войдя в дом, мы увидели, что только в кухне остался пол, в остальных комнатах — ямы. К счастью, сохранилась русская печь, и мы могли жить в тепле.

Точно не знаю, но 2–3 месяца мы, как говорят, были под немцами. Каждое утро я их видела из окна кухни: вели себя, как настоящие хозяева — бесцеремонно, развязно, на глазах жителей могли оправиться...

Иногда к нам заходил один румын, не знаю, а может быть не помню, его имени, говорил по-русски, меня даже угостил

конфетами — получил рождественскую посылку. Оказывается, что часть, расположенная в нашей деревне, состояла из румын, венгров, финнов. И предупреждал, что нам будет очень плохо, когда сюда прибудет испанская голубая дивизия СС. Слава Богу, этого не успело случиться.

Вечерами очень часто стучались к нам, и дед уходил. Это были связные, как оказалось потом.

За эти месяцы немцы, вернее, их приспешники, не зверствовали. Только очень больно было смотреть, как мимо деревни гнали пленных наших, полураздетых и полуобутых, обессиленных. Бабушка собирала в узелок, что было съедобного: картошку, хлеб, — и мы, ребяташки, тихонько подбирались ближе к колонне и передавали еду военнопленным. Конечно, мы зачастую получали прикладом.

В конце декабря или начале января началось наступление наших под г. Тихвином. Однажды вечером к нам снова постучали. Дедушке сказали, что мы должны завтра уходить из деревни, так как утром немцы заберут всех в Германию. Вечером случилось ужасное. Немцы начали жечь деревни. Всего их было 11: Грузино, Хотитово, Новая деревня, Графское, Березовец, Остров, Погорелец, Малая Любунь, Большая Любунь, Переход, Гатчево. Немцы на мотоциклах подъезжали к домам, стреляя из ракетниц.

Мы спрятались в старой бане, вдалеке от дома. Немцы вошли в наш дом, вынесли из дома наше старое зеркало (кстати, очень красивое), и дом моментально вспыхнул... Заплакала бабушка Даша. Трудно представить: светло как днём! Начался обстрел. Стреляли по деревне и наши, и немцы.

Мы бежали по снегу, был сильный мороз. Заслышав близко вой снаряда или мины, дедушка толкал меня в снег, прикрывая собой. Через 4 км мы добрались до деревни Некшино, где уже были наши войска. Прожили мы в Некшино около двух недель. Радости не было конца — наши ребята молодые, здоровые. Прекрасно одетые, их всех называли сибиряками.

Ещё большой радостью была встреча с мамой — её госпиталь вернулся в эту деревню Некшино.

Фронт остановился, и вдруг приказ: в наступление. Это был ужас: на десятки километров — выжженное место, а на пригорке — неприступная крепость «Аракчеевские казармы». И каждый день приказ: во что бы то ни стало взять эту высоту. Мимо нас проходили тысячи солдат, а возвращались раненные и поредевшие ряды. Слава Богу, что после такого поражения был отдан приказ — остановить наступление. Ровно три года немцы владели этой территорией.

Сколько погублено было молодых парней, не похороненных даже. Я это видела своими глазами, когда весной 1944 года ходила из деревни Целтнэ¹ в город Чудово, проходя по сожжённым деревням по узкой дороге с табличками по обеим сторонам: «Осторожно, мины». И кости, кости даже на обочине дороги в районе Грузине...

Дедушка Фёдор с 1942 по 1945 год оставался агрономом района. По всем деревням дед ходил пешком, у него даже лошади не было. Семена овощей он для всего района выращивал сам. В Целтнэ у него был участок. Для меня это было «несчастьем» — когда созревали семена, я была сторожем — гоняла птиц с участка. Кроме того, в течение всего лета все школьники работали в колхозе. Зимой мы, ребята, готовили посылки на фронт — вязали носки и рукавицы, вышивали кисеты.

Учась в 4-м классе, я нередко замещала во вторую смену мою старенькую учительницу, которая часто болела. В Целтнэ была начальная школа, поэтому 5-й класс я заканчивала в деревенской семилетней школе. Училась отлично. По дому было много дел.

Весной и летом работала в огороде, всему учил дед: как сажать, ухаживать и хранить урожай.

---

¹ Латышский посёлок, образованный в конце 1930-х из сvezённых с округи латышских хуторов. По-латышски *celtne* 'стройка', 'здание'.

Бабушка Даша — с ней связаны самые нежные воспоминания — она была красивой, доброй и мудрой женщиной. Я не помню, чтобы когда-нибудь она повысила на меня голос. Меня никогда не наказывали, только один раз дед отругал меня и поздно вечером послал на гору — искать письма.

А дело было так: мы с ребятами катались на горе, мимо проходила почтальонша и отдала мне 5 писем — треугольничков, все с фронта. Я их на горе и потеряла, выпали из кармана. Вернулась домой, а писем нет. Пошла искать письма безропотно, понимала, что виновата. Самое страшное было то, что темно. Но три письма я всё же нашла. Дед, оказывается, тоже был рядом со мной — прятался за домами.

С дедом мы были главные заготовители: пилили в лесу дрова, собирали грибы, солили в бочках на зиму, метали стога сена, почему-то дед брал только меня в подручные, так было здорово, особенно на верху стога. Дед метал стога и в колхозе, когда не был в районе.

За ягодами мы ходили только с бабушкой. Деревня стояла в лесу — столько было брусники, черники, в просеках — малины. За клюквой мы ходили за 6 километров в Осиновку — там были большие болота.

Бабушка научила меня шить, вышивать и делать бумажные цветы. Каждый год к Пасхе мы делали новые цветы, украшали иконы. У нас в Целтнэ было очень много икон, они были в хорошей оправе: Георгий Победоносец, Николай Угодник, Божья Матерь, Кирик-младенец и ещё другие. Эти я хорошо помню и сейчас. Кирик-младенец — это был престольный праздник в Малой Любуни — летом, тогда съезжались все родные на Кириков день в конце июня или июля. Святые, младенец Кирик и его мать Иулиния, были убиты жестоким правителем во время гонения на христиан.

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1903 г. ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ, Ф. ОУДЕРШНХ.

Дата рождения		Школа и класс		Заболел, умер и похоронен		Возраст	Вид заболевания и причины	Вид погребения и место
Место	Имя	класс	номер	Заболел	Умер	Возраст	Вид заболевания и причины	Вид погребения и место
117	Семён	4	6	Умер		4 года		Соборная церковь
				Умер от тифа				Соборная церковь
118		5	7	Умер		10 лет		Соборная церковь
				Умер от тифа				Соборная церковь
119		7	11	Умер		10 лет		Соборная церковь
				Умер от тифа				Соборная церковь
120		8	11	Умер		10 лет		Соборная церковь
				Умер от тифа				Соборная церковь
121		10	14	Умер		10 лет		Соборная церковь
				Умер от тифа				Соборная церковь

Из Метрической книги.

9 сентября умер, погребён 11 сентября деревни Малой Любуни крестьянин Никита Тимофеевич Варламов. Исповедал Священник Николай Рябовский. Погребение совершено Псаломщиком Леонидом Неговским (неразборчиво).

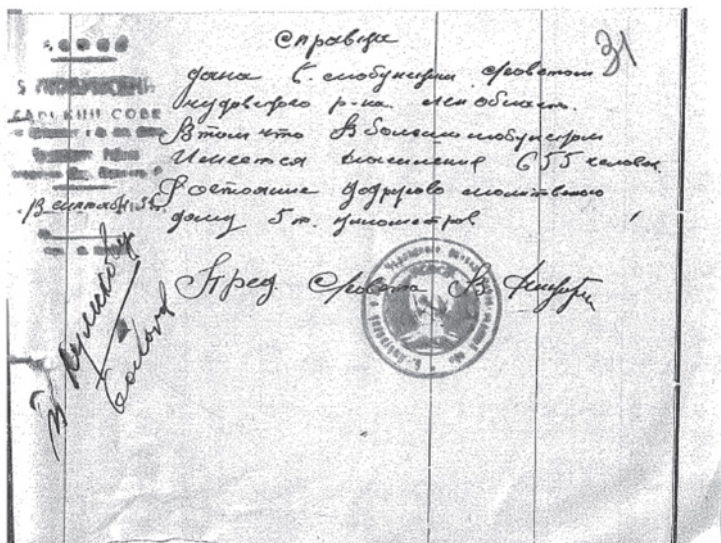
Дата рождения		Место рождения	Имя ребенка	Зачи, как, отчество и фамилия родителей и крестных	Зачи, как, отчество и фамилия приемных	Вся сумма выданных рублей	Рисованные изображения
1881	16. 11.	17.	Малая	Родила Малая крестная Малая крестная в законном со Младшей крестной от Священника Василия Помещика Василия	от родной крестной Малая крестная Младшая крестная Младшая крестная	Рисованные	
1881	16. 11.	17.	Екатерина	Родила Катерина крестная от приемных Василия Василия Васильевича Помещика Василия	от родной крестной Младшая крестная Младшая крестная	Рисованные	
1881	16. 11.	17.	Екатерина	Родила Катерина крестная от приемных Василия Василия Васильевича Помещика Василия	от родной крестной Младшая крестная Младшая крестная	Рисованные	
1881	16. 11.	17.	Екатерина	Родила Катерина крестная от приемных Василия Василия Васильевича Помещика Василия	от родной крестной Младшая крестная Младшая крестная	Рисованные	
1881	16. 11.	17.	Екатерина	Родила Катерина крестная от приемных Василия Василия Васильевича Помещика Василия	от родной крестной Младшая крестная Младшая крестная	Рисованные	
1881	16. 11.	17.	Екатерина	Родила Катерина крестная от приемных Василия Василия Васильевича Помещика Василия	от родной крестной Младшая крестная Младшая крестная	Рисованные	

Из Метрической книги.

16 ноября родилась 17 ноября крещена Екатерина.
Родители: деревни Малой Любуни запасный солдат Фёдор
Никитин Варламов и законная жена его Дарья Ильина,
православные. Соприемники: гвардии стрелкового полка
рядовой Александр Никитин Варламов и деревни Малой
Любуни девица Ольга Никитина Варламова. Крестил
Священник Соловьёв.

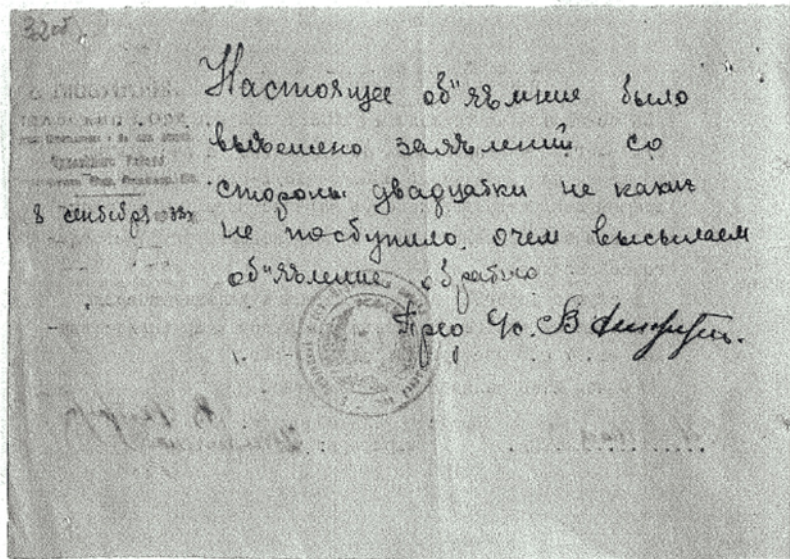

Слева направо: Анна Фёдоровна Варламова, Сергей Фёдорович Варламов, Екатерина Фёдоровна Варламова. Ленинград, 1932 год

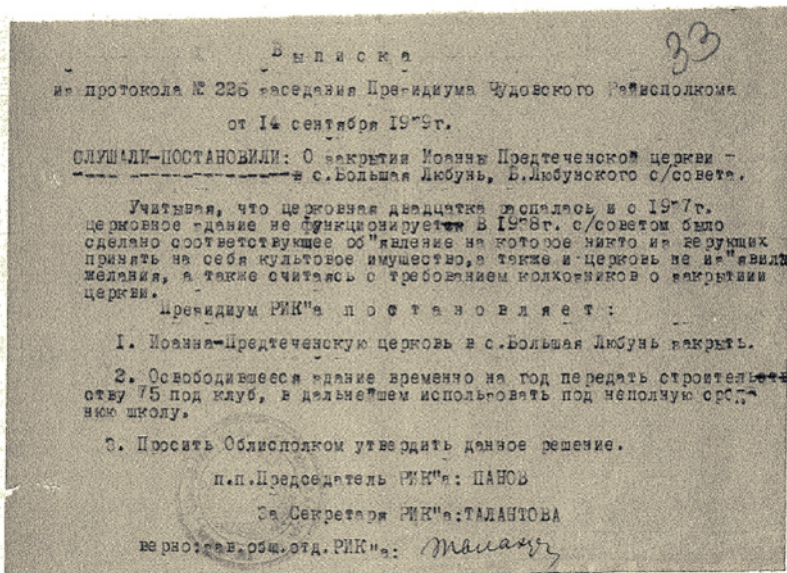

Справка дана Б. любунским сельсоветом Чудовского района Ленобласти в том, что в Большой Любуни имеется населения 655 человек. Расстояние до другого молитвенного дома 5 километров. Председатель сельсовета: подпись. 13 сентября 1935 г.

Настоящее объявление было вывешено. Заявлений со стороны двадцатки не каких не поступило, о чём высылаем объявление обратно. Председатель (подпись).

Выписка из протокола № 226 заседания Президиума Чудовского Райисполкома от 14 сентября 1939 г.

Акт

1939г. сентября 13. Комиссия в составе председателя сельсовета Никитина от общественных учительница товарищ Алексева, техник-строитель 75-го участка Романчук, бывший член двадцатки Лупашкова Дарья провели технический осмотр здания церкви, находящейся в деревне Большая Любунь (Рождества Иоанна Предтечи). При осмотре оказалось, что здание каменное в техническом отношении имеет вполне удовлетворительное состояние без ремонта приспособлено для переоборудования под школу под клуб и т. д. В чём и составлен настоящий акт.

Подписи: *Никитин*
Алексеев
Романчук

Председатель комиссии *Сидорова*

Акт 1939 г. сентября 13. Комиссия в составе председателя сельсовета Никитина, от общественных учительница товарищ Алексева, техник-строитель 75-го участка Романчук, бывший член двадцатки Лупашкова Дарья провели технический осмотр здания церкви, находящейся в деревне Большая Любунь (Рождества Иоанна Предтечи). При осмотре оказалось, что здание каменное в техническом отношении имеет вполне удовлетворительное состояние без ремонта приспособлено для переоборудования под школу под клуб и т. д. В чём и составлен настоящий акт. (Подписи)

Острова

общего собрания граждан деревни
 Острова Большелюбунского сельсовета 20
 состоявшегося 14 апреля 1939 г.

Председатель собрания Дёмин Т. И.
 секретаря Крайнов П. А.

Повестка дня, 1) об открытии
 семилетки при сельсовете при
 Большелюбунском сельсовете.
 Слушали: Доклад председателя
 сельсовета товарища Никитина В. П.
 об открытии семилетки при
 Большелюбунском сельсовете.
 Выступления: Крайнов П. А.:
 просить высшие органы открыть
 семилетку при Большелюбунском
 сельсовете, помещение просит
 занять церковь у Дёмина Т. И.
 Надо просить открыть семилетку
 в помещении церкви.

2) Дёмин Т. И.:
 Надо просить открыть семилетку
 в помещении церкви.

3) Пасынков П. И.: Церковь у нас
 не даёт никакой пользы, а
 надо просить открыть школу,
 она даст нам пользу.

Протокол общего собрания граждан деревни Острова
 Большелюбунского сельсовета состоящего 14 апреля 1939 г.

Председатель собрания Дёмин Т. И.

Секретарь Крайнов П. А.

Повестка дня: 1) об открытии (неразборчиво) семилетки при
 Большелюбунском сельсовете. Слушали: Доклад председателя
 сельсовета товарища Никитина В. П. об открытии семилетки при
 Большелюбунском сельсовете. Выступления: Крайнов П.: просить
 вышестоящие органы открыть семилетку при Большелюбунском
 сельсовете, помещение просит занять церковь. 2) Дёмин Т. И.:

Надо просить открыть семилетку в помещении церкви.

3) Пасынков П. И.: Церковь у нас не даёт никакой пользы, а
 надо просить открыть школу, она даст нам пользу.

3605

она даёт нам помощь / Никулина
на А. А. Я поддерживаю мнения
выступающих и прошу открыть
школу в церкви.

Постановили; Заслушав доклад
председателя с/с Никитина
и мнения выступающих колхоз-
ников, Общее собрание постановило
просить вышестоящие органы
разрешить открыть школу
при Большелюбунском сельсовете.
Помещение занять под школу
церковь.

Председатель Дёмин
Секретарь (неразборчиво)

4) Никулина А. А.: Я поддерживаю мнения выступающих
и прошу открыть школу в церкви.

Постановили: Заслушав доклад председателя сельсовета
Никитина и мнения выступающих колхозников, Общее собрание
постановило просить вышестоящие органы разрешить
открыть школу при Большелюбунском сельсовете. Помещение
занять под школу церковь.

Председатель: Дёмин.
Секретарь: (неразборчиво).

28

Протокол

Общего собрания колхоза Труд
 в Большелюбунском с/совете. Чудовского р-на
 состоявшегося 30 марта 1939 года.
 На котором должны присутствовать 25 ч.
 И присутствовало 25 ч. Председатель
 А. Гришина секретарь Ив. Никитина

Повестка дня.

1. Об открытии семилетки в деревне
 Любунь в Большелюбунском с/совете.
 Слушали
 Председателя с/совета В. Т.
 Никитина товарища
 Никитина охарактеризовал полную
 готовность и предложил гражданам
 деревни (неразборчиво) занять бывшую
 Церковь которая в настоящее время
 находится свободной каковую и
 можно использовать для школы.

Протокол общего собрания колхоза Труд Большелюбунского сельсовета Чудовского района, состоявшегося 30 марта 1939 года. На котором должны присутствовать 25 человек.

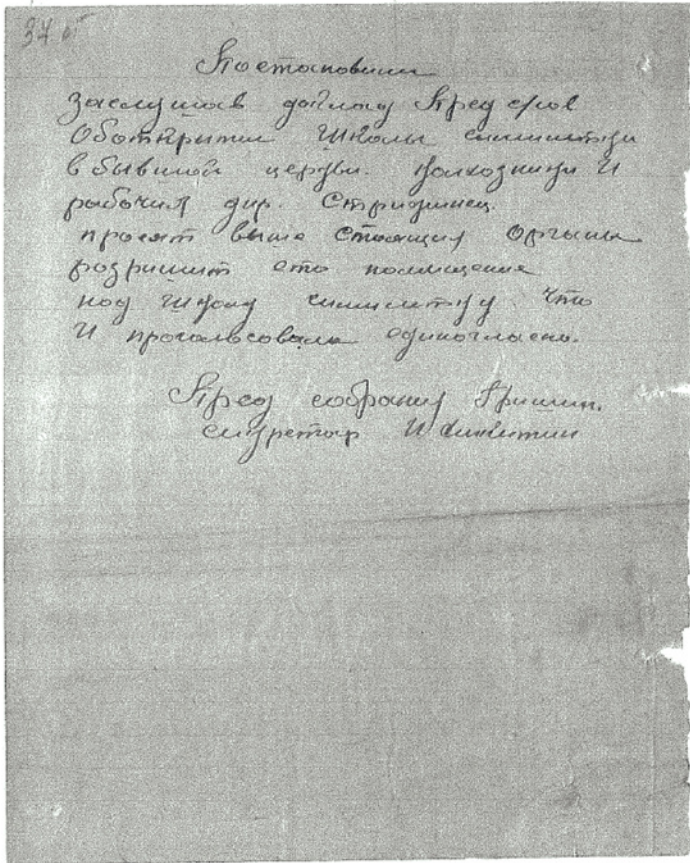
И присутствовало 25 человек под председательством
 А. Гришина секретаря Ив. Никитина.

Повестка дня.

Об открытии семилетки в деревне Любунь Большелюбунского сельсовета.

Слушали

Председателя сельсовета товарища Никитина В. Т. об открытии семилетки в Любунь для учащихся школьников. Товарищ Никитин охарактеризовал полную (неразборчиво) и предложил гражданам деревни (неразборчиво) занять бывшую Церковь которая в настоящее время находится свободной каковую и можно использовать для школы.

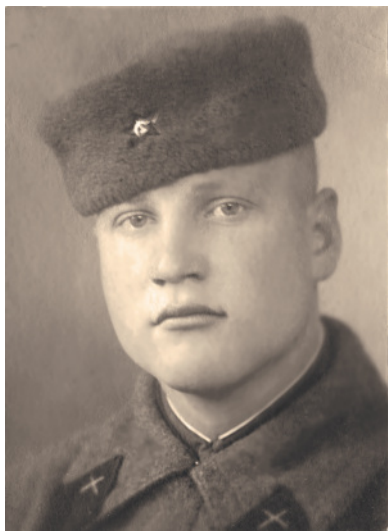

Постановили

Заслушав доклад председателя сельсовета об открытии школы семилетки в бывшей церкви колхозники и рабочие деревни (неразборчиво) просят вышестоящие органы разрешить это помещение под школу — семилетку. Что и проголосовали единогласно.

Председатель собрания Гришин.
Секретарь И. Никитин.

Мой отец, Михаил Емельянович Миронов

1.4. В течение суток обнаружено и описано:
 Рн 0300 - 3 10.88, 3 ме-110.
 Рн 0800 - 3 10.88.
 Рн 1400 - 1 10.88.
 Истребитель доставлен аэ. див. и передан из Рн 1
 • по Гелендону по радиу
 а) о самолетах пр-ка: 53 ..... 21 25 31
 б) о своих самолетах: 1073 ..... 503 92 40
 в) истребитель информации Рн Висе:
 Рн 0200-230, Рн 0800-447, Рн 1000-238, Рн 1100-238,
 Рн 1200-245, Рн 1300-130, Рн 1400-109, Рн 1500-226.
 На участке Рн 1100 и 1300 пролетел 1
 истребитель самолета в сопровождении 4 $\pm$ дозвуков.
 объявлен благодарностью и составу 11 лет.
 - наз. истреб. из Рн 100 - истребитель Чикаго.

2.4. В течение суток обнаружено и описано:
 Рн 0200 - 1 ме-110
 Рн 0300 - 4 10.88, 6 ме-110, 2 фв-150.
 Рн 0400 - 2 10.88.
 Рн 0800 - 3 10.88.
 Рн 1300 - 2 10.88.
 Рн 1500 - 2 10.88.
 Истребитель доставлен аэ. див. и передан из Рн 1
 • по Гелендону по радиу
 а) о самолетах пр-ка: 86 ..... 251 45 58
 б) о своих самолетах: 1355 ..... 625 226 56
 в) истребитель информации Рн Висе:
 Рн 0200-425, Рн 0300-255, Рн 0400-413, Рн 0800-427,
 Рн 1000-437, Рн 1100-238, Рн 1200-423, Рн 1300-437,
 Рн 1400-184, Рн 1500-437.
 Возможно было совершено нападение
 на Рн 0200 неизвестным истребителем,
 пострадавших аэ. и/с почти нет.

3.4. В течение суток обнаружено и описано:
 Рн 0300 - 2 10.88, 5 ме-110.
 Рн 0400 - 1 10.88.
 Рн 0800 - 7 10.88.
 Рн 1200 - 4 10.88, 3 10.88.

Уже после снятия блокады Ленинграда в журнале 169-го зенитного артиллерийского полка Ленинградского фронта регулярно отмечалось появление самолетов противника

1945 год

193

1.1. В течение суток авиация противника не появлялась.
 принято допесеней от Гн и передано из Гн:
 а) о своих самолетах: из Гн по телефону - 83, по радио - 6
 пер. " " - 78, " " - -
 б) принято информации Гн Висо: 50

2.1. В течение суток авиация противника не появлялась.
 принято допесеней от Гн и передано из Гн:
 а) о своих самолетах: из Гн по телефону - 13, по радио - -
 пер. " " - 13, " " - -
 б) принято информации Гн Висо: 40

3.1. В течение суток авиация противника не появлялась.
 принято допесеней от Гн и передано из Гн:
 а) о своих самолетах: из Гн по телефону - 64, по радио - -
 пер. " " - 47, " " - -
 б) принято информации Гн Висо: 45

4. В течение суток авиация противника не появлялась.
 принято допесеней от Гн и передано из Гн:
 а) о своих самолетах: из Гн по телефону - ~~49~~ 93, по радио - ~~2~~
 пер. " " - ~~47~~ 78, " " - ~~3~~
 б) принято информации Гн Висо: ~~50~~

5.1. В течение суток авиация противника не появлялась.
 принято допесеней от Гн и передано из Гн:
 а) о своих самолетах: из Гн по телефону - 74, по радио - -
 пер. " " - 71, " " - -
 б) принято информации Гн Висо: 40

6.1. В течение суток авиация противника не появлялась.
 принято допесеней от Гн и передано из Гн:
 а) о своих самолетах: из Гн по телефону - 172, по радио - 16
 пер. " " - 162, " " - -
 б) принято информации Гн Висо: 49

7.1. В течение суток авиация противника не появлялась.
 принято допесеней от Гн и передано из Гн:
 а) о своих самолетах: из Гн по телефону - 280, по радио - 13
 пер. " " - 259, " " - -
 б) принято информации Гн Висо: 73

И вот наконец с большой радостью прочитал строки: «1 января 1945 года. В течение суток авиация противника не появлялась».

МЕТРИЧЕСКАЯ КНИГА НА ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, И РОДИВШИХСЯ.						
Время рождения	Имя и отчество	Место рождения	Имя, фамилия, отчество родителей	Имя, фамилия, отчество родителей	Время рождения	Имя и отчество
1897	11	Андрей	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	11	Андрей
1897	11	Светлана	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	11	Светлана
1897	11	Андрей	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	11	Андрей
1897	11	Варвара	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	11	Варвара

Запись о рождении Андрея Фёдоровича Варламова

МЕТРИЧЕСКАЯ КНИГА НА ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, И РОДИВШИХСЯ.						
Время рождения	Имя и отчество	Место рождения	Имя, фамилия, отчество родителей	Имя, фамилия, отчество родителей	Время рождения	Имя и отчество
1907	5	Николай	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	5	Николай
1907	5	Александр	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	5	Александр
1907	5	Варвара	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	5	Варвара
1907	5	Николай	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	5	Николай
1907	5	Николай	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	Судья Александр Фёдорович Варламов, жена Мария Ивановна	5	Николай

Запись о рождении Николая Фёдоровича Варламова
5 ноября 1907 года

КАРТОЧКА ПО УЧЕТУ ЛИЧНОГО СОСТАВА Союзоргучет типовая ф. № 133

1 2097 2 Образование 3 Карламов 4 Красногв. кр. партиз. краснознам 5 БКП(б) 6 ВЛКСМ 7 государст. 8 Состоит на воен. учет 9 № млн. инд. 7306

Фамилия, и., о. Карламов Федор Гедерф. государст. гос. рожд. 1909

Национальность русск. место Любучь

Паспорт Суд. 8901 ком дата 16/11 серия и № Л-7 624707 срок б. м.

Чл. БКП(б) ВЛКСМ	г.	б/п.	Дата	Часть-цех	Должность	раз-ряд	Оклад	Основания
Чл. профсоюза	19		<u>32/12/36</u>	<u>К-22. Швейная</u>	<u>Вирож</u>			
Проф. билет №			<u>23/11/37</u>	<u>Лесной</u>	<u>рабочий</u>		<u>100</u>	
Соц. полож.			<u>8/12/37</u>	<u>выб. в</u>	<u>в РККА</u>			
Общее образование:			<u>17/11</u>	<u>Уч. Школы</u>	<u>учащ.</u>		<u>25/12/38</u>	
Специальное			<u>23/11</u>	<u>4/б. Выход</u>	<u>в РККА</u>			

(Учет военнообязанных ведется по ф. № 6. Приказа РВС СССР № 22 ...
Союзоргучет типовая ф. № 132).

Н. 2117.

Семейное положение холост

Произв. стаж. 1909 Профессия _____ Спец. _____ Стаж _____

Последнее место работы _____

Дом адрес Любучь _____ телеф. _____

Опоздания и прогулы			Отпуска	с	по	Поощрения и взыскания	Основания
дата	ч. м	о. метка					
			<u>1936 июл 29/июл 13 дней</u>				
			<u>1937 год</u>			<u>12 дней с 1/8 37 год</u>	
			<u>1938</u>			<u>12 дней с 1/8</u>	
			<u>выполнение</u>			<u>12 х недельное выезда</u>	
			<u>наводил</u>			<u>и компенсация за</u>	
			<u>не использованный отпуск</u>				
			<u>1939</u>			<u>5 дней</u>	
			<u>ком. с</u>			<u>14/11-40 по 1/11-41. 13 1/2 дн.</u>	

Дата увольнения _____ Причина _____

Из воспоминаний Виктора Михайловича Варламова (Сказание о разорванном детстве)

Эти воспоминания я обнаружил случайно и с большим интересом прочёл. Воспоминания В. М. Варламова, уроженца с. Большая Любунь Чудовского района¹. Не могу не привести цитату из газетной страницы:

«Давно нет на карте моей малой родины... В 70-е годы я посетил родные места и ничего не узнал, никого не нашёл, кроме четырёх средних камней-валунов из-под своего дома. Стая диких гусей поднялась с бывшего барского пруда, теперь уже совсем заросшего болотной травой осокой, говорливо курлыча, полетела вдаль. Жутко стало на душе от такой безлюдной тоски, чего-то безвозвратного. А ведь было совсем не так. По тракту Новгород–Чудово–Тихвин ещё, казалось бы, совсем недавно стояли сотни деревень, сёл, окружённых речками, озёрами, садами и огородами, лесами и лугами.

Свою деревню Большая Любунь (с более чем сотней дворов) я помню и никогда не забуду. Двухэтажная начальная школа, клуб, магазин и большая красного кирпича церковь, а рядом помещение пожарной дружины, где часто проводились колхозные собрания. Если ехать из Чудова, то за деревней Графской (ныне Новая Слобода) стоял старинный верстовой столб аракчеевских времён. За столбом, в двухстах метрах — кладбище с часовней. А там и деревня, начинающаяся с нашего дома...

---

¹ Сказание о разорванном детстве // Новгородские ведомости. 2005. 19 марта.

Красная корова

Жаркое лето 1941 года не предвещало ничего необычного. 21 июня мы гадали, какой завтра будет день. “Вот сейчас коров погонят с пастбища, и узнаем”, — сказал кто-то. Через некоторое время послышались звон колокольчиков и мычание. Первой появилась корова красного цвета, и мы обрадовались — это была верная примета, что завтра будет хороший, солнечный день. Никто и предположить не мог, что этот красный цвет станет цветом крови и завтра начнётся война.

Весть о её начале пришла по телефону — из района позвонили в сельсовет. А “сарафанная почта” быстро разнесла эту весть из дома в дом. Посуровели лица мужиков и парней, встревоженно заохали бабы, пропал весёлый смех ребятишек, надвигалось что-то страшное, непонятное нам, детям.

Оккупация

Немцы уже шли с автоматами наизготовку, тащили пулемёты. Самолёты летели так низко, что можно было увидеть лётчиков. Своим гулом они ещё больше наводили страх. Вдруг из гумна вылез раненый красноармеец. Тут же в его сторону был направлен ручной пулемёт, и он, дёрнувшись, больше не двинулся с места. В нашем огороде тоже много было убитых солдат. Кругом стояла дымка, пахло гарью, порохом...

Немцы стали обыскивать избы, подвалы, сараи. Стаскивали в кучу раненых солдат, теперь это уже пленные. Оказались в плену и нераненые, их собрали десятка два, построили и повели в тыл. Раненых побросали в кузов, от боли они кричали, их били сапогами, затем увезли неизвестно куда.

Так начался “новый порядок”. Теперь многие каялись, что не уехали в глубь страны, не эвакуировались, когда была возможность. Но было уже поздно.

С опасением и осторожностью проходили мы теперь свою избу, боясь любого громкого стука, звуков чужой речи. А немцы уже полностью хозяйничали в деревне. Они тащили всё, что вздумается, ловили кур, били скотину, куда-то несли подушки, одеяла. Кричали, смеялись, стреляли...

А мы узнавали деревенские новости. В один окоп немец бросил гранату, так как оттуда боялись выходить люди. Были ранены две женщины, а мать троих детей, моих дружков, была убита. Старуха, что бегала за пальто из нашего окопа, тоже померла, истекла кровью. Немцы забрали старика дядю Ваню и куда-то угнали.

По дороге непрерывным потоком шла немецкая техника: машины, тягачи, танки, конные обозы, мотоциклы. Всё двигалось на восток, под Ленинград. Враг с боями продвигался на Будогощь и Тихвин. Жаркие сражения развернулись в шести километрах восточнее нашей деревни, в Рогачах, Стеремно, Оскуе. Несколько раз вражеские атаки были отбиты, но превосходство в силе и технике было далеко не равным. Опасаясь окружения, нашим войскам пришлось отступить.

Хочешь — беги, не хочешь — гори

И правда, в декабре немцы вдруг снялись с насиженных мест, даже комендатура уехала из нашей деревни. Каким-то образом люди узнали, что скоро пойдёт карательный отряд, всё будет уничтожать на своём пути и что всем нужно куда-то уходить, прятаться подальше от большой дороги.

Снова зашевелилась деревня, снова люди покидали своё жильё, но уже в последний раз. Почти все они сюда не возвращаются. И вот наступил день, когда уже от немцев можно было узнать, что завтра придут русские. “Уходите, сегодня ночью всё сожгут”, — говорили они. Мать сделала каждому из нас

по узелку. Напекла хлеба побольше, собрала необходимое. Я намотал на ноги полотенца — всё равно пропадут. И никому в голову не пришло припрятать запасы хлеба и картошки. Перенести бы всё это в тот же окоп за двором, но никто не подсказал, никто не подумал, что через сутки нас ожидает страшный голод.

К вечеру мы пришли в деревню Остров. Немного задержались — и снова в путь, на Завижье. Раньше здесь косили травы, на этих заливных лугах, всем колхозом. А сейчас зима. Только ступили на реку, как почувствовали, что ноги проваливаются под снегом в воду. Пришлось возвращаться в Остров, проситься переночевать у знакомых. Тут и застал нас немецкий карательный отряд.

Выскочив на улицу, мы узнали, что немцы взорвали железнодорожный мост через Волхов. А через час деревня загорелась от зарева пожаров. Одни каратели несли за спинами канистры, а в руках держали шланги. Другие, вооружённые автоматами, стреляли куда попало. Третьи, взяв по здоровому колу, ходили от дома к дому и били по окнам. Звон стёкол предупреждал, что желающие могут бежать, а кто не хочет — может гореть. Затем жидкостью из канистр поливали крыши — и они сразу воспламенялись. Так от дома к дому, от деревни к деревне, применяя тактику выжженной земли, отступали фашисты.

Мы уже были наготове. Изба стояла под горой, и мы всё ещё надеялись, что немцы, может, к ней не подойдут или не захотят спускаться. Но нет. Мы выскочили из избы — и на болото, в кусты. Раздался звон разбитых стёкол, и пламя окутало крышу старой избы.

С болота хорошо было видно, как горят все окрестные деревни и наша Большая Любунь в том числе. Ночное небо стало багряным, валил сырой снег, словно воздух был согрет от этих страшных пожаров».

У моего дедушки Фёдора было много братьев и сестёр. Известно, что сестра Агриппина и брат Иоанн умерли во младенчестве, Агриппина — от кори. А вот старший брат Егор (1866 г. р.) жил долго, есть запись в метрической книге, что он повторно женился 1 января 1915 года. Были ещё старшие сёстры: Ольга, Евдокия (14.02.1873 г. р.) и Анна (02.02.1877 г. р.) и старшие братья: Флор (1867 г. р.), Павел (01.11.1874 г. р.) и младшие братья: Александр (09.06.1881 г. р.) и Дмитрий (1892 г. р.). Их судьбы неизвестны. Возможно, приведённая мной цитата Виктора Варламова — из произведения, написанного родственником и одним из потомков братьев или сестёр моего деда Фёдора. Возможно, нет.

В нашей семье сохранились отрывки воспоминаний о жизни моего деда — Фёдора Варламова в Любуни во время войны. Дед был партизаном — связным отряда.

Зеркало

Мимо дома Фёдора Никитича шли люди — пожилой хилый мужичок в пальто, грузная женщина и дети, обмотанные платками, у каждого в руках узелок.

— Вы куда?

— В Грузино. Мы с завода «Красный фарфорист».

— Не до фарфора сейчас, — проворчал дед Фёдор.

— Ну да. Вот вышибут скоро наши немцев с завода, и мы к себе. Дед, пусть переночевать.

— Пустить-то пушу, дом стоит, только половиц нет. Только ты что, думаешь, немцев с завода к утру что ли вышибут? Ладно, располагайтесь в избе.

Через неделю Громовы вошли в Грузино. Завода не было. Каким-то чудом уцелела одна печь-горн.

— Куда теперь? — сглотнув, спросила Дарья.

— Возьмём у Варламовых лопаты, выкопаем землянку, пока переможется. Завод восстановим — фарфор будем делать. У деда Фёдора я заметил — лопаты хорошие, быстро вскопаем. А сегодня опять у него ночевать будем.

— Слышь, дед, у тебя в ограде зеркало стоит разбитое.

— Да это немец полоснул, гад. Старое зеркало, жене на венчание дарил.

— Тыпусти нас, пока не выкопаем землянку, откроем завод, я тебе зеркало-то исправлю.

— Думаешь, без твоего фарфора я так, на улице детей оставляю? Завтра поможем, а сегодня ты нам — половицы надо с моста принести. Гитлер по моим половицам на танках удирал, да подбили их наши.

Назавтра Громы с дедом Фёдором Варламовым начали рыть землянки в Грузино.

— Перекур, — сказал дед Фёдор, сроду не бравший в рот табака — пчелы табак не любят. Стареть начал. Он подошёл к печи-горну. Внутри горн был загружен сформованными изделиями.

Громов протянул было руку, дед его схватил за локоть.

— Куда? А мина? Вот и видать, что ты из эвакуации. погоди, осторожно надо.

— Разминировать надо. Сапёров позвать, — поёжился Громов.

— Вот умный ты человек, а не понимаешь, что сапёрам не до печных труб сейчас, ты слышишь, что за Волховом творится? Вот то-то. Сами справимся.

Собрав щепок, деревяшек, дед Фёдор на свой страх и риск решил разжечь печь.

Громов хлопнул по карманам.

— Вот спичек только нет, сейчас уголёк принесу.

— погоди уголёк, спички у меня всегда есть. — Достал старый серебряный коробок (с тех пор, как служил приказчиком на спичечной фабрике, хранил, как что-то вроде талисмана).

— Тащи ещё топливо, — крикнул Грозовым.

Собрали топливо, сами спрятались в развалинах. Ухнет — не ухнет. Минута, другая. Дрова разгораются, а взрыва нет и нет. Забыли немцы впопыхах печь заминировать.

Горн загудел, красный огонь осветил развалины завода. Потихоньку к горящему горну стали подтягиваться люди — всего три семьи с завода и погорельцы. Когда горн догорел, Грозов вытащил из печи чашку с надписью: «Будь начеку!»

— Вот это работа! Вот это фарфор. Хоть ко двору Его Императорского Величества! — Грозов чуть не приплясывал от радости на чёрном изрытом снегу.

— Ты что говоришь-то, — оборвала его Дарья.

— Да хоть в дом Кузнецова на Мясницкой в Москву, — но, поймав строгий взгляд жены, крикнул: — Да хоть в коммуноу.

— А зеркало я тебе в лучшем виде исправлю, Фёдор Никитич! Слово фарфориста!

Моя мама, Галина Фёдоровна Варламова, была шестнадцатилетней девочкой, когда началась Великая Отечественная война. Родители настояли на том, чтоб она и старшая сестра Анна с маленькими детьми уехали в эвакуацию в Киров.

Дневник моей мамы

В поезд втиснулись с трудом, в товарный вагон. Хорошо, что взяли мало — батин чемодан и два узла. Отец сказал, чтоб месяца на три взяли одежды. Это значит — до ноября, но в ноябре уже холодно. Пожалела, что не взяла тёплое зимнее пальто, впопыхах забыла и сапоги — подарок отца по окончании семилетки. Думала — поступать учиться, а тут война. Хорошо, что удалось Серёжину жене и Анну с двумя детьми затащить в вагон — всё легче, когда вместе. Сын Николая, Коленька, и Надя запросились к маленькому окошку вагона — просто щёлка чуть больше остальных. Кажется, поняла, почему Полина, новая жена Николая, не любит Коленьку. Потому что Катя от любви к Николаю назвала его таким же именем. К этой любви и ревнует Полина. Коленьку жалко, хоть он и хулиган, такой же, как и Игорь у Анны. Вот и сейчас Полина крикнула: «Коля!» Обернулись оба. Звала она мужа, конечно. Посередине — прямо меж нас — Николай поставил ведёрную глиняную крынку с мёдом с пасеки. Переговаривался с людьми — почти все были с грузинской фабрики и почти все его знали: островские, стриженские, гачинские, некишинские.

Соседка, поглядев на чемодан, сказала: «Конечно, ваш-то в пожарке триста рублёв получает, а мой разнорабочим шестьдесят рублей. А ведь на одной фабрике работают». Как она может считать, кто сколько получает, когда война?

Николай был зол — в военкомате ему отказали, сказали эвакуировать фабрику. Куда эвакуируют — толком никто не знал, но мы слышали, что он шепнул отцу — в Киров, батя. И слышала, как отец шепнул ему: «Мать оставь, не отпускай обратно».

Вчера бомбили Новгород и пригороды. На Волхове немцы разбомбили баржу, на которой среди мобилизованных был брат одноклассницы. Забежала к ним перед отъездом, но дома никого не застала, соседка сказала — в Грузине они.

17 августа 1941 года

Вчера нечем было писать. Сегодня карандаш нашёлся — закатился под мешок. Немцы бомбили поезд. Все бросились из вагона, малышка Эля плакала, Анна прикрывала её платком. Серёжина жена бросилась было с откоса, её за кофту схватила мама, затащила под колёса вагона. Страшно обернулась, нашла меня, прижала голову к железному рельсу под колесом, накрыла собой. Я кричала: «Мама, мама,пусти, я сама!» До конца бомбёжки поднять голову не смогла. Мама оказалась сильной, сильнее, чем я думала. Она не спала две ночи, даже Анна прикорнула, когда малышка наелась и успокоилась на руках. Бывший муж Анны не поехал, его отправили куда-то на Урал. Он был против рождения Эли. Как можно не полюбить такую малышку? Мне её очень, очень жалко. Я не могу себе представить, что отец не любил бы меня. А ведь я восьмая. А он от второй отказался. Мама научила Элю молитве. Когда мы лежали под вагоном поезда во время бомбёжки, Эля молилась и крестилась. А ведь ей нет ещё двух лет. Мне кажется, мы спаслись благодаря маминной молитве и молитве Эли, в наш поезд не попала ни одна бомба. А я всё время говорила Игорю, прижимая его к себе: «Это гроза, Игорь, это гроза».

Николай почти плачет от досады — старое ружьё не дали взять с собой, сейчас бы пригодилось. С другой стороны, бате нужнее. Неизвестно, что будет в Любуни через месяц. Как начальник пожарной службы Николай знает больше, но молчит. Судя по глазам, ничего хорошего через месяц не будет. Николай принёс воду, но отдал в соседнее купе, потом сбегал до реки ещё — на весь вагон. Похвалил мать, что не дала отбежать от вагона. Среди тех, кто бежал в лес, много убитых — с самолёта расстреливали, как сказал Николай — «прицельно». За батю страшно.

18 августа 1941 года

Рядом с нами — люди из Ленинграда. Старый мужчина с портфелем, Николай сказал, что это учёный. И двое детей. Его внуки. Они всё время говорили про какого-то Славу, который копает окопы, потому что ему уже 14 лет, ему нельзя было в эвакуацию. Старик всё пытался жаловаться, что лучше бы его взяли копать, а Слава был бы сейчас в поезде. Ещё с нами в вагоне женщина — воспитатель детского садика — начала рассказывать, что их сначала эвакуировали с детьми в Псковскую, а там немцы, и они еле успели сесть на поезд. Что там дети погибли. Я ведь хотела остаться с отцом и Зоей, но отец прикрикнул. Он впервые так резко, никогда на нас не кричал — ни на кого. Обиделась. А теперь вот жалко.

19 августа 1941 года

Вчера учёный, он представился Петром Семёновичем, узнав, что мы из Чудовского района, поменялся местами с Николаем и долго рассказывал про Аракчиевские казармы. К Аракчиевским казармам часто летом приезжали городские, даже из Ленинграда, с дач. Они фотографировались. В школе нам сказали, что нечего там фотографироваться, потому что Аракчиев был тираном. А Пётр Семёнович говорит, что Аракчиев — удивительно честный человек. Бабка Фёкла сказала, что этот удивительный человек, точнее, его сожительница, морила голодом дворовых, и те её убили. Я не утерпела и спросила, почему удивительный. Он сказал: «Когда государь подарил ему свой портрет с бриллиантами за службу, Аракчиев портрет себе оставил, а бриллианты вернул». Удивительного в этом нет ничего. Отец, когда вернулся с грамотой из Москвы за овощеводство, вернул колхозу зерно, которое ему председатель выписал.

Пётр Семёнович спросил: видала ли казармы? Видала — в Грузии; на самом берегу Волхова большой холм, вокруг него канал. На холме несколько больших домов, парк старых деревьев. В парке — скульптуры. Это всё и есть усадьба Аракчеева. В прошлом году там жили солдаты, какая-то военная часть. Люди это место называют просто «батальоном». Там рядом бывают танцы, но мама, а главное, батя, меня не отпустили ни разу. Пётр Семёнович говорит, что в этой усадьбе когда-то бывал и кутил Лермонтов.

25 августа 1941 года

Писать было совсем некогда. Приехали в Киров. Сначала Николай сказал подождать на вокзале, сам куда-то ушёл. На вокзале душно, остановились на площади. Умыться бы. Сбегала к колонке, только платье замочила, но стало легче. Игорь почти всё время со мной, потому что Анна не отпускает из рук Элю. Кажется, Зоя не поедет в эвакуацию. А как же Надя? Почему она не отправила её с нами? Одолевают страшные мысли. Приехал поезд из Ленинграда. Одни дети. Они плакали, Эля тоже начала плакать, Анна долго не могла её успокоить. К нам подошла какая-то женщина. Спросила Анну: «У вас грудничок? Покормите вот этого. Он детдомовский, а тут погреть молока негде». Анна покормила. Элька смешно тарацилась на младенца. Мне бы хотелось мальчика. А лучше мальчика и девочку. Как у Анны. Но только чтоб девочка была старше, а то вон от Игоря никакого толку, только успевай следить. Николай велел собрать всех грузинских с фабрики, и скоро какой-то начальник зачитал приказ: «Главное Управление спичечной промышленности Наркомата лесной промышленности СССР постановило рабочим грузинской фабрики „Спичечная фабрика им. Ленина“ занять места ушедших на фронт товарищей кировской фабрики „Красная звезда“».

28 августа 1941 года

Первую ночь провели возле вокзала, а потом расселились. Анна пошла работать. На работу пока не взяли, осталась присматривать за детьми. Писать некогда. Скорей бы устроиться на фабрику. Мама уехала обратно, как только разместились. Николай начал было уговаривать, даже голос повысил. Мама сказала: «Тише, Николай, я к отцу».

2 декабря 1941 года

Анна пришла с фабрики и рассказала, что было собрание, на котором директор строго отчитывал начальника цеха. Он зачитал письмо, после слов о письме Анна засмеялась и никак не могла остановиться, наверное, после начала войны это было первый раз, когда она так смеялась. Какой-то мужчина прислал директору фабрики письмо. Он написал: «Я уже 15 лет покупаю спички вашей фабрики. И всё время считаю количество спичек в коробке. Вы их кладёте то 50, то 52 штуки, то 49. Это безобразия. Если ещё раз такое повторится, буду жаловаться в ЦК партии». Анна сказала, что никто не смеялся. Почему нам было смешно? Николай сказал: «Потому что ты ещё не работаешь на фабрике. В спичечной коробке должно быть 50 штук». Кажется, у Николая за это время совсем исчезло чувство юмора.

5 декабря 1941 года

Ну вот. Стало легче. Немцы Москву не взяли, и наши пошли в наступление. Анна сказала, что на собрании директор похвалил наших, грузинских. Тех, кто организовывал эвакуацию фабрики, а значит, Николая. В последний день перед захватом

врагом села Грузино Ленинградской области, где до войны располагалась наша спичечная фабрика, успели вывезти готовые отпечатанные листы спичечных этикеток. Они пригодились не только для оклейки коробков. Их чистую оборотную сторону в Кирове использовали для тиражирования листовок, городских приказов и объявлений. Собрание было по поводу наступления наших под Москвой.

2 января 1942 года

Мы предложили, чтоб нас уплотнили. Сначала мы, Анна с детишками, Николай с семьёй, Серёжина семья — все жили в двух комнатах коммуналки. Хозяевам начальство сказало заранее ехать в деревню, потому что коммуналку освобождали под рабочих стратегических предприятий. Николай пришёл и сказал, что «Авитеку» очень тяжело, прошлой ночью с завода увезли 20 умерших. Они все живут в землянках. Мы освободили комнату для семьи из землянки. У нас было немного мёда в глиняной крынке, Анна собрала остатки и отнесла им. Как там мама и отец? Страшно за них очень. Про Зою боюсь думать, про Наденьку тем более. А думается...

2 февраля 1942 года

Наконец-то работа. Никто и никогда меня не попрекнул бы изживением, но жалко сестру Анну, жалко всех и теперь, наконец-то, фабрика. Собрали нас в цеху, холодно. Соседка дала валенки — это просто роскошный подарок. Сказала: «После войны отдадите». Мы же приехали в эвакуацию в платьях, думали к концу осени вернуться домой. Тонкое пальто с собой, но оно не для зимы. Кое-как оделись. Помогают люди, киров-

чане, хотя самим очень трудно. Как назло, зима очень холодная. Правда, может, хорошо, что холодная, говорят, немец под Москвой замёрз, как французы с Наполеоном. Но и нам приходится несладко.

Работа началась на спичечной фабрике с того, что взяли в руки ломы и кирки. Вся древесина — сплавные плоты — вмёрзли в Вятку. Мы их оттуда теперь достаём — по брёвнышку. Жмуюсь, чтоб осколком не повредить глаза. После смены нас собрали в цехе, где теплее. Бригадир сказал: «Товарищи, тут ко мне пришли некоторые. Хотят перевестись на соседний завод делать снаряды. Мол, будут для фронта работать. Так вот я скажу, что наша спичка для фронта не меньше важна, чем снаряд. А порой и поболее. Блокадному Ленинграду нужны спички, партизанам — поджигать эшелоны врага, бойцам — согреться перед боем». Сразу понятно, кто это некоторые — это наши мальчишки. Им по 12–13 лет.

Он сказал, что спички теперь — тоже оружие. На спичечной этикетке будет теперь дальномер, чтобы боец мог определить расстояние до вражеского танка и бросить гранату или бутылку с зажигательной смесью. На этикетке дана краткая инструкция по правилам пользования коробком-дальномером. Мальчишки, которые хотели перейти на другой завод, примолкли теперь.

2 марта 1942 года

Хорошо, что предупредила Анну, что останусь на ночь в цехе. Мы работали по 12 часов целую неделю, и сил идти домой не было. Никто не жалуется, потому что это боевое задание... Мальчишек бригадир всё-таки отпустил делать снаряды на завод «Физприбор». Паёк в лёгкой промышлен-

ности скуднее, чем в тяжёлой. А им расти, еды не хватает. В столовой мы получаем овсяный или перловый суп, завариху и чай без сахара. На заводе № 38, местные его называют «1 мая», делают танки. А мы делаем спички. Анна подала на развод с Пяро. Может, к лучшему. Мне кажется, она слишком холодна с Игорем. Потому что он на Пяро похож, наверное. Игорь это чувствует и хулиганит, совсем нету сладу.

10 марта 1942 года

К нам заехал знакомый, старик Платоньч с Чудово, он к отцу приезжал на рыбалку. Анна его встретила на рынке и привела к нам. Сделали завариху. Он работает в посёлке «Первомайском» рядом с Кировом, приехал на рынок обменять вещи на продукты. Эвакуированные с Чудовской спичечной фабрики «Пролетарское Знамя» теперь на фабрике «Белка». Он рассказал, что слышал, будто в Большой Любуни есть те, кто остался живой. Ящики со спичками они выносят из цеха на руках и носят на плечах на склад, который находится у железной дороги.

10 апреля 1942 года

Стояла в коридоре правления и смотрела на старые фотографии рабочих фабрики. Никого из них сейчас не видно. Бригадир сказал, что я окончила семилетку и могу уже не учётчиком работать, а машинистом турбогенератора. Обещают направить учиться. Учиться! Ещё совсем недавно казалось, что всё рухнуло, а сейчас стало легче. Получить бы хоть какую-нибудь весточку о маме с отцом.

1 мая 1942 года

Сегодня, в последний день учёбы, — праздничный день. Забежали с Анной на вокзал к поездам — узнать, что в Ленинградской области. Узнали только, что идут бои. Теперь я выучилась — теплотехник. Три месяца учёбы и фабрика. Всё-таки учиться было легче, но на фабрике уже привычнее. Нас оттеснили, из вагонов выгружали детей из Ленинграда. Трудно увидеть страшное: там один мальчик сжимал в руках мёртвую сестрёнку, и ему санитары не могли разжать ручки.

На фабрике забываешь обо всём. Директор встретил всех, кто отучился, и сказал: «Вот недавно товарищ Сталин вызвал одного директора спичечной фабрики (не меня). Тот приехал в Москву, ждёт в приёмной, пришёл с утра. Ему говорят: „Товарищ Сталин занят. Ждите“. Прождал до вечера. Ему говорят: „Приходите завтра, сегодня приём закончился“. Пришёл этот директор назавтра. Опять сказали ждать, а вечером повторилось: „Товарищ Сталин занят был, приходите завтра“. И так ещё раз. На третий день директор спичечной фабрики опять пришёл. Ему говорят: „Проходите“. В кабинете товарищ Сталин поздоровался, сказал садиться. Сам взял трубку, открыл коробок спичек. Директор фабрики заметил, что это его коробок, с его завода, судя по этикетке. Раз Сталин чиркнул спичкой — сломалась. Второй раз — сломалась, третий раз — сломалась. На четвёртый вспыхнула. „Теперь вы всё поняли, товарищ?“ — спросил Сталин. Директор всё понял. Я это к тому говорю, что не хочу, чтоб товарищ Сталин и товарищи бойцы на фронте по три раза ломали наши спички. Для этого вы учились и сейчас идёте в цеха».

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В первые месяцы войны враг глубоко вклинился вглубь нашей страны и занял города, где располагались основные спичечные предприятия Советского Союза: 28 июня 1941 г. был захвачен г. Минск, 29 июня — г. Лиепая и г. Клайпеда, 1 июля — г. Рига, 4 июля — г. Пинск, 9 июля — г. Псков, 6 октября — г. Брянск, 13 октября — г. Калуга.

На временно оккупированной территории оказалось 15 предприятий спичечной промышленности. Разграблению, полному или частичному уничтожению подверглись спичечные фабрики: «Волна революции», «Малютка» и «Ревпуть» в Брянской области, «им. Ленина» и «Пролетарское знамя» в Ленинградской области, «Черневская» в Псковской области, «им. Кирова», «им. 10-летия Октября», «Везувий», «Пинская» в Белорусской ССР и пять предприятий в прибалтийских республиках (в городах Таллине, Вильянде, Клайпеде, Риге и Лиенае), что составило более 70 % всех производственных мощностей спичечной промышленности страны.

Новые нормы продовольственного пайка на военное время были утверждены приказом Народного Комиссара обороны № 312 от 22 сентября 1941 г., которые предусматривали введение продовольственных норм, дифференцированных с учётом военно-служебных обязанностей и в зависимости от условий несения службы отдельными контингентами военнослужащих. Нормой суточного довольствия красноармейцев и начальствующего состава боевых частей действующих армий и тыла фронта, армии, дивизии и бригады предусматривалось обеспечение их по 3 коробка спичек в месяц, боевых расчётов экипажей самолётов и технического состава частей ВВС по 10 коробков спичек в месяц, раненым и больным, поступившим на лечение в госпиталя из действующей армии, по 3 коробка спичек в месяц.

Красноармейцы строевых частей, караульных и тыловых учреждений, экипажи самолётов и лётно-технический состав, не входящий в состав действующих армий, и курсанты спичками не обеспечивались.

Для населения страны, которое было разделено на четыре категории: рабочие и приравненные к ним лица, служащие, иждивенцы и дети, — с июля 1941 г. была введена продажа спичек по продовольственным карточкам. Однако даже в г. Москве продовольственные карточки отоваривались не более чем на 30–40 %.

Огромные потребности в спичках должны были реализовать восемь оставшихся государственных спичечных фабрик: «Байкал» в Иркутской области, «Белка» и «Красная звезда» в Кировской области, «Победа» в Пензенской области, «Сибирь» в Томской области, «Маяк» в Ярославской области, «им. 1 Мая» в Башкирской АССР и «Искра» в Хабаровском крае.

В годы Великой Отечественной войны фабрика «Белка» переживала большие трудности, как и вся страна. Производство осталось без запасов химических препаратов, бумаги, древесины, многих комплектующих материалов. Не осталось квалифицированных специалистов. Была упорная и изнурительная борьба за выполнение плана по снабжению фронта спичечной продукцией. Спички на фронте выдавали поштучно. В суровую зиму 1942 года древесина, которую принимала фабрика в виде сплавных плотов, полностью вмёрзла в лёд реки Вятки. Приходилось вести неравную борьбу с природой буквально за каждое бревно. Главными орудиями были лом и кирка. В производство ушли все складские остатки, брёвна от разрушенных домов и даже старые заборы.

Война потребовала, кроме рядовых спичек, начать срочную разработку новых видов специальной спичечной продукции: запалов для взрывных устройств, гранат и бутылок

с зажигательной смесью, сигнальных и дымовых спичек, спичек для подрывников и разведчиков и ряд других видов продукции спец. назначения.

Фабрика продолжала работать, несмотря ни на что выдавая готовую продукцию. Не только спичками помогала фабрика фронту. Именно в это время была выпущена спичечная этикетка, на которой был изображён дальномер, изобретённый Ф. Ф. Павловым. На этикетке дана краткая инструкция по правилам пользования коробком-дальномером. Боец, протягивая руку с коробком, по инструкции мог определить расстояние, например, до вражеского танка. Такой коробок для бойцов превращался в настоящее учебное пособие!

С 1942 г. в спичечно-этикеточной промышленности наметилась положительная тенденция развития, которая привела к тому, что в августе было освоено производство нового вида спичечной продукции «спичек-книжечек», которые полностью решили проблему сохранности и удобного использования спичек в военной форме бойцов.

СПИЧКА

Запас огня, залог тепла,
Она одна при мне была,
Одна в просторном коробке,
Как в горнице сухой.
Одна во всей глухой тайге,
Зажги, и нет другой.
Застыла коробом шинель,
Метёт за воротом метель,
Вторую ночь в лесу встречай,
Той ночи нет конца.
Ну, спичка, спичка, выручай,
Не подведи бойца.

И чует жёсткая ладонь,
Что уцелел под ней огонь.
И завелись, как червячки,
Сучки, сушья пучок.
Трещат, как спелые стручки,
Стреляют в кожу щёк.
Дымком повитое тепло
Под рукава ползком зашло,
Разута правая нога,
Что ночь, что холод мне.
Вот так бывает дорога
И спичка на войне!

А. Т. Твардовский

Спичка достойно заслужила себе место в истории как продукт повседневной необходимости, а в годы войны как предмет обязательной экипировки солдата, который спас тысячи жизней бойцов и командиров.

Скромную, но очень нужную работу выполняла спичка в блокадном Ленинграде. Она давала бойцам тёплую обувь и горячую пищу, она зажигала в домах буржуйки и на заводах кузнечный горн, поминальную свечу и надежду победы в сердцах защитников города. Блокадная спичка достойно заслужила себе место в истории как не только продукт повседневной необходимости, но и как продукт, спасший десятки тысяч жизней блокадников ленинградцев и не только.

(Из открытых источников Интернета)

21 июля 1943 года

Поехали с Анной в Уржум. Анна теперь работает заведующей клубом. Она познакомилась с военным, с Борисом Алексеевичем Куньшиным, он приехал в отпуск и завтра едет к родне. Пригласил Анну, и вот надо ехать. Отпросилась на фабрике. На станции Уржум — эвакуированные из прифронтовых областей, из Прибалтики, Ленинграда, Белоруссии. Мы собирали на лугах рядом со станцией большие букеты ромашек, встречали приезжих детишек цветами. Борис Алексеевич — весёлый человек. Повёл всех в Дом колхозника. Там должны разместить детей, мы помогли прибираться, ставить кровати, а он начал играть на баяне. Потом пили чай — стол поставили прямо на улице. Я сразу вспомнила маму и бату, как мы пили чай, и началась война. Борис Алексеевич сказал тогда: «Вот кончится война, и мы все тут соберёмся и отметим победу. И мама, и папа будут с нами. А Галя их к нам привезёт». И мне почему-то подумалось, что так и будет. Мы вернулись в Киров. Анна была весёлая, как раньше. Потом искали Игоря, нашли в бараках. Вечером Анна сказала: «У Бориса Алексеевича есть дочь. Зовут Алевтиной. Он готов усыновить Игоря и Эльзу». Так и сказала — Эльзу, хотя мы всегда зовём её Элей. Я спросила: «Ты хочешь женского счастья?» Анна долго смеялась, а потом вдруг сказала: «Если будешь свой сахар всё время скармливать Эле и Игорю, то так и останешься спичкой». Это она так дразнится после того, как стала завклубом. Раньше — Галка, теперь — Спичка.

29 января 1944 года

Я даже писать не могу. С чего начать? Вчера в течение дня наши войска вели упорные бои в районе города Любань. Сегодня наши освободили Чудово. Я не разобрала ничего, помню толь-

ко: «Войска ВОЛХОВСКОГО фронта, сломив сопротивление противника, овладели городом и крупным железнодорожным узлом ЧУДОВО». Домой! К маме, к батю! Побежала на вокзал, мне сказали, что нужно дожидаться вызова. Скорее бы. Что теперь в Грузино... Я про Большую Любунь боюсь думать...

Март 1944 года

Я дома. То есть в Целтнэ, в доме знакомого лесника. Самого его уже нет в живых, а его жена в эвакуации, их вывезли с приграничных территорий, из латышей осталась только семья Бэрант или Бэрент. Он местный лекарь, у него все лечились. Не знаю, как всё описать. Мама и отец живы, это главное. Они видели немцев. Немцы ходили по нашей улице. Нашей деревни больше нет. Если бы я знала, как они жили тут, я бы там, в Кирове, сошла с ума. Многих нет. Наденька жива и Зоя. Это чудо. Нас освободила 44-я стрелковая, все говорят, что освободил Воробьёв¹. Пошла в Целтнэ в райком, дали справку и отправили в Чудово, потому что семь классов и училась в Кирове. Скорее нужно работать. Чудово в руинах.

1 мая 1944 года

Сегодня праздник. Вчера на лодке нас с мамой переправили через Волхов. Когда переправлялись через Кересть на плотках, старушки крестились на воду. Говорят, возле Керести был

---

¹ В январе 1944 года дивизия в составе 54-й армии Волховского фронта участвовала в Ленинградско-Новгородской, Новгородско-Лужской наступательных операциях. За отличия в боях по освобождению города и железнодорожного узла Чудово ей было присвоено наименование «Чудовская».

концлагерь военнопленных, и они все умерли от голода и ран, фашисты их сбрасывали в реку. Город теперь не узнать никому. Мама помогла обустроить кое-как комнату — 9 метров, я теперь в ней буду жить. После митинга я пошла на работу. Мне дали работу начальника паспортного стола. Уже многие возвращаются. Мама поехала обратно, они с отцом всегда вместе в праздник. И не только в праздник. Тогда, в 41-м, она знала, что возвращается туда, где скоро будут немцы, но хотела быть рядом с отцом. Я написала письмо Анне, надо отправить, только я пока не знаю, где почта.

ЧАСТЬ IV

**«ВСЁ, ЧЕГО НЕ РАССКАЖЕШЬ
СЛОВАМИ, ФОТОГРАФИИ
СКАЖУТ ПРО НАС»**

(Михаил Танич)

Встреча и воспоминание, дневниковая запись или запись на обороте фотографии, маленькая подробность, случайно обронённое слово — всё это лучше помогает мне понять время, близких мне людей, соотнести их поступки с историей Родины, проследить удивительное переплетение судеб.

Память возвращает нам прошлое не просто так. Возвращает, чтобы мы поняли его и, может быть, извлекли уроки. Научились биться за справедливость, как мой дед Емельян Еремеевич Миронов, научились ждать, как бабушка Марина Дорофеевна Миронова, любить, как бабушка Даша и дед Фёдор Варламовы, обрести неожиданное и долгожданное счастье, как Григорий Миронов, совершить подвиг, как мой отец, быть рядом, как моя мама.

Галина Фёдоровна Варламова. Моя мама

Мама моя родилась в большой семье Варламовых 25 марта 1925 года. Была, как в народе говорят, поскрёбышем, последним ребёнком. Она пережила войну.

Чем мне мама моя запомнилась? У неё была непростая судьба. Отец мой — фронтовик, хороший человек, добрый очень, сильный. Но, как у многих русских мужчин, была у него одна слабость, которая совершенно очевидно появилась в результате войны, — это, конечно, выпивка. К сожалению, отец трезвый и отец пьяный — это, по сути, два разных человека. Когда отец

пьяный, он гонял и меня с Маринкой (моя сестра), и маму. Доставалось маме крепко, мог и руку на неё поднять.

Помню такую сцену. Мне, наверное, лет восемь или девять. Лето, белые ночи. Отец пришёл поздно, разбушевался, и мы вынуждены были (я, мама и Маринка) выскочить на улицу, благо жили на первом этаже. А время где-то полвторого ночи, но светло, как днём. И вот мы гуляли по улице Красной Артиллерии втроём, наверное, где-то час. Мама что-то нам рассказывала, мы смеялись. А потом мама прикинула, что отец уже должен был утомиться, и меня послали на разведку, потому что я юркий, шустрый. Я аккуратно прошёл в комнату, увидел отца, спящего в одежде, он даже не снял сапоги (он тогда служил старшиной в военном училище). Я бегом за мамой, за Маринкой сказать, что всё, можно идти. Мы потихонечку пришли. Мама легла с Маринкой, потому что батя поперёк кровати лежал. Вот такие эпизоды запомнились.

Кстати, коль скоро про выпивку упомянул, запомнилась мне такая история. Это было перед армией. Мне было лет пятнадцать-шестнадцать. Я учился в девятом классе. Район наш мы называли София. Все знали, что это был блатной район. Блатной — это значит, там много хулиганов. Сам я был хулиганистым. И, конечно, считалось почётным знакомство с самыми крутыми хулиганами. Кто-то из них уже и в тюрьмах посидел. Мальчишкам всё это нравилось. Я не был исключением.

Однажды, пойдя по какой-то надобности в магазин, увидел старших ребят, они меня останавливают, авторитеты местные, и говорят: «О, Мирон, у тебя случайно нет денег?» То ли рубль они попросили, то ли два. «Мы, — говорят, — хотим винца купить». У меня оказались какие-то деньги. Они предложили пойти с ними в Нижний парк. Я пошёл. Как сейчас помню, пили ужасное вино, «Волжское», в бутылках, которые мы называли «фугасы». Как тогда говорили, таким вином можно заборы красить. Как всегда, взяли какие-то две ириски, две конфетки, то есть никакой закуски.

И вот мы в Нижнем парке, дело было осенью, наверное, конец сентября, уже довольно прохладно, я в пальто был. Пили вино из горла (круто!), с разговорами. Когда я понял, что чего-то совсем мне худо становится, чтобы не уронить своё достоинство (ха-ха!) я вовремя ушёл от них, но не в сторону дома, понимая, что в таком виде мне лучше домой не появляться, а пошёл гулять по парку.

Тут начался дождь, меня совсем развезло. Похоже, я прикорнул на скамейке. Проснулся от того, что холодно. Начал выбираться из парка на асфальтированную улицу. Пару раз упал, весь в грязи, часов у меня не было. Потом, оказалось, было где-то часа три ночи. У меня жутко разболелась голова. Я понимал, что моё спасение — это мама. Мне уже было, к сожалению, всё равно, как я выгляжу, что я нетрезвый. Главное, чтобы мама помогла убрать дикую головную боль. Я пошёл домой.

Смутно помню, как я позвонил, как мама мне открыла. Помню, что она меня раздела, уложила в кровать, положила на лоб полотенце, смоченное в уксусе. Мне стало лучше, и я заснул. Утром я проснулся от того, что почувствовал, как мама смотрит на меня (а утром ей рано на работу), сидя у кровати. В её взгляде нетрудно было прочесть то, что она думала. А думала она примерно так: «Вот ведь беда какая: муж мне достался пьяница, сколько я от него натерпелась, неужели мой сыночек Серёженька пойдёт по его стопам?»

Мама ничего мне не сказала. Но я всё это в глазах её прочитал и произнёс спёкшимися губами, еле-еле их разодрав, следующие слова: «Мама, прости меня, пожалуйста! Больше ты меня в таком виде никогда в жизни не увидишь!» Мама потом вспоминала эти слова. Я сам удивился, почему я сказал именно так. На самом деле я был ещё ребёнок, и многие дети, когда напроказничают, всегда заводят одну и ту же пластинку: «Я больше так никогда не буду! Мама, прости меня!» Я не сказал, что не буду пить, хотя сама мысль об алкоголе вызывала тошноту. Понимал, что пройдёт неделя, может, две, и всё равно где-ни-

будь с друзьями опять, может, выпью, но я дал себе зарок на всю жизнь и, кстати, горжусь тем, что его выполнил, — больше никто никогда меня в таком виде не увидел.

Спустя много-много лет, уже после армии, однажды за каким-то застольем зашёл разговор о том, какие люди пьяные бывают, как это всё плохо. И мама вдруг вспомнила и сказала: «А вот Серёжа мой пообещал мне в шестнадцать лет и слово сдержал, больше я его никогда в жизни не видела пьяным». На что я ей сказал: «Знаешь, мама, никто не видел и не увидит, потому что это — позорище! Позорище для человека, позорище для мужчины в таком скотском состоянии быть».

Жили мы в коммунальной квартире на первом этаже. Мама чудесно готовила. Мамины котлеты, мамины блины, мамины супы — это всё я люблю до сих пор. Когда кто-то угощает меня котлетами либо блинами, у меня критерий очень простой: похожи на мамины или нет. Мамины знаменитые маринованные грибы подосиновики, которые я собирал. Вкуснейший маринад. И мамина знаменитая маринованная корюшка. Это наша питерская рыбка.

Сергей Платонович Лебедев, второй муж мамы, был заядлым рыбаком, приносил корюшку, а мама мариновала. И на всех праздниках, когда приезжали гости, в любое время года (и зимой, и летом), но в основном зимой, конечно, во время подлёдного лова, была эта фирменная маринованная мамина корюшка.

В коммунальной квартире, помню, однажды, мама то ли купила, то ли ей подарили чудо-печку. Это была окрашенная чёрной эмалью блестящая электроплита, которую нужно было включать в розетку. Мама включала её в комнате, не на кухне. Выпекались в ней пирожки со всякой вкусной начинкой, особенно я любил (и до сих пор люблю) с яйцом и зелёным луком.

А ещё мама традиционно пекла из песочного теста, потом и Маринка, старшая сестра, научилась, и даже я это умею делать. Почему-то мы эту выпечку называли «тёртый». Когда

мама замешивала тесто, я бегал и отщипывал кусочки, потому что его можно было есть сырым — оно очень сладкое, вкусное. Мама била меня по рукам: «Ну что ты, Серёжка, дождись, скоро будет». Мама раскатывала на весь противень тонким слоем песочное тесто, потом на него выкладывала любое варенье, неважно какое, повидло или джем какой-нибудь намазывала, а потом сверху, через крупную тёрку то же самое песочное тесто натирала ровным слоем. Всё это направлялось в духовку запекаться. Ужасно вкусное получалось, как печенье такое с начинкой. И мы это называли «тёртый».

Маринка, когда стала постарше, начала приводить к нам домой своих подружек-одноклассниц, потом однокурсниц. Мама всегда пекла. Жили-то мы бедно, и разносолов никаких не было, зато выпечка была — пирожки, этот «тёртый» и многое, многое другое. Вот это запомнилось.

Мама была очень гостеприимной. И отец был гостеприимный. Как я уже сказал (о нём я потом отдельно напишу), когда он был трезвый — это добрейший человек. Всей родне — маминей, своей — помогал. Но, как выпьет, становился совершенно другим. Мы, конечно, боялись, когда он пьяный.

Кстати, когда я был маленький, то научился, когда отец заходил — неважно, пахло от него алкоголем или нет, — взглянув в глаза отца, сразу понимать: пьяный он или нет. Если трезвый, я радовался, залезал к нему на колени, играл с его медалями. Любил, когда он снимет портупею, офицерский ремень, на себя это всё надевать. Короче, был рад. А если видел в глазах, что всё, тогда бегом-бегом, подальше от бати, который мог и дневник потребовать, и начать воспитывать по-своему.

А вот Маринка любила приводить своих одноклассниц, потом однокурсниц. Мы все вместе пили чай, мама кормила всех обедом. Самое главное — к чаю были пирожки, пироженки песочные, корзиночки мама чем-то наполняла, крем делала тоже. А потом мы садились играть в карты. Очень любили играть в козла, в подкидного или переводного дурака. Я уже в младших

классах учился, тоже садился, меня брали в компанию. И мне очень эти наши посиделки нравились.

У мамы было блестящее чувство юмора. Вообще в семье Варламовых, когда собирались все мои дядья и тётушки, хохот стоял неимоверный. А у мамы были две сестры — тётя Аня, которая жила в Уржуме, тётя Зоя, которая жила в Чудове, и три брата — дядя Саша, который жил в Боровичах, дядя Серёжа, который жил в Гдове Псковской области. Дядя Коля к тому времени уже умер. Тётя Зоя была не замужем. У неё была дочка Наденька Корнилова, которая жила в Таллине. Про неё я потом отдельно расскажу.

Я очень любил, когда приезжали гости и всем стелили на полу. Вот они все укладывались, а дядя Саша из Боровичей (на войне он был лётчиком) был самым заводилой. Он то анекдоты какие-то, то прибаутки рассказывал. Полночи стоял хохот в комнате. Хоть мне было смешно и интересно слушать, но я всё равно не выдерживал и засыпал.

Так вот, про мамино чувство юмора. Что-то мне подсказывает, что моё чувство юмора — это всё-таки от мамы. Она любила, как она говорила, хохмить. У неё был блокнотик, где она записывала шутки, прибаутки, частушки, какие-то приколы. Помню, как она любила говорить, кто не знал: «А что, вы там учите иностранный язык? У нас в деревне, в нашей Большой Любуни, все по-французски говорили». Все, вытаращив глаза, смотрели на неё: а она: «Андрэ' теля' пасэ'. Марэ' трэлён», причём делала это с таким французским проносом, что все балдели, а она переводила: «Андрей телят пасёт. Мария трёт лён», но только коверкая, и получалось совсем по-французски. Было очень смешно. У мамы была гипертония — повышенное давление, и сколько я помню, у неё был сахарный диабет. Причём она была инсулинозависимой, всё время кололась. И я доставал ей необходимый инсулин. Потом у неё начался остеопороз, то есть кальций из костей вымывался. Из-за этого было очень много пере-

ломов, даже позвоночник она ломала. Бедная, она, конечно, намучилась.

Мама потом вместе с отчимом жили в отдельной квартире, которую снимали. Мы с Маринкой жили вдвоём. На лето они уезжали в Новгородскую область, в деревню Сопины. Это родина Сергея Платоновича. Я там тоже часто бывал. В Сопинах стоит разрушенная церковь. Недалеко от этого места есть село Кончанское-Суворовское. Это родовое имение Суворова Александра Васильевича. В этой церкви в Сопинах (которая стояла разрушенной до недавнего времени, но в 2021 году её наконец-то отреставрировали) по преданию венчался Суворов.

В Сопинах места красивые, леса замечательные. По грибы мы с Платонычем ходили. Он любил рыбачить, сетки забрасывал в большое озеро, дальше. Было ближе озеро, на берегу которого Сопины находились.

Маму года за полтора-два до смерти я вынужден был поместить на постоянное время во Вторую больницу. Я там ей оплачивал отдельную палату, вместе с ней лежал Платоныч, тоже больной. Маме, к сожалению, становилось всё хуже и хуже. Потом зашла речь о том, что нужно будет ампутировать ей ногу. У людей, которые болеют сахарным диабетом, очень часто эта болезнь сказывается на конечностях: сосуды забиваются и получается практически гангрена.

Я тогда был Председателем Совета Федерации, в отличие от Маринки моей, Царство ей Небесное, мама дожила до того момента, когда её сын стал третьим человеком в государстве. Она очень мною гордилась, была счастлива, когда я приезжал к ней в Пушкин. На машине с мигалкой, в сопровождении ГАИ. Все соседи, жильцы дома знали, что это к Галине Фёдоровне сын приехал.

Так вот, чтобы не допустить ампутации, я договорился и написал врачей из Германии, которые должны были сделать ей операцию на ноге, то есть перекроить, как я понимал, сосуды, убрать негодные, сделать новые, чтобы гангрены не было.

*Анна Ильинична
Комарова
(в девичестве
Портянкина),
родная сестра
Дарьи Ильиничны
Варламовой
(в девичестве
Портянкиной).
Фотография сделана
до 1940 года*

*Бабушка Даша, Лилия, дядя Серёжа —
Сергей Фёдорович Варламов*

*Лиеня, 1962 год. В центре — мы с бабушкой Дашей —
Дарьей Ильиничной Варламовой.*

*В верхнем ряду слева направо: Филин Павел, муж
Клавдии Филиной (Портянкиной), Клавдия Ивановна
Филина (Портянкина) — родная племянница Анны
и Дарьи Ильиничны, Мельников Володя — сын Зинаиды
и Александра Мельниковых, Людмила Комарова
(приёмная дочь Константина Фёдоровича Комарова),
Олег Константинович Мельников — брат Киры
Константиновны Хомковой, Марина Михайловна
Миронова, Зинаида Михайловна Мельникова (Портянкина),
родная племянница Анны и Дарьи Ильиничны.*

*Сидят слева направо: Мария, подруга мамы, Александра
Фёдоровна Мещанская (Комарова), дочь Анны Ильиничны
Варламовой (Портянкиной), Дарья Ильинична Варламова
(Портянкина), Галина Фёдоровна Варламова (Миронова),
Лидия Фёдоровна Мельникова (Комарова), дочь Анны
Ильиничны, мать Киры Константиновны Хомковой
и Олега Мельникова*

Тётя Зоя, Зоя Фёдоровна Гуркина (Варламова) в годы Великой Отечественной войны

Тётя Зоя, Зоя Фёдоровна Гуркина (Варламова)

ЖЕНТРИЧЕСКАЯ КНИГА НА 1911				ГОДЪ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, В РОДИВШИХСЯ.		
Дата рожд. и др.		Имя и отч.	Полное наименование	Имя, отч. и фамилия родителей, с указанием отчества.	Кто и где родился	Родильница и место жительства
293	2	Зоя	Зоя Федоровна Варламова	Федор Федорович Варламов	Воскресенский уезд, с. Воскресенское, Младший Федор Федорович Варламов	Воскресенский уезд, с. Воскресенское, Младший Федор Федорович Варламов
294	5	Варламова	Зоя Федоровна Варламова	Федор Федорович Варламов	Воскресенский уезд, с. Воскресенское, Младший Федор Федорович Варламов	Воскресенский уезд, с. Воскресенское, Младший Федор Федорович Варламов
295	6	6	Николай	Николай Федорович Варламов	Воскресенский уезд, с. Воскресенское, Младший Федор Федорович Варламов	Воскресенский уезд, с. Воскресенское, Младший Федор Федорович Варламов
296						
297	7	7	Михаил	Михаил Федорович Варламов	Воскресенский уезд, с. Воскресенское, Младший Федор Федорович Варламов	Воскресенский уезд, с. Воскресенское, Младший Федор Федорович Варламов
298	8	8	Анна	Анна Федоровна Варламова	Воскресенский уезд, с. Воскресенское, Младший Федор Федорович Варламов	Воскресенский уезд, с. Воскресенское, Младший Федор Федорович Варламов
299	9	9	Варламова	Варламова Федоровна Варламова	Воскресенский уезд, с. Воскресенское, Младший Федор Федорович Варламов	Воскресенский уезд, с. Воскресенское, Младший Федор Федорович Варламов

Запись о рождении Зои Фёдоровны Варламовой

Мой дед Фёдор Никитович Варламов

Возможно, в первом ряду посередине — Николай Фёдорович Варламов

Мама в 1946 году

*«Сестре Гале от сестры
Зои. Пусть этот мёртвый
отпечаток напомнит
образ мой живой.
Вспоминай год, прожитый
вместе». Чудово.
25 сентября 1946 года*

Моя мама. Город Пушкин,
1948 год

Мама — четвёртая справа в верхнем ряду

16 ноября 1947 года. Слева — бабушка Даша (Дарья Фёдоровна Варламова, в девичестве Портянкина). Справа — моя мама Галина Фёдоровна Варламова

*Слева — бабушка Даша
(Дарья Фёдоровна Варламова,
в девичестве Портянкина)*

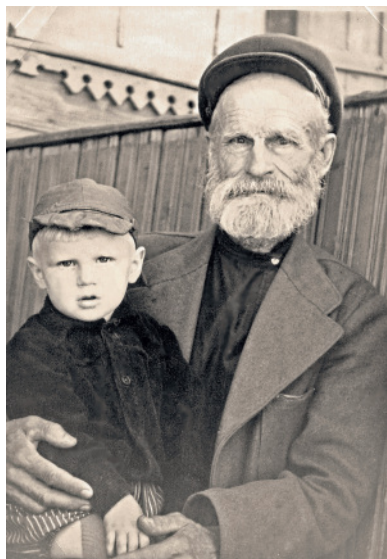
*На обороте: «На память
дорогой племяннице
Элечке и племяннику
Юрочке от тёти
Галины. Вспоминайте
и не забывайте.
Фото г. Пушкин, 17 июня
1947 год»*

Галина Фёдоровна Варламова

*Моя бабушка Даша —
Дарья Ильинична Варламова
(в девичестве — Портянкина)*

*Я на руках моего деда —
Варламова Фёдора
Никитовича*

Варламовы Фёдор Никитович и Дарья Ильинична

*Бабушка Дарья Ильинична Варламова, моя мама Галина
Фёдоровна Варламова-Миронова и я*

Мама Галина Фёдоровна Варламова с моей сестрой Мариной

*Мама Галина Фёдоровна
Варламова и моя племянница
Надюша — дочь сестры Марины*

*Миронова Галина
Фёдоровна, инструктор
партийного учёта*

*Мама Галина Фёдоровна Варламова с моей сестрой Мариной
на выборах*

Мама Галина Фёдоровна Миронова-Лебедева с двоюродными сёстрами и подругой Марией. Слева направо: Ольга Фёдоровна Косенко (Комарова), дочь Анны Ильиничны (сестры бабушки Даши), Клавдия Ивановна Филина (Портянкина), родная племянница Анны Ильиничны и Дарьи Ильиничны, Мария Фёдоровна Комарова, дочь Анны Ильиничны, Галина Фёдоровна Миронова (Варламова), Мария — подруга моей мамы Галины, Лидия Фёдоровна Мельникова (Комарова), дочь Анны Ильиничны, мать Киры Константиновны Хомковой и Олега Мельникова. Лиеная, проспект Падомьи, 1962 год

Вторая слева: Антонина Ивановна Лукина (Олова), 15.09.1931 г. р., дочь Клавдии Фёдоровны Комаровой, внучка Анны Ильиничны Портянкиной, родной сестры моей бабушки Дарьи Ильиничны Варламовой.
Третья слева: Надежда Сергеевна Корнилова (Хаскова) (03.03.1932 г. р.), дочь Зои Фёдоровны Варламовой (в замужестве Хасковой), племянница моей мамы Галины Фёдоровны.
Четвёртая слева: Ирина Геннадьевна Калабина (Корнилова) (90.11.1955 г. р.), Надежда, внучка Зои Фёдоровны.
Пятая слева: моя бабушка Дарья Ильинична Варламова (1884–1968).
Шестая слева: Кира Константиновна Хомкова (12.05.1935 г. р.), дочь Лидии Фёдоровны Мельниковой (Комаровой).
Первая справа: Зоя Фёдоровна Гуркина (Варламова) (31.12.1911 г. р.), дочь Дарьи Ильиничны.
Лето 1966 года, г. Чудово, улица Некрасова, д. 11

*Сестра Марина с детьми Володи и Надеждой и моя мама Галина
Фёдоровна Варламова-Миронова-Лебедева*

*Я с моей мамой Галиной Фёдоровной Варламовой-Лебедевой
и её супругом Сергеем Платоновичем Лебедевым*

*На обороте маминой
рукой написано: «На
память бабушке и
дедушке от внучки
Мариночки». Моя сестра
Марина Михайловна
Миронова*

*Я и сестра Марина.
«Ещё послушный братик»*

Я и сестра Марина. «Уже не совсем послушный братик»

Я и сестра Марина. «Совсем не послушный, хулиганистый братик»

Марина Михайловна Миронова (сидит)

Стоят: мой племянник Володя (сын Марины Михайловны Мироновой), мой сын Ярослав Сергеевич Миронов. Сидят: Сергей Платонович Лебедев (отчим), моя мама Галина Фёдоровна Варламова-Миронова-Лебедева, дочь Ирина, племянница Надежда Геннадьевна Тихонова

Стоит — Эля, Эльза Пяро-Куньшина-Грязнова. Слева направо сидят: Галя Куньшина, Анна Фёдоровна Куньшина (Варламова), Юра Куньшин, Борис Алексеевич Куньшин

*Стоят (слева направо): Владимир (муж Али, дочери Б. А. Куньшина), Аля — дочь Б. А. Куньшина, Галина (дочь Анны Фёдоровны и Бориса Алексеевича Куньшиных), моя сестра Марина, я, Эльза Пяро-Грязнова, Геннадий (муж Эльзы).
Сидят (слева направо): моя мама Галина Фёдоровна Миронова, дядя Боря (Борис Алексеевич Куньшин), Виталий (сын Али и Володи), Наташа (дочь Эльзы и Геннадия Грязновых), Анна Фёдоровна Куньшина (Варламова), Юрий Борисович Куньшин*

Дядя Боря (Борис Алексеевич Куньшин — муж маминой сестры Анны Фёдоровны Варламовой-Куньшиной)

Так получилось, что в день операции, 7 июня 2007 года, я был в Туле, в плановой командировке. У меня был мой советник по здравоохранению. К сожалению, его сейчас в живых нет, Царство ему Небесное, Анатолий Иванович Вялков. Он был со мной на связи, докладывал обстановку в больнице.

И вот днём (я в этот день работал в Туле по программе визита) Анатолий Иванович мне звонит и говорит: «Сергей Михайлович, к сожалению, операция затягивается, честно говоря, там не очень хорошо всё пошло». Как потом выяснилось, мама на тот момент была в состоянии клинической смерти, её пытались откачать, но не получалось. Анатолий Иванович почти час готовил меня к тому, что, к сожалению, мама ушла. Вот и получается, что её повезли на операцию, немецкие врачи сделали всё, что могли. Но сердце не выдержало, сердце было изношено. Гипертония.

Отпевали маму в Софийском соборе, который я помню ещё разрушенным. Потом повезли на Казанское кладбище в Пушкине, где у меня сестра и отец похоронены. Это было, наверное, 9 июня, и мне помнится, что как только мы зашли с процессией в ворота кладбища, вдруг громко-громко запели соловьи, я удивился — ведь обычно они в мае поют. И этих птиц было огромное количество.

Когда были поминки, я об этом сказал. Все тоже на это обратили внимание. Мой друг, одноклассник Коля Левичев, который тоже был на похоронах, дал мне в руки листочек бумаги, на котором он написал такое двустишие:

*Запомнишь ты до смерти самой,
Что соловьи остались с мамой.*

Эти строчки я запомнил на всю жизнь. И ведь действительно: соловьи и радость ощущения, что ты всё-таки хоть и взрослый, но ребёнок, сын, что у тебя есть мама, — всё это осталось в прошлом. В день похорон моей мамы — Галины Фёдоровны Лебедевой (Мироновой), в девичестве — Варламовой.

Смерть мамы

Когда маму отпевали в Софийском соборе, я стал свидетелем того, чему объяснения до сих пор найти не могу.

Начало июня, стояла тёплая, неветренная погода. В огромный Софийский собор привезли гроб, открыли его, и священник начал отпевание. Была вся родня, я стоял, держал свечку. Когда смотрел на маму, думал о том, что, наверное, когда её везли на операцию, думала, что вот сынок позаботился, врачей из Германии выписал. Она заснула под наркозом, но так и не проснулась. Много, о чём думал, вспоминал...

Случайно посмотрел в сторону алтаря и обратил внимание, что слева и справа от алтаря стоят хоругви с ликом Христа Спасителя с двумя тяжёлыми позолоченными кистями по краям. Вдруг я увидел, что правая кисть хоругви, которая слева от алтаря, колыхается. У этой хоругви было только две кисти, но почему-то колыхалась только правая, которая ближе к алтарю. Я посмотрел на хоругвь с правой стороны от алтаря — кисти на ней не колыхались. Увидел рядом с хоругвью две колонны и подумал, что, может, между этих колонн создаётся поток воздуха, и он так колыхает.

Пока шло отпевание, я всё время смотрел на эту кисть. Причём я увидел, что кисть колеблется с разной интенсивностью. Я вздрогнул, обратив внимание, что как только при отпевании священник произносил: «Новопреставленная раба Божья Галина», именно когда называлось имя мамы, эта кисть максимально отклоняется от вертикали градусов на тридцать-сорок, потом обратно и колыхается понемногу. Когда в третий или четвёртый раз при упоминании имени Галины я увидел, как эта кисть отклоняется, я сжал руку рядом стоящей жены и шёпотом сказал, чтобы она посмотрела на эту кисть. Когда она увидела и поняла, что именно при произнесении имени мамы кисть хоругви отклоняется, она

побледнела, схватила меня за руку и, пошатнувшись, чуть не упала в обморок. Мы, не отрываясь, смотрели на эту кисть, и она действительно постоянно колыхалась, но при упоминании имени отклонялась очень сильно, тогда как другие кисти вообще висели неподвижно.

Когда закончилось отпевание, гроб вынесли, все вышли. Я не удержался и зашёл в храм, там уже никого не было, священник ушёл. Я специально подошёл к тому месту, встал туда, где щель между двумя колоннами, но не почувствовал никакого шевеления воздуха, кисть висела абсолютно спокойно, не колыхалась. Что это такое было, до сих пор не знаю.

***

Была ещё одна история, она у меня изложена в «Чётках памяти» в моём Живом Журнале под заголовком «Мистика. Звонок».

Дело в том, что когда мы похоронили маму 9 июня (она умерла 7 июня 2007 года), поставили крест, у основания креста установили большую мамину фотографию под стеклом. Я тогда работал Председателем Совета Федерации, жил на государственной даче в Подмосковье. На девятый день я слетал в Пушкин на кладбище, мы зашли в Софийский собор, заказали молебен. И опять, когда пошёл молебен и упоминалось имя мамы, я смотрел на эту кисть хоругви, она опять отклонялась, меньше, чем в день похорон, но всё равно значительно. Когда я был в Софийском соборе на сороковой день и тоже была панихида, кисть уже не отклонялась.

Так вот, на девятый день, 15 июня, побывав на кладбище и в соборе, отстояв панихиду, я вернулся в Москву. На следующий день был выходной — суббота. Я работал на госдаче. В кабинете стоял телефон-факс с городским каким-то номером. По этому телефону никто никогда не звонил, теорети-

чески мог звонить я, но я тоже по нему никому не звонил. Он просто стоял как обстановка мебели.

На работе и дома я всегда работаю за конторкой. И вот стою, работаю за конторкой. Вдруг раздаётся звонок — звонит городской телефон, который факс. Я очень удивился, снимаю трубку и слышу голос пожилой женщины, но не мамин. Что это не голос моей мамы, я очень хорошо помню и абсолютно в этом уверен. И голос говорит: «Сыночка, здравствуй!» А вот так — сыночка — звала меня только мама. У меня ком в горле, я говорю: «Простите, вы куда звоните?» Мне отвечают: «Сыночка, Серёженька, ты что, маму не узнаёшь?» Тут мне вообще поплохело, я закашлялся, сказал: «Извините, пожалуйста, вы, наверное, ошиблись номером, меня зовут Сергей, но моя мама умерла, совсем недавно её похоронил». Передо мной извинились, сказали, что выражают соболезнование. Я положил трубку. Ещё раз хочу подчеркнуть, что голос был не мамин, но слова: «Сыночка, Серёженька, ты что, маму не узнаёшь?» — они не давали мне покоя, честно говоря.

Я рассказал жене об этом. Она безапелляционно сказала: «Знаешь что, собирайся и поезжай на кладбище, что-то случилось на могиле, мама тебя зовёт». Я не поверил: «Это полная ерунда». Жена сказала, что так не бывает, чтобы телефон, который никогда не звонил, вдруг зазвонил. Я полетел в Ленинград, никому ничего не сказав, не предупредив своих помощников. А накануне были сильные дожди, и в этот день тоже шёл дождь. Из аэропорта поехал сразу в Пушкин на Казанское кладбище. Когда подходил к могиле, думал, может, крест упал или ещё что-то. Смотрю: крест стоит. Но когда я обошёл крест, увидел, что на стекле поверх фотографии огромная трещина и в неё залилась вода, размыв всю фотографию, так что мамино лицо на ней не осталось.

Я забрал рамку с треснутым стеклом, дал поручение её поменять, положил цветы, поклонился, перекрестился и улетел.

Вот такая мистическая история. Всё, что я написал, — правда.

Дневник мамы. Продолжение

17 июня 1956 года

Серёжа хитрит. И мама хитрит. Интересно, кто кого перехитрит в итоге. Серёжа не хочет пить молоко, он хочет малину. А бабушка хочет, чтоб он пил молоко. «У меня вы все на молоке выросли и все здоровые. На молоке и на мёде», — говорит она. Только при нас она вспоминает наш дом в Любуни, пасаеку, а при бате хвалит дом в Сушани, говорит, мол, кирпичный у нас теперь дом, городской. Буду их уговаривать переехать в Чудово, к нам, батя сильно хворает, ему тут лучше будет.

Мама из Сушани привезла малины, и малина Серёже очень понравилась. Губа-то не дура. Он так смешно вчера запутался, кричит: «А малине Марину?» Потом помолчал и так медленно произнес: «Марине — малину». А молоко ни в какую не пьёт. Теперь бабушка берёт им с Мариной малину на рынке и вот что придумала! Наливает молоко в Серёжину кружку, а сверху насыпает малину. Серёжа сначала ест малину, а потом вылавливает малину из молока, а молоко на дне оставляет. Посмотрю, кто кого переупрямит.

1 июля 1956 года

Ну и хитрая ты, мама. Без крику, без уговоров — и вот Серёжа пьёт молоко. Сегодня малины было — две ягодки от вчерашнего кулька. Серёжа их по привычке выловил, а потом вытил всё молоко и убежал на улицу.

Мама засобиралась в Сушани. Будет уговаривать батю переезжать сюда, в Пушкин. Точно так и будет: как она Серёженьку уговорила пить молоко, так и батю уговорит, уж не знаю как, а уговорит.

1 января 1957 года

1 января 1957 года. Сегодня вторник, очень тихо. Новый год встретили шумно, накануне Миша привёз огромную ёлку, я, честно говоря, таких никогда не видела. Когда её поставили, макушка немного загнулась, и пришлось подтиливать ствол, а потолки ведь четыре с половиной метра. Настоящая ёлка! Серёженька такой смешной, я думала, он испугается этой огромной ёлки, а он ничуть. Смотрим с Мишей — подошёл к ёлке и смотрит, смотрит, потом вдруг оборачивается и говорит: «Батя, смотри, белчий глазок!» Миша наклонился и шепчет ему: «Конечно, там же белка, на ёлке-то. Ты, Серёнька, не спугни её». А сами перемигиваемся. Вдруг Маринка перестала кружиться, подбегает и смеётся: «Да какой же это белчий глазок, это же просто капельки воды от снега. Снег растаял — вот и капельки».

Вот непоседа. А какое лицо было у Серёжки! Такое расстроенное. Вот, думаю, Марина! Даже подосадовала. А потом подумалось: я за Марину меньше боюсь, она хоть и очень прямая, но эта прямота её и спасёт, она не так будет разочаровываться в людях. А вот Серёжа... Как я хочу, чтобы, когда он видит в жизни белчий глазок, чтоб это была действительно самая настоящая белка, а не капелька растаявшего снега. Что-то сегодня подумалось».

24 декабря 1961 года

Скоро Новый год. Целый день вспоминаю Киров, от Анны давно не было писем. Шью Серёже костюм волка. Анна в 1942-м научила меня выделывать шкурки. Она окончила до войны скорняжный техникум, работала на фабрике меховых изделий. В эвакуации в Кирове по ночам перешивала на заказ — кто что закажет — пальто, куртки. А как стала завклубом, а потом и

в Уржуме, так сама стала шить костюмы для артистов. Как сейчас помню — искали перья для трёх мушкетёров на шляпы. Потом вытащили из подушек, но перья были короткие, пришлось несколько штук привязывать к веточкам. Потом красили в чёрный цвет и красный. Из тех же перьев, из пуха делали бороду Деду Морозу. Видела бы она, как я сейчас мучаюсь с волчьим хвостом. Миша предложил воротник от старого обмундирования, но я что-то не решилась резать. Найти бы у охотников настоящий волчий хвост! Серёжа очень старается, ни одной репетиции не пропустил. Красная Шапочка — девочка красивая. Надо, чтоб у Серёжи костюм был лучше всех.

14 июня 1965 года

Сегодня мы получили повестку — вызывают родителей в детскую комнату милиции. Наш Пушкин — город беспокойный. Столько мин после войны, столько оружия. Мальчишки лезут везде, людей разных приехало — кто из эвакуации, а кто и так, мало ли каких. Я присела на стул — ноги ватные стали. «Серёжа, признавайся, — говорю, — что натворили». Сама смотрю — он испугался от того, что мне плохо совсем. По глазам вижу — другого страха нет, чтобы что-то скрывать от матери и от отца. Если бы что-то серьёзное — сразу видно было бы по глазам. А тут — сам не вспомнит. Он у нас хулиганистый, но не злой. Шалостей много, а так чтоб со зла или из корысти что сделать — этого в нём нет. Да и врать он не умеет, не может врать. У меня чуть отлегло от сердца. Думаю: было бы что на душе — я бы в глазах увидела. «Марина, — говорю, — дай ему рубашку глаженую». Переоделся быстро. Пошли.

«Серёжа, ты лучше сразу скажи, почему вызывают». Говорит — не знает. Глаза невинные. Ну, я рассердилась. «Может, вы оружие где нашли и поугали кого? Я должна знать». Не находили. «Может, подрались с кем-то или разбили чего-нибудь

казённое?» Опять нет. Только когда дошли до города, заметила, что ботинки Серёжка не переменял — так в будничных и идёт.

Я постучалась. Это сейчас писать легко, а тогда, перед дверью капитана милиции, было стыдно и страшно. «Вот, думаю, — не на кривую ли дорожку сын начал вставать. С таких лет в милицию, а дальше что?» Оказалось, в милицию поступило заявление от гражданина о хищении сельхозпродукции. Редиски. Мальчишки нарвали на огороде и съели. Немытую. Серёжка стоит красный. Капитан милиции — женщина строгая, у меня такая начальница была в политотделе, когда призвали работать по обмену паспортов в 53-м, сказала ему выйти, подождать в коридоре. А потом меня спрашивает: место работы моей, место работы мужа, в каких условиях проживаем, сколько у нас детей. А потом голос понизила и говорит тихо так, грустно: «Мальчик у вас растёт, питаться ему надо лучше». Я чуть сквозь землю не провалилась от стыда. И так мне жалко стало Серёжку. Ведь целый день бегаёт без присмотра. Лето, город. Ведь был сад у бати, лучший в районе, и мёд был, и яблони, и вишни. И огород свой был, не надо было по чужим лазить. Ничего не осталось: ни дома, ни сада. Двадцать лет уже нет войны, и в космос уже летаем, а дом и сад не вернуть. И людей не вернуть. Вышла я из кабинета, взяла Серёжку — и пошли. Привела его на рынок, купила целый пакет черешни, а сама думаю: только бы не заплакать. И бати уже семь лет нет, а ведь он эту черешню...

Две женщины сыграли в моей жизни важнейшую роль. Это мама, которая вовремя умела поддержать, сказать нужное слово, и Марина — старшая сестра, которая в годы, когда мамы не было рядом, взвалила всю ответственность за моё здоровье, нравственный облик, образование на себя. Вот и сейчас, сам ставший отцом и дедом, смотрю на Маринины фотографии и словно слышу: «Я с тобой».

Сестра Марина: «Я с тобой»

У Маринки был очень непростой, но прямой характер. Маринка была совестью нашей семьи и меня так воспитывала. Очень переживала за мои художества, хулиганские выходки. Была честной, принципиальной, и за это, думаю, её выбрали комсоргом в технологическом институте. Я так и запомнил, что она была настоящим комсоргом.

Однажды Марину, так как была в институте на хорошем счету, наградили поездкой по студенческому обмену в ГДР. Помню, для нас это было целое событие: ГДР — Германия! И чуть ли не на две недели Маринка с комсомольской группой туда уехала.

Маринка меня очень любила и называла всегда Серенький. Когда вернулась из Германии, то своему Серенькому привезла моднейшие из толстого вельвета белые джинсы, туфли умопомрачительные — мокасины и какую-то модную рубашку. А я к тому времени поступил в техникум на первый курс. Помню, что в эту осень рано похолодало. Накануне 1 сентября, перед тем как мне поехать в техникум, Маринка повела меня в магазин и специально под комплект купила на свои деньги куртку жёлтую, цыплячью.

Я сначала возмущался, но Маринка именно под эти белые джинсы подбирала. Джинсы не совсем белые, а скорее бежевые, такие, как топлёное молоко. Маринка посмотрела на куртку, на джинсы, на тёмно-коричневые туфли-мокасины — класс! И ещё платок шейный под куртку подобрала.

Франт я был, помню, как попугай. Но мне это очень нравилось. Не скрою, забота Маринки тоже нравилась.

Маринка, когда ещё училась в школе, занималась велосипедным спортом. Батя купил ей спортивный велосипед «Спутник» с переключением скоростей. Потом, естественно,

этот «Спутник» достался мне. Маринка очень серьёзно занималась в какой-то детской спортивной школе. Я помню, что когда купили ей этот велосипед, тоже начал клянчить. Мне купили обычный дорожный велосипед. Для меня это тоже было в тему. Но время от времени я просил у Маринки прокатиться на «Спутнике».

Маринка, видимо, была очень активной и поэтому ещё пошла в фотокружок. Интересно, отец очень её любил, но когда выпивал, как сейчас помню, говорил: «О, Лиса Патрикеевна!» Посмеивался, что Маринка хитренькая и всегда, как любимая единственная доченька, могла у папочки выпросить всё, что захочет. Поэтому отец, особенно когда выпьет, называл её Лисой Патрикеевной. И вот для фотокружка отец купил ей фотоаппарат. Сначала был какой-то дурацкий, по-моему, «Смена» назывался. Но, видно, Маринка очень просила, и отец купил ей «ФЭД» — сокращённо от Феликс Эдмундович Дзержинский. «ФЭД» очень котировался, был хорошим фотоаппаратом.

Когда я служил в армии, я попросил, и Маринка мне прислала «ФЭД». Я хотел делать фотографии во время парашютных прыжков. А у нас был парень в роте, он попросил фотоаппарат, потому что умел лучше фотографировать, потом он так у него и остался. Я спокойно к этому отнёсся. Так «ФЭД» Маринкин куда-то и задевался.

Марина серьёзно занималась фотографией. Благо в Пушкине много парков — Екатерининский, Александровский, Нижний, Баболовский. Много архитектурных памятников. Она там фотографировала. И меня она фотографировала, и маму, и отца. Есть такая фотография, где мы с отцом в поле сидим, я, по-моему, цветочки собрал, в тюбетейке, в коротких штанах на лямках. Это вот Маринка фотографировала. И таких фотографий, к счастью, много. *(См. вкладку 4, стр. 11)*

Помню, это было ещё перед тем, как Маринка заболела, наверное, года за два до её смерти, я уже приехал из Монго-

лии, где был почти десять лет. Мы договорились с Маринкой поехать в Чудово и найти на городском кладбище могилы бабушки и дедушки.

Мы поехали с Маринкой на автобусах, электричках и провели вместе целый день. Этот день мне очень запомнился. Дело в том, что, когда я в гости приезжал к Маринке, поговорить с ней наедине не получалось, там дети её или мои, муж её Гена. А тут мы целый день вдвоём. Тем более в Чудово у тёти Зои мы любили бывать. Мы довольно долго ехали на электричке и разговаривали, и разговаривали. Мы не помнили, где точно могилы наших родственников, поэтому пришли в дом, где жила тётя Зоя. Это такой двухэтажный дом барачного типа с деревянными лестницами. В нём — коммунальная квартира, где была *когда-то* комнатка тёти Зои. Марина знала соседей, мы зашли к ним. Соседи рассказали, как найти могилы.

Мы пришли на кладбище и там всех нашли. Это было летом, погода солнечная, тепло. Помню, на обратном пути река встретилась какая-то, не помню названия, прямо посреди Чудово течёт. Я предложил Маринке искупаться, но как у девочек обычно бывает: «Я без купальника». А я без затей. И вот я плавал, купался. Маринка меня ждала.

Очень рад, что была такая поездка, которая мне запомнилась тем, что мы вместе с ней провели этот день. Почему особенно запомнился этот день? Был случай, когда я с Маринкой разругался. Это ещё перед Монголией случилось. До сих пор корю себя, какой же я был идиот. По-моему, чуть ли не два года мы вообще не разговаривали и в гости к ней я не приезжал. А разругались на ровном месте.

Жили мы в той же коммунальной квартире, Маринка там со своей семьёй жила: с Геной — мужем, Надюшкой, Вовкой. Естественно, они стояли на очереди. И, наконец-то, Маринке дали трёхкомнатную квартиру на Богатырском проспекте, в 137-й, по-моему, серии. В 12-этажном доме, на 9-м этаже, с огромной лоджией, большой кухней и просторной прихожей.

Эти дома очень котировались. Маринка так радовалась, была очень счастлива. Худо-бедно обставив эту квартиру (а жилось ей очень тяжело, прямо скажу, бедно жили), позвала меня её показать. Из мебели что-то они купили новое, что-то из старой мебели взяли. Пианино было, потому что дети занимались музыкой.

Когда я зашёл в квартиру, увидел, что на окнах нет тюля, а вместо него — из дешёвого голубого сатина Маринка сделала оборочки на окнах. А окна огромные, я бы сказал, панорамные. И зачем-то я прицепился, дурак, к этим занавескам и очень обидел её, потому что сказал: «Маринка, зачем ты какие-то дурацкие занавески повесила? Лучше вообще ничего, чем это убожество».

Я уже работал в геологии и понимал, что буду неплохо зарабатывать, поэтому сказал Маринке гордо, хотя никакого права так говорить не имел: «Вот у меня будет квартира, и там будет либо всё супер, либо вообще ничего не будет. Пускай лучше голые окна будут, но вот такие занавески не повешу». Видимо, очень сильно её обидел. И как бывает между родными, слово за слово, тоже на что-то обиделся, хлопнул дверью и ушёл.

Самое ужасное: надо было мне извиниться, но, так как я полгода ездил в экспедиции, это как бы само собой откладывалось. А когда возвращался из экспедиции, знал, что с Маринкой разругался и не навещал её, не звонил. И так целых два года прошло. Не помню, как мы помирились. Но, наверное, я уже повзрослел, умнее стал, понимал, что это самый родной человек на свете — моя Маринка. А потом я десять лет провёл в Монголии. Слава Богу, мы помирились. И примирением стала вот эта поездка в Чудово на городское кладбище к нашим бабушке и дедушке.

Уже сказал, что Маринка тяжело жила, бедно. Я запомнил, что всю свою жизнь она вела в тетрадочках за две копейки, как в бухгалтерской книге, записи, финансовый дневник своеоб-

разный: приход, расход. Всё у неё до копейки было расписано. Билет на автобус — 4 копейки. Записан. Я уже не говорю про билет на электричку, кажется, 20 копеек стоил. Меня это бесило. У меня есть деньги — я их трачу, кончились — значит без денег. Вот так жил всегда.

А начались эти её записи вот с чего.

Прошло два года после развода мамы с отцом. За мамой стал ухаживать сосед — подполковник Сергей Платонович Лебедев. Он жил в одном с нами подъезде на втором этаже. Работал с мамой в училище преподавателем марксизма-ленинизма. Мама работала в штабе партийного учёта, а он был, по-моему, зам. секретаря партийной организации. Так как жили в одном подъезде, то и с работы иногда вместе шли. Сергей Платонович к нам и в гости заходил. Мы все вместе сидели, чай пили. Я уже был подростком и понимал, что этот военный ухаживает за мамой.

Кстати, был такой эпизод, это было ещё в ту пору, когда я курил. (В книге «Серёга» есть рассказ о том, как я бросил курить, когда мне было шестнадцать лет.) Как-то летом мы с пацанами шли по улице Огородной в Екатерининский парк купаться. Катили камеры надутые и курили, естественно. А практически у парка, слева, находилась городская военная комендатура. Все офицеры, неважно, преподаватели они или нет, дежурили по очереди начальниками патрулей в комендатуре. И вот мы идём, я с сигаретой в зубах и вижу краем глаза, что сидит на скамеечке у входа в комендатуру офицер в портуpee, смотрю — а это Платоныч! Уже деваться некуда, я сигарету не стал выбрасывать, отвернулся, сделав вид, как будто я его не заметил. А сам очень переживал, потому что подумал, что он всё маме расскажет, а мама мне дрозда даст. А я, конечно, скрывал от неё, что курю. Но нужно отдать должное Сергею Платоновичу, он маме ничего не сказал.

Когда мама спросила меня с Маринкой, не будем ли мы возражать, если она выйдет замуж за Сергея Платоновича, мы

дружно поддержали её решение. Я не возражал, потому что уже был сорванцом, в основном время проводил на улице, и мне было абсолютно всё равно. Ну а Маринка, думаю, хотела счастья маме, поэтому мы дали добро.

Мама с Платонычем расписались. Он переехал жить к нам на половину комнаты перегородженной, а во второй половине стал жить я. А Маринка — там, где мама вместе с Сергеем Платоновичем.

Началось всё с того, что Платоныч дал денег маме и сказал, что нужна другая обстановка в комнате. Он велел купить новый диван, даже, по-моему, два дивана — один для Маринки, другой для них. И ещё, по-моему, стол, не помню. Маринка с мамой поехали в мебельный магазин. Когда стали покупать диван, Маринка выбрала очень хороший, но тут увидела сервант с зеркальными стенками внутри, стеклянными дверцами, полированный, модный. Маринке очень понравился сервант. А у нас был старый-старый крашенный буфет, дурацкий, вообще никакой. Маринка говорит: «Мама, представляешь, диван у нас будет красивый, а старый буфет всё будет портить. Давай купим сервант». Она уговорила маму, и они вместо второго дивана купили этот сервант.

А Платоныч, нужно сказать, как в народе говорят, был прижимистым. Он подполковник, зарплата большая, денюжки у него всегда водились. Но денюжки он умел считать. Был экономным, скажем так. Когда он узнал, что вместо второго дивана куплен сервант, устроил скандал. Я не присутствовал при нём, только видел последствия. Скандал был ужасный, и мама, видимо, что-то наговорила такое, что Маринка, психанув, сказала, что знать Платоныча больше не знает, что питаться будет отдельно, но жить отдельно ей пока негде. А Маринка тогда училась в технологическом институте, получала какую-то стипендию. К тому времени уже и мама с Платонычем стали понимать, что в таких условиях жить вместе нельзя, хотя ещё какую-то неделю или две мы жили все вместе.

Помню, был плохенький холодильник. А я болтался всегда на улице. По-моему, к тому времени уже на первом курсе техникума учился или ещё что-то, смутно помню. Но помню, что прибегу, у мамы в холодильнике стоит какая-то еда, а Маринка себе отдельно в какой-то кастрюльке что-то готовит. Бывало, я мамину еду съедал, а Маринка предлагала: «Серенький, хочешь?» Я говорил, что, конечно, хочу. И съедал её супчик или ещё что-то. Балбес, короче. И вот тогда, помню, появились эти тетрадки, потому что, конечно, тяжело Маринке было самостоятельно питаться. Платоныч несколько раз пытался наладить отношения, но Маринка с ним даже не разговаривала.

Кстати, когда Платоныч снял квартиру в другой части Пушкина и они с мамой стали жить отдельно, Маринка несколько лет не приезжала к ним. Вот такая была ссора. Только много-много времени спустя у них отношения наладились. Это когда я уже в армии отслужил и вернулся.

Так вот, Маринка в эти тетрадки всё записывала. Потом она вышла замуж. Гена работал на Кировском заводе, там тоже не очень много получал. А потом, памятуя об увлечении Маринки фотографией, Гена тоже стал фотографировать. Он до этого то ли занимался фотографией, то ли нет. У него был какой-то фотоаппарат, с которым он стал ходить подрабатывать. Делал фото школьников, в детские сады ходил, на свадьбы, ещё что-то. Иногда ездил в другие города. Самое главное — он стал зарабатывать.

Я на всю жизнь запомнил, как он уезжал на два-три дня, а потом приезжал и на том самом диване, который остался, вываливал из сумки кучу смятых денег — рубли, трёшки, пятёрки. Редко-редко были красненькие червонцы. Это была большая гора из бумажных денег, в основном рублями. Маринка аккуратненько разглаживала их и складывала стопочками: рублик к рублику, трёшки к трёшкам, пятёрки к пятёркам, червонец, если попадался. И я видел, как было ей

радостно и какое у неё настроение хорошее, что вот денежки муж заработал, и она, конечно, всё это записывала в свои тетрадки и уже планировала, что детям купит, какую одежду или ещё что.

Так жалко её. Царство Небесное моей сестре. Более-менее нормально она стала жить в новой квартире, с другой обстановкой. Уже Надюшка, по-моему, на первый курс поступила, Вовка школу заканчивал. Но пожить ей счастливо долго не пришлось, потому что заболела она. Это случилось там, где брат мамин дядя Серёжа с тётей Аней жили, в Гдове. Маринка с Геной рядом с их домом на соседней улице сняли дом, может, даже купили этот дом за очень небольшие деньги. И летом он как дача был, и они там жили.

И вот летом 93-го года я должен был сдавать экзамены на право работать на рынке ценных бумаг. Собрал все книжки по рынку ценных бумаг, взял дочку Иришку с собой и поехал к Маринке на дачу. Генка в Питере работал. А там жили дети Маринки — Вова, Надюша. У Надюши был молодой человек, с которым она уже жила, по-моему, он к ней приезжал.

Приехав, я обратил внимание, что время от времени у Маринки начинал болеть желудок, как я думал. Она ложилась, бедная, стонала. Я видел, как она мучается. Хотелось ей помочь лекарствами или ещё чем-то. Однажды совсем ей стало плохо. Как раз приехал Гена. Маринка сказала, что надо всё-таки показаться врачу, я тоже на этом настоял. Гена уехал с Маринкой в Ленинград. Остался я за старшего, со мной Надюшка, Вовка и Иришка.

Помню, как-то вечером часов в восемь кричит через забор соседка или сосед: «Серёжа, Гена из Ленинграда звонит, просит тебя к телефону». Я пришёл к ним, взял трубку и услышал страшные слова: Марина прошла обследование, и у неё рак поджелудочной железы четвёртой степени. Я тогда сказал: «Гена, я детей забираю. Мы утром выезжаем в Ленинград».

Собрал детей, и мы поехали. Гена нас на вокзале встретил с тележкой, а мы с кучей вещей, варенье привезли. Помню, до метро мы с этой тележкой и баулами добрались.

А Маринка работала в ГИПХе — Государственном институте прикладной химии. От ГИПХа был профилакторий то ли в Васкелово, то ли ещё где-то по линии с Финляндского вокзала на Сосново. В этом профилактории она находилась. Я поехал к ней. Меньше недели прошло, как она из Гдова уехала. Она немножко похудела, но выглядела абсолютно нормально. Мы вышли в коридор. Помню, сидели на подоконнике. Это был 93-й год, а в 79-м отец у нас умер от рака. И я сказал: «Маринка, давай мумиё». Она сказала: «Серёж, наверное, никакого мумиё уже не надо». И вдруг сказала: «Брат, у меня будет к тебе одна просьба, ты сделаешь это?» — «А какая просьба?» — «У меня на работе, в ГИПХе, в ящике стола есть ампула. Когда я скажу, мне надо будет, чтобы ты эту ампулу привёз мне». Я сразу догадался: «Что в ампуле? Яд что ли?» Она: «Да». Я ответил, что ничего тебе не привезу, забудь. Она сказала: «Нет, брат, сделай, что прошу». — «Нет, не проси, Маринка, этого никогда не будет!» Видимо, когда её болезнь не совсем съедала, она решила, чтобы не мучиться, когда совсем будет плохо, боли начнутся, то яд принять. А потом, как это часто бывает, она надеялась, что выкарабкается.

Потом совсем слегла, лежала дома. Генка каких только шарлатанов не находил. Платил огромные деньги. Приходили, сказки рассказывали. Самое удивительное, один регулярно приходил, и после его визитов Маринке легче становилось. Генка это видел и платил чуть ли не 25 рублей за визит. Это большие деньги. Он готов был отдать всё что угодно, лишь бы Маринке стало полегче.

Но Маринка уходила, таяла. Уже с трудом поднималась с постели. А Гена всё искал разные возможности её лечения. И тут он узнал, что в Москве в какой-то клинике проводят

экспериментальное лечение раковых заболеваний новыми препаратами различными. Причём берут безнадежно больных четвёртой степени. Там подписывали какую-то бумагу, потому что никто не знал, как это лекарство подействует. Ухватились мы за это, я горячо поддержал. У меня уже появилась возможность помочь деньгами. Я работал исполнительным директором в компании. У меня была даже персональная машина «Волга» с водителем.

Помню, что Гена обо всём договорился. Мы начали собираться. Когда уезжали из дома, Гена выносил какие-то вещи. А мы с Маринкой дошли до лифта, вызвали его и стали спускаться с 9-го этажа. Маринка прислонилась ко мне, обняла и сказала: «Брат, это конец». Я её обнял: «Маринка, ты что? Всё будет хорошо». А она уже понимала, что больше в Петербург ей не вернуться.

На моей служебной машине довели Маринку до Московского вокзала, а по перрону она идти сама уже не могла, попросили у носильщика тележку, поставили какой-то чемодан на тележку, посадили Маринку и подвезли к вагону. Они уехали. Маринка плохо перенесла поезд.

В клинике группа набралась, по-моему, восемь человек с самыми разными формами онкологии, у кого-то был рак кости локтя. В этой группе безнадежно больных все были ходячие, довольно даже бодрые. А Маринку брать не хотели. Гена чуть ли не на коленях стоял, просил. Её взяли. Маринка всё-таки сильная была и боролась до последнего. Увезли Маринку в начале ноября, а умерла она 5 декабря.

Генка перебрался в Москву. Он с Маринкой последний этот месяц там так и жил до последнего момента. За это я ему благодарен, потому что он сделал всё, что только мог. Гена потом рассказывал: когда Маринке стало совсем плохо и она часто впадала в бред, в таком состоянии звала дочку Надюшку, первенца своего. Гена, бывало, зайдёт к ней в палату, а она говорит: «Ой, Наденька, Надюшечка» — на Гену. То есть она

уже плохо видела, плохо понимала. Генка вызвал Надюшку, и она с мамой попрощалась буквально за два-три дня до её смерти.

Пятого декабря Гена мне позвонил и сказал: «Марины больше нет». Я тогда сразу пошёл, взял билет, прилетел. Нужно было в чужом городе получить все документы. Гена решил, что будет её кремировать, а потом подзахороним в могилу отца на Казанском кладбище в Пушкине.

Таким светлым человеком была сестра, что, когда мы начали эти печальные хлопоты и возникла куча проблем, все двери перед нами открывались. Год ещё такой шёл — 93-й, становился рынок, в том числе похоронных услуг. Но всё у нас получилось. И в храме договорились, отпевание сделали, потом кремация состоялась. Приехали на это прощание её подруги-однокурсницы по институту — Таня, Валя. Поминки были в столовой для железнодорожников на Ленинградском вокзале в конце перронов. Там такое небольшое здание. Это я запомнил, потому что мы с поминок тут же поднялись на перрон, где стоял наш поезд в Питер.

Так и ушла Маринка 5 декабря 93-го года. Царство Небесное моей сестре.

Из воспоминаний Эльзы Пяро – Куньшиной – Грязновой о своей матери – моей тётке Ане

Моя мамочка, Варламова Анна Фёдоровна, родилась 14 октября 1916 года, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, скончалась 14 ноября 2000 года. *(См. вкладку 3, стр. 15)*

Моя бабушка, Варламова Дарья Ильинична, родила мою мамочку, Анну, в городе Боровичи Новгородской области. Бабушка родила 14 детей, некоторые умерли в детстве, кто-то погиб на войне, и остались трое сыновей и три дочери: Николай, Александр, Сергей, Зоя, Анна, Галина.

Мама окончила в городе Ленинграде скорняжный техникум, работала на фабрике меховых изделий. В 1936 году она вышла замуж за Пяро Константина Андреевича, эстонца по национальности, с которым жила в Ленинграде до Великой Отечественной войны. Родила двоих детей — сына Игоря и меня, Элю. Когда началась война, отца отправили в эвакуацию вместе с заводом на Урал, а нас с мамой — в город Киров.

Помочь нам в дороге поехала бабушка Дарья. Это был страшный путь. Поезд наш бомбили немцы. Когда налетали самолёты, поезд останавливался, пассажиры в ужасе выскакивали из поезда, хватали детей, убегали в лес, чтобы спастись. Как только самолёты улетали, поезд трогался, люди не успевали вскочить в поезд обратно, кто-то лишь успевал толкнуть детей, а сам оставался. Сколько было горя... До сих пор не могу смотреть фильмы про войну, где идут люди вдоль железнодорожного полотна.

Наша семья не убегала в лес, мы все выскакивали во время бомбёжек и сидели под вагоном, решили: «Будь что будет». Мне был тогда 1 год 8 месяцев, братику — около 4 лет, но я

отчётливо помню, как бабушка Даша научила меня молитве и я сидела под вагоном, шептала молитву и крестилась. Так мы и спаслись с бабушкиной святой молитвой: в наш поезд не попала ни одна бомба.

Бабушка довезла нас до Кирова, а сама поехала обратно, к дедушке Фёдору Никитовичу, в Боровичи. Он был уже не молод, на фронт его не взяли.

Вещей у нас было немного, все надеялись, что война скоро закончится, 2–3 месяца, не больше... Зимних вещей не брали, на нас были только лёгонькие пальтишки и у мамы — демисезонное пальто. Осень пришла внезапно, сразу с холодом и снегом. Деньги закончились и обесценились, день за днём мама ходила на почту в ожидании денежного перевода, но денег всё не было. И вот настал день, когда в доме не осталось ни крошки хлеба.

Отчаявшись, мамочка пошла на рынок, чтобы обменять на буханку хлеба своё единственное осеннее пальто, в котором и была. Шла под снегом и слабо понимала, что делает, но другого выхода не было... И вдруг, совершенно случайно, встретила знакомую из Ленинграда, и та, узнав в чём дело, одолжила денег. А вскоре пришёл и долгожданный перевод. Всё-таки мир не без добрых людей!

Вначале мама работала на спичечной фабрике, а потом её «как образованного и культурного человека» (из Ленинграда всё-таки!) назначили заведующей клубом. Там она работала до конца войны. Жили трудно, всегда голодные. Ложились спать и плакали, просили у мамы «орочку» (корочку хлеба). Так плача и засыпали. А каково было слышать этот плач матери!

В 1943 году мамочка познакомилась в клубе с будущим моим папой, он руководил оркестром духовых инструментов. Это был замечательный человек и музыкант. Добрейшей души человек. Он играл на всех музыкальных инструментах: на фортепиано, аккордеоне, скрипке, баяне, домре, балалайке.

В 1946 году он привёз нас к себе на родину — в город Уржум Кировской области. Работал в трёх детских домах, в педагогическом училище, в музыкальной школе и где только можно было — нужно было кормить семью, к тому времени нас уже было четверо детей. Все мы учились в музыкальной школе, хотя материально маме с папой было учить нас тяжело (школа была платная).

Когда мне было 13 лет, вдруг к нам, в такую даль, из Ленинграда приехала бабушка Даша. Я же её уже совсем не помнила. Милая, родная моя бабушка. Она отдала мне свои вязаные носочки (сиреневого цвета). А когда однажды папа принёс из педучилища булочки (их давали педагогам) и раздал всем в семье, она, видя, как я собираюсь в школу, сунула потихоньку мне свою булочку. Мне не забыть этого никогда. А ещё помню, как в 1953 году в гости к нам приехал дядя Миша, муж моей тёти Гали, из Ленинграда и привёз мне новые туфельки на белой подошве. Невозможно описать восторг, столько было счастья, и даже когда туфли стали маловаты, я самоотверженно их надевала и носила.

После войны трудно жилось всем. Мама научилась шить фуфайки (красила простыни в чёрный цвет, крепкие, ещё довоенные простыни, привезённые из Ленинграда и сбережённые каким-то образом). Из них и шила фуфайки, в магазинах одежды-то не было никакой. А в воскресенье шла на рынок, продавала фуфайку и на вырученные деньги покупала целого барана. А это уже был праздник! Позже мамочка научилась вязать носочки, кофточки, шапочки. И всех своих подруг, кто тоже хотел вязать, учила, никому не отказывала в помощи.

Позже папа стал разводить кроликов. Сам мастерил клетки, кормил. Вот где пригодилось маме её скорняжное образование. Прекрасно выдельвала шкурки, шила шапки, шубы. И опять же всех знакомых обучала совершенно бескорыстно этому ремеслу.

Из воспоминаний моего двоюродного брата Игоря Карузе о маме и своём детстве

До войны Анна Фёдоровна Варламова вышла замуж за Пяро Константина Андреевича в Ленинграде. В сентябре 1937 года родился я, Пяро Игорь Константинович. В декабре 1939 года родилась моя сестра Эльза Константиновна. В начале войны Константин Андреевич ушёл на фронт, а в начале эвакуации населения из Ленинграда мой дядя, Варламов Николай Фёдорович, собрал всех наших родственников и помог эвакуироваться из Ленинграда. Ехали мы в товарных вагонах. Анна Фёдоровна, Галина Фёдоровна, Надежда Николаевна Варламова (дочь Николая Фёдоровича), я и сестра Эля. Поезд попал под бомбёжку. Мы все спрятались под вагонами. Кругом всё грохотало. Взрослые мне объясняли, что это гроза. Много было убитых, раненых. Седьмого сентября 1941 года был мой день рождения, а 8-го сентября замкнулось кольцо блокады.

Эвакуировалась наша семья в город Киров (Вятка). Взрослые работали на спичечной фабрике.

Анна Фёдоровна оформила развод с Константином Андреевичем и вышла замуж за Куньшина Бориса Алексеевича, с которым отношения у меня не сложились. Я с ним постоянно конфликтовал. Мною никто не занимался, я рос уличным мальчишкой, дрался, не слушался взрослых.

Анна Фёдоровна, Борис Алексеевич и Эля уехали из города в неизвестном для меня направлении¹.

За мной приехал мой дядя Варламов Николай Фёдорович и отвёз меня в город Чудово к моей тёте, Зое Фёдоровне. Добирались до Чудово долго, тяжело. Где-то нас подвозили, а в

---

¹ Они жили под Кировом в Уржуме.

основном шли пешком или дядя вёз меня на саночках, на которых была половина буханки хлеба. Ночевали в сгоревших деревнях, в землянках.

Через полгода тётя Зоя, по настоянию моего отца, отвезла меня в Ленинград. Из Ленинграда — к отцу, который после демобилизации жил в Таллине. Меня привезли Карузе Алина Андреевна (тётя) и её муж Карузе Павел Георгиевич, который служил в штабе Балтфлота. Во время войны Павел Георгиевич воевал на Балтике, на корабле, охранял русские минные поля. Алина Андреевна всю блокаду жила и работала в Ленинграде.

Для отца в Таллине я был обузой: часто болел, у меня была открытая форма туберкулёза легких. У отца я снова был брошен на произвол судьбы. Видя мои частые болезни, Алина Андреевна и Павел Георгиевич в 9 лет взяли меня к себе, окружили заботой, лечили меня от туберкулёза, и я поправился.

У Алины Андреевны и Павла Георгиевича своих детей не было, и они взяли меня на воспитание.

В 1952 году мы переехали в Ригу по месту службы Павла Георгиевича. В этом же году я начал разыскивать сестрёнку Элю. В 1954 году я её нашёл и пригласил в Ригу. С тех пор мы с нею поддерживали контакт, она помогла мне найти остальных родственников Варламовых.

В 1954 году Павел Георгиевич и Алина Андреевна меня усыновили, и я стал Карузе Игорем Павловичем.

В 1956 году меня призвали в армию в войска ПВО. Службу закончил помощником командира взвода радиостанций средней и большой мощности, в звании сержанта. Работал затем в Ленинграде на разных предприятиях. В 1960 году женился, родился сын Павел. Семейная жизнь не сложилась. Шесть лет работал в экспедиции инженером-радиогеодезистом в Якутском Заполярье и тайге Томской области.

У сына родились сын и дочь, у которых теперь два сына и две дочери — это мои правнуки.

Мой путь (продолжение воспоминаний Надежды Корниловой)

Все мы Варламовского рода. Конечно, все разные, но, тем не менее, такие качества характера, как доброта и милосердие, как чувство собственного достоинства и уважение к старшим присущи всем нам.

Всё идёт от нашего деда Варламова Фёдора Никитича. Дед родился в 1878 году в семье зажиточного крестьянина в деревне Малая Любунь. Вместе с Большой Любунью было около 500 дворов. Большинство деревень строились рядом, друг за другом.

Дед окончил четыре класса церковноприходской школы. Среди своих сверстников он был самым грамотным, так как большинство людей в те времена были безграмотными. В школьные времена я даже завидовала его каллиграфическому почерку. Вся большая семья была дружной и глубоко верующей, сужу по большому количеству икон в доме.

В молодости дед работал приказчиком на спичечной фабрике Лапшина, после революции — «имени В. И. Ленина». Женился на бабушке Портянкиной Дарье Ильиничне по большой любви, несмотря на то, что его родители были против, так как семья бабушки была очень бедной. Жили они с бабушкой дружно, да и, естественно, семья была большой: 4 сына — Николай, Андрей, Сергей и Александр и 4 дочери — Катя, Зоя, Анна и Галина. Жили в достатке, так как много работали, имели своё хозяйство, огромный сад и огород. Кроме того, и дед, и сыновья охотились и ловили рыбу. Дед в период коллективизации сразу вступил в колхоз, занимался овощеводством и в 1939 году ездил в Москву на выставку как лучший овощевод района, привёз оттуда грамоту и большущий альбом о выставке.

Дедушка был очень уважаемым человеком в районе. Каждый год к нам приезжали отдыхать из Ленинграда и художники, и учёные, я до сих пор помню даже внешность некоторых из них. Дом деда был большой, построен он на участке, где раньше стоял дом помещика, вот поэтому у нас был такой огромный сад с красивой аллеей и разными фруктовыми деревьями. Особенно помню груши, их почему-то называли «дули», такие большие высокие деревья, что мне в то время они казались великанами. Дед был искусным пасечником. У него было 5 ульев и всегда много-много мёда. Лето 1941 года было урожайным на мёд, и в подвале стояло много глиняных ведёрных горшков с мёдом.

Я очень любила свою бабушку. Она была совершенно другой, чем дед, нежной, доброй, красивой — с длинными чёрными волосами и голубыми глазами, всегда аккуратно одета. С тех пор как я помню себя, каждое лето я жила у бабушки с дедушкой. Летом также приезжала тётя Аня с детьми Игорем и Эльзой из Ленинграда, поэтому нам было весело.

Тётя Аня жила в Ленинграде. Мама в молодости тоже жила в Ленинграде. Тётя Аня вышла там замуж за эстонца, его фамилия Пяро.

Когда началась война, тётя Аня с детьми гостила у дедушки в Любуни, откуда их всех — дядю Колю с семьёй, тётю Аню, Галю (младшая дочь дедушки) эвакуировали в г. Киров, где все взрослые работали на спичечной фабрике «Белка». Дядя Коля работал начальником пожарной охраны на этой фабрике. До войны он жил в посёлке Грузино. В 1935 году умерла его жена Катя, ей было всего 30 лет, осталось двое детей: Коля — 6 лет и Надя — 1,5 года. Дядя Коля женился на тёте Поле. Поля очень любила Надю. В 1944 году дядя Коля вместе с семьёй вернулись из Кирова и поселились в посёлке Красный фарфорист, где он работал начальником пожарной охраны на фабрике.

После войны дядя Коля жил и работал в «Красном фарфористе». В 1965 году он умер от сердечного приступа. Надя, его

дочь, жила в Новгороде, вышла замуж за художника, родила сына. Я с ней виделась в Новгороде, потом связь была потеряна, она на письма мои не отвечала.

Старшая дочь дедушки тётя Катя жила в Ленинграде, но я её не видела, она умерла в 30 лет.

Дядя Андрей со своей женой и двумя дочерьми жил в деревне Шарья. Во время финской войны был тяжело ранен в живот, очень страдал от постоянных болей, но всё равно был призван в армию, снова ранен в руку, и в 1942 году умер. Похоронен в городе Будогощь, но его могилу мы не нашли. Его супруга тётя Валя и дочь Инна после войны жили в Чудово, мы часто виделись. Обе уже умерли, похоронены рядом с бабушкой и дедушкой на Чудовском кладбище.

Дядя Серёжа, а лучше — мой любимый крёстненький, был прекраснейший человек, уважаемый и добрейший, любящий муж, отец и дедушка. Он рано женился, сначала они жили в городе Дно, а после войны переехали в город Гдов Псковской области. Крёстный воевал с начала и до конца войны, имеет награды — 3 ордена и медали. Вернулся капитаном и до пенсии работал в военкомате города Гдова.

До войны у них с тётей Аней было двое детей — Лиля и Юрий. В 1966 году трагически погиб их сын Юрий. Это был страшный удар для крёстного и тётки Ани, и, конечно, это сильно подорвало их здоровье.

Их третий сын Виктор родился после войны, был военным, служил в Венгрии, Германии, Монголии, демобилизовался и вернулся с семьёй в город Гдов. Его старший сын Сергей окончил военно-морское училище, служил на Севере, в чине капитана 2-го ранга, демобилизовался, остался жить в г. Североморске. Младший сын живёт в Петербурге. **(См. вкладку 4, стр. 4)**

Дядя Саша родился в 1923 году, окончил семилетнюю школу в Грузино, работал старшим пионервожатым в школе, затем в Чудово учился в аэроклубе, затем окончил лётную школу в Кричевцах Новгородской области. Был призван в

армию, участвовал в боях, был ранен в голову. В 1944 году по ранению демобилизован, вернулся в Чудово, женился на Марии, родился сын Валерий. Мария была родом из Боровичей, поэтому они вскоре уехали в Боровичи. В 1946 году дядя Саша уговорил дедушку и бабушку переехать из деревни Целтнэ в деревню Сушани, что в двух километрах от Боровичей.

Тётя Галя, младшая дочь дедушки и бабушки, родилась 25 марта 1925 года. Вместе со всеми родственниками была эвакуирована в город Киров, работала на спичечной фабрике «Белка». В 1944 году приехала в город Чудово, работала паспортисткой, вскоре вышла замуж за Миронова Михаила Емельяновича и переехала в Пушкин к месту службы мужа. В 1948 году родилась Марина, а в 1953-м — сын Серёжа.

Трудно сказать, была ли тётя Галя счастлива в замужестве. Михаил Емельянович был неплохим человеком, но жил так, как ему хотелось. Он работал заведующим складом в военном училище. Семья была хорошо обеспечена, но Миша очень ревновал Галю, хотя совершенно не было причин для этого. Галя работала вначале в библиотеке, а позднее — в партучёте училища. Очень любила Мариночку и Серёженьку.

Мариночку мы крестили у нас в Чудове, в комнате, так как церковь была разрушена. Я стала её крёстной мамой. Она росла на моих глазах: умная, обаятельная, добрая девочка. До сих пор слышу её слова «Кока приехала», вижу её радостные голубые глаза и протянутые ко мне её руки. Серёжа родился, когда я жила у них, очень любила нянчиться с ним. Он был такой очаровательный.

Не баловала Галю судьба и дальше. После развода с Михаилом Емельяновичем она вскоре вышла замуж за Сергея Платоновича Лебедева. Я до сих пор не могу понять, как случилось так, что Галя полностью подчинилась его воле. Сергей Платонович контролировал абсолютно всё, начиная от финансов и заканчивая отношениями с родными и близкими.

Все заботы легли на плечи Марины, хотя она ещё была студенткой. Когда Серёжа учился в горном техникуме, Маринка жаловалась мне, что его преподаватели обращались к ней по поводу его учёбы. А когда Серёжа служил в армии, только Марина ездила к нему. Окончив институт, Марина работала в ГИПХе. Ей приходилось иметь дело с вредными химическими элементами, что стало одной из причин её раннего ухода из жизни.

...Единственной радостью были дети Надюша и Володя. Что греха таить, Гена тоже очень любил детей. Маринка получила хорошую трёхкомнатную квартиру, всё внимание уделялось детям. Материально, конечно, было трудно, не очень ладились отношения, но главная беда была впереди. Маринка тяжело заболела, и ничто не помогало: ни лечение в Ленинграде, ни поездка в Москву. В 45 лет Мариночки не стало. Надюша была студенткой Института оптики и механики, а Володя учился в последнем классе школы. Сейчас и Надюша, и Володя успешные образованные люди, у них хорошие семьи и очень милые дети.

Я очень сожалею, что пока всё было свежо в памяти, кроме того, можно было спросить ещё живых родственников, узнать все подробности, я не сделала этого.

Жизнь моей мамочки тоже не была сладкой. Беззаботной она была только в юности.

Жили Варламовы зажиточно благодаря трудолюбию и уважению друг друга. До замужества мама, Зоя Фёдоровна Варламова, жила несколько лет в Ленинграде в Весёлом посёлке, у старшей сестры Кати, работала на фабрике. В 1931 году вышла замуж за моего отца Хаскова Сергея Александровича, вернее, её выдали родители, не позволив выйти замуж за Андрея Чуркина, так как его семья была бедной и недружной.

Мой отец работал на спичечной фабрике слесарем, а мама работала у станка, а потом она стала мастером коробочного

цеха. Мать отца — Александра — была строгой и сварливой, любила и баловала только своего сыночка. Дедушка, тоже Александр, был добрым, безропотным человеком. Меня он очень любил, играл со мной, кормил меня тюрей — это холодная вода, лук, хлеб и чуть-чуть растительного масла. Све-кровь очень плохо относилась к маме, есть было нечего: хлеб да картошка. Что спасло маму от голода, так это совет добрых людей, они подсказали: нужно пить сырые яйца, вот мама тайком стала это делать.

Моё же детство было счастливым, меня очень красиво одевали, много было хороших подружек. Я помню все мои красивые платья, помню вкус конфет «Раковые шейки» и сыра в круглых картонных коробочках. Ещё помню Аракчеевский парк, Музей Аракчеева и Собор Андрея Первозванного. В парке мы не только гуляли, но и ходили в Аракчеевские казармы, в баню. В парке были пруды и красивые мосты, я очень боялась по ним ходить, так как дважды тонула: в пруду в Грузино и у дедушки с бабушкой в Любуни.

Отец мой очень хотел стать лётчиком, поэтому в 1936 году уехал в Пудово, поступил в аэроклуб, а затем отучился в лётном училище под Новгородом в Кричево. Мама и отец счастливо прожили семь лет, но потом разошлись. Для мамы его измена была поводом для развода. Она очень страдала, тяжело заболела... К тому же бабушка Александра просто выгнала нас с мамой во флигель, где мы прожили больше года. Флигель был очень маленький и старый, при царе там жили слуги. А семья отца была довольно богатой, дом был огромный, двухэтажный.

Маму назначили мастером цеха. Зарплата была хорошей, и в конце 1939 года мама купила дом в деревне Березовец, в трёх километрах от Грузино.

До войны я окончила два класса графской школы и на каникулы поехала к бабушке в деревню Любунь. Я хорошо помню, как объявили о начале войны. В 10 часов загудели гудки

на фабрике — это был сигнал войны. Эвакуация началась, и большинство жителей уехало.

Я уже писала о семье тёти Ани. Она с молодости жила в Любуни, там вышла замуж за эстонца Константина Пяро. В 1937 году родился у них сын Игорь, а в 1939 — дочь Эльза. Константин не хотел, чтобы тётя Аня рожала второго ребёнка, но вопреки его желанию Эльза родилась, и их брак вскоре распался. Когда началась война, всю нашу семью эвакуировали в город Киров.

Во время войны тётя Аня вышла замуж за дядю Борю и стала Куньшиной. Это был образованный, умный и очень добрый человек. Когда закончилась война, они переехали в город Уржум Кировской области. Семья была большой: у дяди Бори была дочь Аля, двое детей тёти Ани, и ещё у них родились Галя и Юра. Жили они дружно, весело и счастливо. Боря был прекрасным музыкантом, играл на многих инструментах, кроме того, они с тётей Аней играли в народном театре. Каждое лето к ним приезжали в гости семьи тёти Гали, дяди Серёжи. Особенно часто гостила моя мама. Но жизнь тёти Ани была не такой радужной, она страдала до самой своей смерти.

Дело в том, что сёстры Константина Пяро попросили тётю Аню пригласить Игоря пожить у них в Ленинграде. В 1944 году дядя Коля вернулся с семьёй из эвакуации и привёз Игоря к нам, чтобы мама отвезла его в Ленинград. Он погостил у нас с мамой, а затем мама увезла его к сёстрам. А они его не вернули тётю Ане. Муж Адели, капитан 1-го ранга, взял опекунство, а затем усыновил его. Знаю, что жизнь у Игоря не была сладкой, он иногда приезжал к маме в Чудово. Я встречалась с ним в 2005 году на юбилее тёти Гали в Пушкине. Сейчас не знаю ничего о нём.

Итак, война.

Маму пригласили работать в госпитале. Перед войной она окончила курсы санинструкторов и, проработав немного в

госпитале, была мобилизована в армию 12 января 1942 года. Мама прошла всю войну от Новгородчины до Германии. Вернулась в Чудово в конце августа 1945 года.

Окончив два класса графской школы Чудовского района, я осталась у дедушки в деревне Малая Любунь. Не приведи Господь увидеть и испытать, что было со мной. Я видела всё: бомбёжки, отступление нашей армии, приход немцев. Около трёх месяцев наша деревня была оккупирована немцами. Все родные, как я уже писала, были эвакуированы, и только дедушка с бабушкой и я остались в Любуни. Когда началось наступление немцев, мы вместе с отступающей армией двинулись вглубь Чудовского района, жили в лесу. Есть было нечего, к счастью, удалось достать мешок крахмала, и мы на кусках железа пекли лепёшки. Но немцы уже хозяйничали в деревне Филиппово, и было приказано всем выходить из леса. В случае невыполнения приказа обещали расстрелять нас, как партизан. Возвращаясь в Любунь, мы увидели, что в нашем доме мы смогли бы теперь жить только на кухне, так как весь пол был снят. Немцы наши дубовые половицы использовали для починки моста. Они вели себя как настоящие хозяева, правда, не обижали жителей, только угрожали, что скоро придут войска голубой дивизии СС, и тогда нам будет очень плохо.

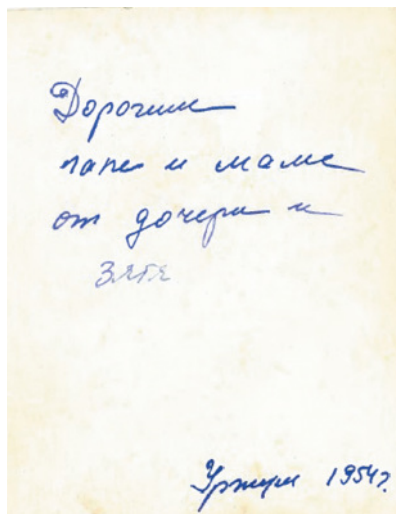
В декабре началось наступление Красной Армии под Москвой и в Тихвине. Так как дед был связан с подпольем, ему сообщили, что нужно уходить ночью из деревни, потому что утром всех, кто останется, будут забирать и увозить в Германию. Это была страшная ночь. При отступлении немцы сжигали деревни. Так, они сожгли 11 деревень по берегам Волхова. Это Грузино, Хотитово, Новая деревня, Шарья, Графская, Погорелец, Остров, Большая и Малая Любунь, Березовая, Гачево. Нам нужно было добраться до деревни Некшино, расположенной в четырёх километрах от Любуни. Мы видели, как немцы подъехали на мотоциклетах и подожгли наш дом.

Сторона рождения		Место рождения	Имя при рождении		Звание, звание и фамилия родителей, и место происхождения	Часть порвала, в родившихся		Звание, звание и фамилия родителей	Все сведения о семье	Материальное состояние семьи в настоящее время
50	1880	Село...	Варламов	Анна	Звание...	Звание...	Звание...	Звание...	Звание...	Звание...
51	1881	Село...	Варламов	Анна	Звание...	Звание...	Звание...	Звание...	Звание...	Звание...
52	1882	Село...	Варламов	Анна	Звание...	Звание...	Звание...	Звание...	Звание...	Звание...
53	1883	Село...	Варламов	Анна	Звание...	Звание...	Звание...	Звание...	Звание...	Звание...

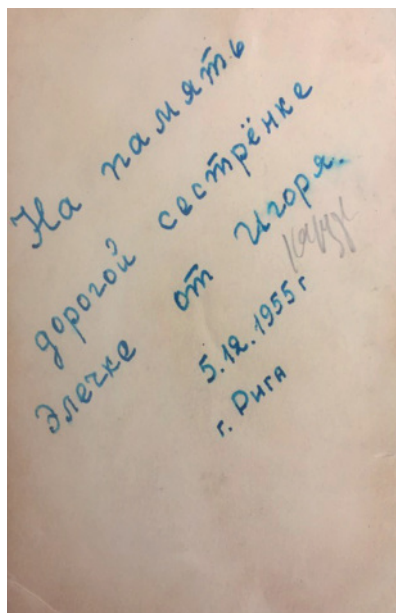
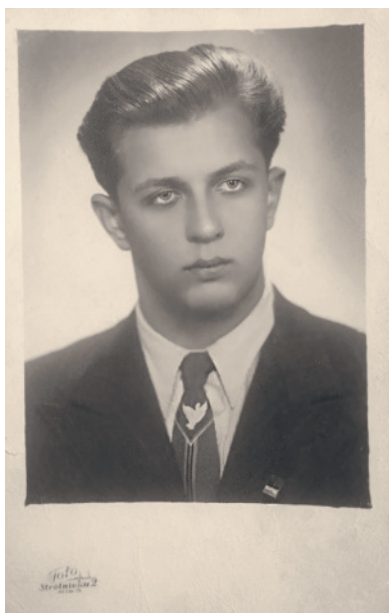
Запись о рождении Анны Фёдоровны Варламовой. Названа в честь мученицы Анны

Моя мама Галина Фёдоровна Варламова и её старшая сестра Анна Фёдоровна Варламова

Город Уржум. 1954 год. Тётя Аня (Анна Фёдоровна Варламова-Куньшина) и Борис Алексеевич Куньшин. Сцена из спектакля

Игорь Константинович Пяро — Игорь Павлович Карузе

Тётя Аня. Анна Фёдоровна Варламова-Куньшина, сестра моей мамы. На обороте: «Хоть и страшная вышла, а посылаю всё равно, узнаете, что это Ваша дочь Аня. Март, 1957 г., Уржум»

Игорь Павлович Карузе — сын Анны Фёдоровны Варламовой-Куньшиной

Юрий Куньшин, сводный брат Игоря Пяро-Карузе. На обороте: «Дорогой тётё Зое от Юрика. Уржум. 1954 г.»

Надежда Корнилова (дочь Зои Фёдоровны Варламовой (Гуркиной)), Таллин

Сергей Фёдорович Варламов — брат моей мамы

Сведения о личном составе

**Варламов Сергей
Федорович**

Учетно-послужная карточка

Дата рождения: 26.01.1914

Место рождения: Новгородская обл.,
Чудовский р-н, д. Б. Любунь

Дата поступления на службу:
__06.1941

Воинское звание: ст. лейтенант
админ. сл.

Наименование воинской части: 114
тп 7 гв. кк 1 БелФ, 186 отб

Дата окончания службы: 22.02.1947

Награды: Медаль «За взятие
Берлина», Медаль «За освобождение
Варшавы», Медаль «За победу над
Германией в Великой Отечественной
войне 1941–1945 гг.», Медаль «За
оборону Сталинграда»

[Информация об архиве+](#)

Документы о награждении

**Варламов Сергей
Федорович**

Карточка награждений

[Орден Красной Звезды](#)

25.04.1944

[Орден Отечественной
войны II степени](#)

20.03.1945

[Орден Красной Звезды](#)

10.06.1945

Дата рождения: __ __1914

Место рождения: Новгородская обл.,
Чудовский р-н, Б-Любунский с/с, д.
Любунь

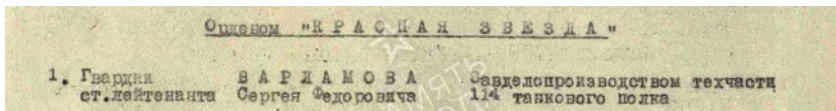
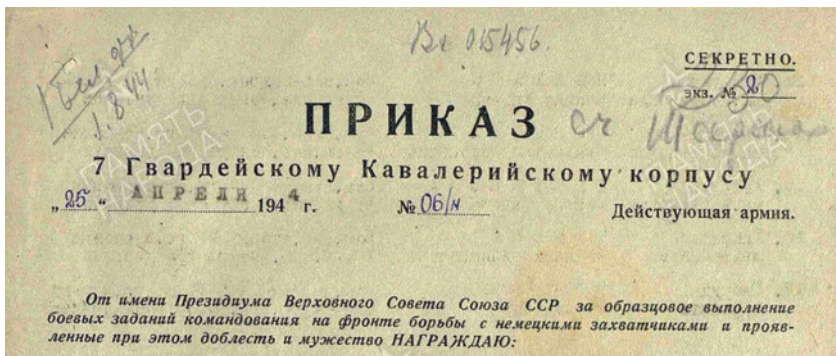
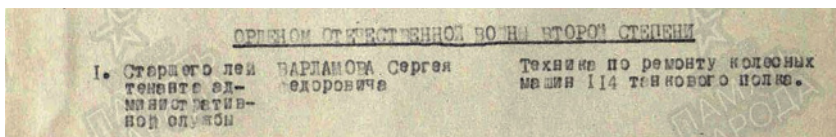
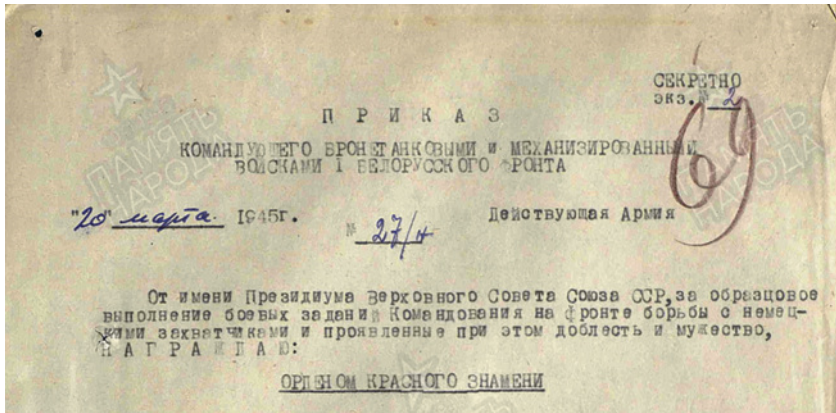
Дата поступления на службу:
__ __1941

Воинское звание: гв. ст. лейтенант

[Информация об архиве+](#)

Наградные листы взяты на сайте «Память народа»

Фотография сделана у кладбища, где похоронен дед Фёдор Никитович Варламов.

Верхний ряд: мой отец Михаил Емельянович Миронов, тётя Аня (супруга Сергея Фёдоровича Варламова), дядя Серёжа (Сергей Фёдорович Варламов), дядя Саша (Александр Фёдорович Варламов), дядя Боря (Борис Алексеевич Куньшин).

Нижний ряд: Валерий (мой сводный брат — сын моего отца), тётя Зоя (Зоя Фёдоровна Варламова (Гуркина)), моя мама Галина Фёдоровна Варламова (Миронова), тётя Аня — Анна Фёдоровна Варламова (Куньшина), бабушка Даша — Дарья Ильинична Варламова, Галина (дочь тётки Ани, моя двоюродная сестра)

Слева направо: тётя Аня — супруга маминного брата Сергея Фёдоровича Варламова, моя сестра Марина Михайловна Миронова и Сергей Фёдорович Варламов

*В центре — Дарья Ильинична Варламова (моя бабушка),
справа — моя мама Галина Фёдоровна Варламова (Миронова).
Стоят (слева направо): Александр Фёдорович Варламов, тётя
Аня, жена Сергея Фёдоровича Варламова, моя сестра Марина
Михайловна Миронова, мой отец Михаил Емельянович Миронов,
я, Валерий Михайлович Миронов (мой сводный брат), Галина
и Юрий (дочь и сын Анны Фёдоровны Варламовой), дядя Боря —
Борис Алексеевич Куньшин.
Сидят: дядя Серёжа (Сергей Фёдорович Варламов), тётя Зоя (Зоя
Фёдоровна Варламова (Гуркина)), моя бабушка Дарья Ильинична
Варламова, тётя Аня (Анна Фёдоровна Варламова (Куньшина)),
моя мама Галина Фёдоровна Варламова (Миронова).*

Лето 1966 года, г. Чудово

*Лиеняя, Латвийская ССР,
1962 год. Дарья Ильинична
Варламова и Александра
Фёдоровна*

Город Чудово. Слева — Надежда Корнилова (из Таллина), дядя Коля (Николай Фёдорович Варламов), тётя Зоя (Зоя Фёдоровна Варламова (Гуркина)), посередине — бабушка Даша (Дарья Ильинична Варламова), справа мои родители: отец — Михаил Емельянович Миронов и мама Галина Фёдоровна Миронова (в девичестве Варламова)

Город Чудово. Слева — сестра Марина, дядя Гена, тётя Зоя (Зоя Фёдоровна Варламова (Гуркина)), посередине — бабушка Даша (Дарья Ильинична Варламова, в девичестве Портянкина), справа мои родители: отец — Михаил Емельянович Миронов и мама Галина Фёдоровна Миронова (в девичестве Варламова), я

Город Уржум. Из сидящих второй справа — мой отец

*Внизу справа: дядя Саша — брат моей мамы
Александр Фёдорович Варламов*

*Я и мой отец Михаил
Емельянович Миронов.
Фотографировала моя
старшая сестра Марина
Миронова*

*Мой отец Миронов Михаил
Емельянович и моя сестра
Марина*

*Марина Михайловна
Миронова (Болдырева)*

*Марина Михайловна
Болдырева (в девичестве
Миронова) с дочерью
Надеждой*

*Сестра Марина Миронова
(Болдырева)*

*Моя сестра Марина
Михайловна Болдырева*

*Моя сестра Марина Михайловна
Миронова (Болдырева)*

Надежда Болдырева (Тихонова)

Моя сестра Марина Михайловна Болдырева с сыном Владимиром

Брат и сестра: Надежда Тихонова (в девичестве Болдырева) и Владимир Болдырев. Дети Марины, мои племянники

Марина Михайловна Миронова (Болдырева) с детьми Надеждой и Владимиром

*Моя мама Галина Фёдоровна Варламова-Лебедева
с зятем Геней Болдыревым и внучкой Наденькой*

Я, моя сестра Марина и её дети Володя и Надежда

Моя дочь Ирина Сергеевна Миронова, племянники Владимир Геннадьевич Болдырев и Надежда Геннадьевна Тихонова (Болдырева в девичестве)

Надежда Тихонова

Надежда Тихонова с братом Владимиром

Партия «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ЗА ПРАВДУ» вместе с 50 тысячами москвичей на митинге-концерте «Своих не бросаем!» в поддержку референдумов в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях. 23 сентября 2022 года. Москва, Манежная площадь

Эту четырёхкилометровую дорогу я запомнила на всю жизнь. Зима 1941–1942 года была очень морозной и снежной. Ночь, стрельба отовсюду, обстрел веди и немцы, и наши, которые уже заняли позиции в Некшино. И это стало единственным спасением для нас: в эту ночь было светло, так как вокруг горели деревни. Когда мы слышали, что в нашу сторону летит снаряд, дедушка толкал меня в сугроб, прикрывая меня своим телом.

В Некшино мы прожили недолго у родственников моей бабушки. Дедушку назначили агрономом района, и мы переехали в деревню Целтнэ Муратовского сельсовета. Деревня, где население было латышское, через несколько дней опустела, она стала нашим родным домом надолго. Мы поселились у дедушкиного знакомого лесника. Лесник умер, а в доме осталась его жена, радушно принявшая нас.

Через два дня все латыши были отправлены в Сибирь, кроме одной семьи Берант, так как у них было 8 детей, якобы за сотрудничество с немцами. До сих пор не могу понять, как эта семидесятилетняя женщина могла помогать немцам.

Нас спасло от голода то, что остались продукты: картошка, соленья, клюква, брусника, а главное — мы купили корову Зедку. Вот так мы остались живыми. Район наполовину был занят немцами, вплоть до весны 1944 года. Третий и четвёртый класс я окончила в Целтнэ, а пятый — в деревне Деревя, так как в Целтнэ была только начальная школа. На три года немцы оккупировали место, где мы жили до войны. Самое страшное было то, что наступление Красной Армии было остановлено в начале января 1942 года. Преграда — Аракчеевские казармы на берегу Волхова. Они находились на высоте, а вокруг — сожжённые деревни. Был отдан приказ — во что бы то ни стало взять поселок Грузино. Сколько молодых солдат-сибиряков было загублено, послано на смерть.

Грузино, где прошло моё детство, — это бывшее военное поселение, так называемые Аракчеевские казармы. По при-

казу графа Аракчеева были выстроены военные городки по берегам реки Волхов. В Чудовском районе ещё в деревне Селищи были такие Аракчеевские казармы. Но Грузино было как бы его вотчиной. Помню поместье — это огромное кирпичное здание в три или четыре этажа (после революции оно стало музеем), рядом красивейший собор Андрея Первозванного, прекраснейший парк с прудами и мостиками и казармы с очень толстыми стенами из красного кирпича.

Откуда я это знаю? Просто в одной из казарм была баня, в которую я ходила вместе с бабушкой Александрой, матью отца. Казармы и парк находились на довольно-таки высоком холме, а река Волхов — позади. Вот поэтому, когда началось наступление в конце декабря 1941 года, немцы сожгли все 11 прилежащих деревень, сами укрепились в казармах и с высоты расстреливали идущих в атаку красноармейцев. Из-за приказа безмозглого военачальника о взятии высоты погибли тысячи молодых бойцов.

Несмотря на потери и невозможность занять казармы, приказы всё повторялись и повторялись. Три последующих года вплоть до 1944 года немцы оставались на своих позициях. В 1944 году — освобождение. Всё разрушено, одни развалины, искорёженное шоссе, а вдоль дороги таблички «мины», такое я увидела весной 1944 года.

Мама была мобилизована в санроту, часть находилась в 20 км от Целтнэ. Мы с бабушкой даже ходили к ней. Она была командиром взвода девушек. Во время отдыха — неделя на фронте, неделя отдыха — мы и пошли к маме. Жили они в большой землянке в очень красивом сосновом лесу под Будогощью. Все молодые девушки — сёстры, санинструкторы — звали её мамой, очень любили её. У меня сохранилось стихотворение, посвящённое ей, — «Мама».

В школе мы стали какими-то сразу взрослыми — хорошо учились, собирали посылки на фронт, вязали носки и рука-

вицы, вышивали кисеты. Летом работали в колхозе. Кроме того, я во всём помогала бабушке и дедушке. С дедушкой мы ездили в лес за дровами и ставили стога сена. Страшно было, казалось, что так высоко на стогу. Кроме того, мне нужно было дежурить на огороде: дед сажал морковь, капусту и другие овощи на семена. В 4-м классе я часто заменяла заболевшую учительницу в первых и вторых классах. Они учились в первую смену, а 3 и 4 классы — во вторую. В Деревях я жила у знакомых дедушки и бабушки, на выходной ходила домой.

Январь 1944 — началось наступление, освобождено Чудово. Из Кирова возвратилась Галя, ей уже 20 лет.

Дядя Коля с семьёй поехали на «Красный фарфорист», крёстный, вернее, его семья — тётя Аня с дочкой Лилей и с сыном Юрием — вернулись в Гдов. Тётя Галя стала работать в Чудове в паспортном отделе.

Мы с бабушкой Дашей пошли в Чудово (40 км), ночевали в Некшине у родных.

То, что мы увидели дальше, трудно представить: голое, заросшее пространство, посередине которого — разбитое шоссе в ямах, в некоторых даже оставшиеся кости, а вокруг таблички с надписью «мины». В Грузино полностью разбитая спичечная фабрика, нет ни казарм Аракчеевских, ни музея, ни собора Андрея Первозванного, только искорёженные стволы деревьев парка. Было жутко. Вокруг ничего и никого. Через Волхов переехали на лодке, а через реку Кересть был протянут мост в метр шириной. В Чудово же остался один каменный дом, несколько двухэтажных разбитых домов и бараки около парка.

В августе 1945 года вернулась мама, и я приехала в Чудово. Галя работала начальником паспортного стола, а мама стала работать паспортисткой. Я поступила в 6-й класс Чудовской средней школы № 1. Трудно было с немецким языком, в школе в Деревях его не было. Но к концу года я была отличницей. В 1945 году тётя Галя уехала с мужем дядей Мишей в Пушкин.

В 1950 году я успешно окончила школу и поступила в Ленинграде в педагогический институт имени Герцена на факультет английского языка. Кстати, сдавала немецкий язык, так как английский в 50-е почти не изучался. Училась нормально, много занималась самообразованием, ходила на лекции в Эрмитаж. Кроме того, мои подружки Эрлена и Инна, обе из интеллигентных семей, учили слушать и любить классическую музыку, поэзию.

В сентябре 1953 года познакомилась с будущим мужем Корниловым Геннадием, а 20 февраля вышла замуж. Мы очень любили друг друга, и двенадцать лет были самыми счастливыми в моей жизни.

Моей мамочке было очень трудно учить меня. Единственное её желание было, чтобы я получила высшее образование. Ведь у нас война отняла всё: дом, вещи, всё сгорело, и то, что было закопано в подвале, — ничего не осталось, вероятно, выкопал кто-то. Единственное, что осталось, — это пачка уже повреждённых денег. Мы с мамой ходили летом 1946 года на пепелище, откопали банку, но многие купюры истлели, только некоторые удалось сдать в банк.

Помогло выжить в самый голодный 1946 год то, что маме прислали несколько посылок из Германии (спасённые раненные?). Правда, 1946-й лишил нас многого, так как пришлось всё продать. Мама оставила для института два отреза на осеннее и зимнее пальто и два — на летнее и шерстяное платья. Летом я старалась подрабатывать в детском саду.

В июле 1951 года мы с мамой нанялись на работу — косить сено. Всё-таки есть Бог, как мы остались живы — не знаю. Дело в том, что косить надо было на берегу реки Волхов, недалеко от Аракчеевских казарм. Нам отвели один гектар — скосить, высушить и собрать в стога. Мы только вдвоём. Вокруг трава и кусты, оказалось — это поле боя войны. Около кустов — скелеты. Мы даже определяли: если остались ботинки высокие — это немцы, нет — наши солдаты. Самое страшное

было — мины: пехотные — деревянные, противотанковые — железные. Косим: мама впереди, я сзади. Мамин голос: «Наденька, мина», и ставится ветка. Они все стоят у меня до сих пор перед глазами.

Итак, институт. 1-й и 2-й курс — платные, 400 рублей в год. К тому же не было общежития. Вместе с одноклассницей Люсей Михайловой снимали квартиру за 300 рублей.

20 февраля 1954 года — наша свадьба с Геной. Свадьбу помогли организовать тётя Галя с дядей Мишей и мама. Гостями были мои подружки и курсанты от Гены.

В июне 1954 года окончила я институт, а Гена — училище. Впервые едем в отпуск в Татарию на Волгу. Волга ещё была в старом русле. Гена родился в селе Верхний Услон, что находится на правом высоком берегу Волги, напротив г. Казани. Иван Грозный построил его при взятии Казани.

Гена получил назначение в город Полярный. Служил он на малом противолодочном корабле. Служба была трудной и опасной, всё лето корабли были на Новой Земле. В сентябре 1963 года корабль был переведён в Эстонию, в город Таллин. Через полтора года случилось ЧП. Два моряка покинули корабль вместе с оружием¹.

Гена понёс наказание: его перевели с понижением до должности помощника командира корабля. Его самолюбие, а главное невиновность, так как его в то время не было на корабле, решили всё: он ушёл с флота. К тому же Гена часто ещё

---

¹ Возможно, речь идёт об этом происшествии: в 1965 году матрос Балтфлота Олег Туманов спрыгнул с борта корабля в Средиземном море и вплавь добрался до берега. В Ливии 21-летний матрос попросил политического убежища. О перебежчике узнали представители США — так Туманов оказался в центре беженцев «Кэмп Кинг» неподалёку от Франкфурта. Его допросили и проверили на детекторе лжи, после чего уведомили менеджмент «Радио Свобода» (иностранное СМИ, выполняющее функции иностранного агента) о перспективном сотруднике. Уже в апреле 1966 года Туманов стал стажёром.

в городе Полярном думал об уходе. Он сразу же устроился на работу в рыболовный флот Таллина и поступил в институт Ленинграда на второй курс. Всё, казалось, было хорошо. Но... 24 декабря его отправили в Салацгриву, чтобы контролировать порядок на пароходе, который стоял на ремонте. Возвращаясь на пароход с тремя членами экипажа, он был застрелен жителем этого городка. Вот такова его судьба. Это случилось 25 февраля 1965 года. Похоронен он на военном кладбище г. Таллина.

Я работала в школе с 1964 года, воспитывала школьников. В 1969-м вышла замуж и, к сожалению, очень неудачно. Родила сына. В 1972 году разошлась. Много работала, чтобы вырастить детей. В 1975 году вышла замуж, прожила 35 лет счастливо с Костей. Мне 88 лет, у меня 5 внуков и один правнук — прекрасные заботливые дети. Хочется пожить как можно дольше. Что Бог даст!

Михаил Емельянович Миронов. Мой отец. Жизнь после войны

Отец закончил войну в 1944 году, и его направили в новое военное училище в Пушкине, под Ленинградом, которое потом называлось ПВКУРЭ — Пушкинское высшее командное училище радиоэлектроники, а тогда это было просто артиллерийское училище ПВО. Отца направили туда старшиной. До этого он где-то в Чудове познакомился с мамой, потому что в Пушкин он приехал уже с мамой. Причём, видимо, в военных билетах не было отметки о том, женат — не женат. И отец никому не сказал, в том числе моей маме, что был женат и что у него есть сын. Мама узнала обо всём, когда уже мне было лет пять или шесть. Кстати, когда мама об этом узнала (ей кто-то написал, может быть, та самая Катя — бывшая жена отца — нашла его каким-то образом). Конечно, был скандал, но первое, что она сказала: «Пускай Валерка приезжает знакомиться с братом и сестрой. Они родные». И действительно, Валерка приезжал к нам часто, гостил. Об этом в книге «Серёга» я упоминаю.

Отец, когда выпивал, очень любил петь песню из кинофильма «Небесный тихоход»:

*Дождливым вечером, вечером, вечером,
Когда пилотам, скажем прямо, делать нечего...*

Я с детства понял, что это у отца была определённая стадия опьянения. То есть он начинал петь, когда не очень пьяный, но уже хорошо поддающийся. Обычно он эту песню пел раза два-три подряд. Очень она ему нравилась. Кроме этой песни, никаких других, ни военных, ни фронтовых, не пел.

Отец закончил войну на территории Эстонии. Опять же очередная стадия опьянения, но уже более тяжёлая, преж-

де чем, так можно сказать, вырубиться, он начинал говорить какие-то непонятные слова. Как я потом понял, это были какие-то исковерканные фразы на эстонском языке. Если отец начинал говорить «по-эстонски», все близкие понимали, что нужно убегать, прятаться, потому что дальше под руку лучше было ему не попадаться.

Как-то от мамы я услышал историю про то, как меня забирали из роддома, который находился в больнице имени Семашко в центре Пушкина. Отец, который работал старшиной на продовольственном складе военного училища, привозил продукты в это училище вместе с солдатом-извозчиком на санях. Так вот, из роддома меня на этих санях, можно сказать, в сене, в розвальнях и привезли на улицу Красной Артиллерии.

Когда я родился, приехала бабушка Даша, она была верующая и настаивала, что меня нужно обязательно окрестить. Отец и мама были коммунистами. Отец сделал вид, что не знает ничего, а мама моя, несмотря на то, что член партии, однажды с бабушкой повезли меня в какую-то церковь. Может быть, кстати, в ту самую церковь, которая у лица, потому что Софийский собор после войны стоял разрушенный. В Пушкине, наверное, единственная церковь, которая была, если она и работала, то та самая церковь, которая рядом с пушкинским лицеем. В этой церкви, судя по всему, меня и крестили.

Помню, когда было мне лет пять или шесть, отец уже не на телеге и санях, а на машине ездил за продуктами из Пушкина в какой-то пригород Ленинграда. Однажды, когда я играл во дворе, подъезжает машина с фургоном, выскакивает отец, он для чего-то забежал домой, может что-то забрать или положить, а когда вышел из дома, увидел меня и кричит: «Серёжка, хочешь со мной прокатиться?» Ну а кто ж не хочет на грузовой машине прокатиться? Отец посадил меня в кабину к себе на колени рядом с водителем, и мы куда-то поехали. Куда

мы приехали, помню: там были ворота с красными звёздами, как бывает в военных городках. А перед воротами была огромная-огромная клумба. Дело, видимо, было в мае, потому что на этой клумбе цвело большое количество жёлтых одуванчиков, жёлтых цветов. Видимо, на территорию части с детьми не пускали, и отец сказал, чтобы я на этой клумбе играл, никуда не уходил.

Вот я ходил по этой клумбе, так как отец наказал, что нельзя на дорогу выходить, я и не выходил. Не знаю, сколько я там пробыл, час-полчаса гулял. Помнится эта радость до сих пор: я с отцом куда-то на машине проехал.

Одно время отец работал на мясокомбинате в охране. Тогда были такие интересные правила: что охранник мог после суточного дежурства забрать то ли килограмм, то ли полтора килограмма любых мясных изделий, мог взять сырое парное мясо или колбасы какой-то. И отец, конечно, всегда это брал. И потом, когда они с мамой были в разводе, он нас с Маринкой подкармливал, приносил всяких вкуснятин.

Помню два фирменных блюда, которые готовил отец, но это уже было, когда я учился в восьмом-девятом классе. Когда я приходил из школы, отец, вернувшись утром с дежурства, видимо, поспав, просыпался и посылал меня в магазин купить бутылку водки и две бутылки пива. Несмотря на то, что я был подростком, мне продавали, так как все знали, что я сын Миши. Я приносил выпивку домой, а в это время батя делал одно из своих фирменных блюд, которое я до сих пор вспоминаю. Более вкусного я никогда ничего не ел.

Первое блюдо такое. Когда он после дежурства с мясокомбината приносил парную филейную часть говядины, то делал омлет с этой филейной частью (причём, сам всё жарил и только на сливочном масле, другого не признавал): мясо быстро немножко обжаривал с двух сторон, потом заливал огромным количеством яиц с молоком, предварительно взбив их, солил-перчил.

Мы садились. Почему-то вместо стола была табуретка. Мы с ним сидели на стульях, он плескал мне немножко водки, в другой стакан немножко пива.

Мы вели разговоры и ели со сковородки, которая стояла на газетке на табуретке, вот такую вкуснятину. Это было блюдом номер один. А блюдом номер два была жареная треска. Отец называл это блюдо, и я до сих пор его так называю, — крошево. Отец брал треску, нарезал кусками. Как всегда, обваливал в муке, жарил только на сливочном масле, клал эту треску кусками на сковородку. А треска, когда начинает прожариваться, разваливается на куски. Так вот отец специально разламывал её дальше, вынимал кости. А кости у трески — это практически только хребет. Специально крошил треску на кусочки размером с ноготь. Каждый кусочек получался как во фритюре. Вот эту огромную сковороду он ставил, и мы вдвоем всё съедали.

Отец работал на мясокомбинате, а потом на военном аэродроме в межведомственной охране. Осенью после дежурства три дня можно было отдыхать, но он никогда не отдыхал, а подрабатывал на разгрузке вагонов на овощной базе.

Оттуда он всегда приносил нам с Маринкой то виноград, то груши, то сливы, то мандарины, то бананы дефицитные. Он любил, чтобы всего было много, приносил полные рюкзаки. Мы, конечно, обедались.

Отец, как я уже говорил, был очень добрым. Он помогал своей родне, своим сёстрам, и маминой родне тоже. Мама регулярно отправляла посылки то в Уржум, то в Новгородскую область — в Чудово. Сёстрам своим отец сам отвозил в Ленинград.

Отец, после того как развёлся с мамой, где-то год, два, а может, и подольше, жил то у одной, то другой женщины. Как я сейчас понимаю, женщины очень его любили, наверное, за доброту и весёлый нрав, потому что, когда отец был не сильно пьяный, он был очень добрым и весёлым.

Жил он одно время в Тярлево — это посёлок между Пушкином и Павловском. Там был частный дом, крепкий, каменный, с большим садом. Как-то отец пригласил меня пожить с ними, как раз я готовился поступать в техникум, решал всякие примеры, повторял математику. И вот я несколько дней, по-моему, неделю, жил в Тярлево. Видимо, чтобы заманить меня к себе, отец рассказал историю. Причём было подтверждение этой истории, которую сейчас перескажу.

Отец той женщины, с которой жил мой отец, был очень богатым, зажиточным человеком ещё до революции, можно сказать, купцом. У него был дом в Тярлево, накопления в виде золотых николаевских десятирублёвых монет. Когда случилась революция, он где-то их спрятал. И спрятал так, что, когда пришли немцы и началась временная оккупация (а в их доме, по-моему, немцы жили), никто ничего не нашёл. Но дети знали, что у отца где-то спрятан клад на территории дома или, может, сада, и что клад большой.

Дело в том, что однажды после войны хозяин этого дома собрал своих детей и каждому дал по золотой монете — вот эти десять рублей николаевских. Причём отец показывал мне такую монету. Она хранилась где-то в шкафчике у этой женщины. Я, конечно, с большим удовольствием эту монету крутил, облизывался, но, как меня отец и мать приучили с детства, чужого брать нельзя. Я видел, куда отец монету положил, но это было, конечно, табу. Однако мысль о том, что где-то здесь — может, в подвале, может, в стене дома есть клад, меня не могла оставить.

А дальше история такая. Буквально сразу же после войны хозяин дома, отец этой женщины, с которой жил отец, летом поехал заготовливать сено на телеге, запряжённой лошастью. Он заготовил сено и с огромным возом возвращался обратно. Нужно было переехать железную дорогу. Тогда ещё электричек не было, но пригородные поезда всё время ходили. Шлагбаума не было, был просто переезд, грунтовая дорога.

И вот он стоял с лошадьё, ждал, когда пройдёт поезд. Эта лошадь много-много раз проезжала мимо железной дороги и, в принципе, поездов не боялась. То ли поезд просигналил, когда мимо проезжал, то ли ещё что-то, непонятно, но лошадь вдруг дёрнулась, и получилось, что вагон зацепил упряжь лошади и поволок за собой. От толчка мужчина упал, ударился. Лошадь под поезд чуть не попала. Поезд в конце концов остановился. Мужчина потерял сознание, потом его в больницу отвезли, у него была вся голова разбита. Его парализовало, из больницы забрали, он где-то ещё год прожил, но был полностью парализован, не мог говорить, у него не шевелились ни руки, ни ноги, только глаза.

Как рассказывал отец, а ему, видимо, рассказывала эта его женщина, мужчина был в своём уме, всё понимал. Все переживали за него, но потом попривыкли к тому, что он лежит, задумались: а как же тайник? Где он, как узнать? Начали к нему приставать, спрашивать, вроде как он слышит. Писали ему: укажи глазами или моргни, где клад. Видно было, что он понимал, но так и не сказал. Может, он не захотел сказать из-за того, что никто не думал о его здоровье, а все только хотели узнать, где клад.

Он умер. После похорон перекопали весь сад, старшие дети обстучали все стены, весь чердак обыскали, в подполе полы вскрыли, копали — ничего не нашли.

Я-то думал, что это они ничего не нашли, а так как я поступал на геофизика, знал, что есть всякие приборы, которые могут в земле обнаружить и металл, и руду. И думаю: вот выучусь и потом приеду с прибором, поищу хорошенько и найду. Надо ли говорить, что когда отец и эта женщина уезжали на работу, а я оставался один, конечно, только и делал, что простукивал и обходил всё, прикидывал, где может быть этот клад. Конечно, ничего не нашёл, но вот это ощущение — радость и предвкушение кладоискательства — во мне осталось на всю жизнь.

Вспоминается, как в выходные дни мы всей семьёй, я был совсем маленький, ходили гулять в Екатерининский парк. Мама наряжалась, отец тоже любил наряжаться. Он был франтом. И он научил меня всегда чистить ботинки, чтобы у мужчины были ботинки чистыми. Научил меня отпаривать брюки. У него были рубашки, галстуки, костюмы, пиджаки, он носил шляпу.

Меня с Маринкой тоже наряжали. Мы шли по улице Огородной в Екатерининский парк. Там иногда катались на лодке. Но в парке, естественно, главными для нас, детей, удовольствиями были газировка и мороженое. Как только мы вступали на аллею парка, тут же начинали клянить у мамы: «Мама, дай нам на мороженое!» Мама давала нам какую-то денежку. Мы, естественно, спрашивали: «Мама, ты будешь?» Один раз мама ответила: «Да, и мне купите мороженое». Помню, спрашивал также и у отца: «Папа, а тебе купить мороженое?» Отец всегда отвечал: «Нет, не хочу». Меня всегда это поражало и удивляло: как же так? Неужели можно не хотеть мороженое, или пирожное, или газировку? Потому что я готов был пить эту газировку литрами, и мороженого мог съесть сколько угодно, впрочем, как и Маринка, моя старшая сестра.

Когда я подросток, вспоминая это, начал думать, что, наверное, денежек в семье было немного, и отец просто для того, чтобы нам больше досталось, говорил, что ничего не хочет. И только когда я совсем стал взрослым, когда у меня у самого и дети появились, а потом, работая в геологии, я понял, что когда отец вместе с мамой и детьми шёл гулять в парк, конечно, он хотел скорее где-нибудь пивка попить, может ещё лучше и водочку с бутербродиком с килечкой или хотя бы винца, а уж какое-то сладкое мороженое сто лет ему было не нужно. Но я это понял многие годы спустя.

Я очень благодарен отцу, что он научил меня не бояться леса, ориентироваться в лесу, собирать грибы. В первый раз

он взял меня за грибами, когда мне было, наверное, лет пять. Я помню, что даже в ближний лес, до которого четыре километра, местами на плечах меня нёс, потому что мне было тяжело пройти это расстояние. Потом я очень любил с ним ходить за грибами в дальний лес, до которого было восемь километров. Он научил меня запоминать различные приметы: пенёк какой-то необычный, раздвоенную берёзу, поваленное дерево, что-нибудь ещё такое приметное. И всегда учил запоминать, когда в лес заходишь, куда солнце бьёт: в спину, справа, слева, в глаза. Даже если пасмурно, то всё равно ты понимаешь, где солнце — там светлее. И многим другим приметам учил, в том числе народным.

Отец служил старшиной сверхсрочником в военном училище. Заведовал там продовольственным складом. Мне очень нравилось, что отец в форме, что у отца сапоги, медали, орден Красной Звезды, очень любил примерять его портупюю.

Когда мне было лет, наверное, двенадцать или тринадцать, мама с отцом развелась. Отец ушёл от нас и стал жить один. Он навещал нас. Более того, большую комнату в коммунальной квартире разделили перегородкой пополам. И вторая комната стала как бы отцова. Там я практически жил, занимал эту комнату.

Как я сказал, отец довольно часто навещал меня, Маринку. Случилась со мной эпопея, когда я поехал в Сибирь (на самом деле удрал из дома), но соврал, что еду по комсомольской путёвке. Сказал, что мне нужно на первую электричку, которая с Павловска уходит. Автобусы до Павловска не ходили, нужно было идти пешком, а дело было зимой. Неожиданно для меня отец приехал рано-рано утром, чтобы проводить меня и посадить на электричку. Ничего не сказал. Он вообще был мудрый человек. Моё шалопайство он воспринимал спокойно.

Помню историю, как, наверное, на первом курсе техникума я решил, что зимой надо мне испытать себя и поехать

куда-нибудь под Ленинград по Финляндской дороге, туда, в Карелию. Сойти где-нибудь на дальней станции и пойти в лес, чтобы просто переночевать там. Взял спички, топорик, ещё что-то. Еды никакой не брал осознанно, хотел посмотреть, как буду голод переносить. Мороз стоял градусов двадцать.

Перед отъездом я написал девочке, которая мне нравилась, письмо и отдал его отцу, сказав: «Отец, я пошёл в поход, если задержусь или что-то, передай письмо». А в письме было написано, что «если ты читаешь это письмо, то, наверное, я уже замёрз». В общем, мальчишеский романтический бред.

А история была действительно смешная. Я доехал с Финляндского вокзала, не помню, то ли до Сосново, то ли ещё до какой-то станции. Сошёл. Когда-то мы в те места в поход ходили. Поэтому я примерно представлял, что недалеко Ладога. Пошёл по дорожке, которая, видимо, вела в какой-то населённый пункт. Потом свернул куда-то, пошёл по сугробам, залез в чащобу. Фонарик у меня с собой был. Начал искать место, где можно устроиться на ночлег. Нашёл поваленное дерево, решил рядом разжечь костёр. Достал топор, начал искать сухие ветки. А я был в валенках с галошами, галошину где-то в сугробе одну потерял — это мне уже не понравилось. Потом никак не мог найти сухих веток и разжечь костёр. Газету или бумагу с собой взять не догадался.

Короче, промыкался. Уезжал я, когда было темно, но не так поздно, около восьми часов. И где-то часов в одиннадцать стал я выбираться назад на дорогу к станции. Романтики нахлебался — хорошего помаленьку! Кстати, напугал по дороге какую-то женщину. Иду в сторону станции, а до станции километра три, вдруг слышу, что кто-то навстречу идёт. Я остановился. И тут женский голос кричит: «Петя, это ты?» Отвечаю, что я не Петя. «А кто вы?» — «Да так просто». Я вижу (луна светит), что женщина собирается разворачиваться. Я ей кричу: «Не бойтесь. Я на станцию иду, немножко плутанул».

Она слышит, что голос вроде мальчишеский, но кто его знает, что там за мальчишки ходят по лесу. А до посёлка тоже где-то километра полтора. Кстати, похоже, она километров пять каждый вечер со станции ходила. Я тогда ей сказал, что сейчас зайду в лес, в сугробы, а вы проходите. Она бегом пробежала мимо меня.

Я дошёл до станции, успел на последнюю электричку, приехал на Финляндский вокзал, ещё метро работало, доехал до Витебского. А с Витебского вокзала уже в мой родной Пушкин электрички не ходили, было поздно, и мне пришлось ночевать на вокзале.

Сейчас мы все хорошо знаем про всяких маньяков, педофилов, про всех этих мразей, а тогда даже ничего такого не знали. Судя по всему, они тогда тоже водились. Помню, что зал ожидания Витебского вокзала был битком забит. Я сел на широкий подоконник, привалился к раме. С собой рюкзак, в котором, как я уже говорил, в том числе топорик с деревянной ручкой, небольшой, но настоящий. Сижу. Где-то больше часа ночи, может, два. Вдруг подваливает какой-то мужичок и начинает разговоры разговаривать, а потом предлагает: «Что ты тут будешь? Я рядом живу, пойдём ко мне, телевизор включу, хоккей посмотрим». Я только потом сообразил: какой в два часа ночи хоккей? Какой там телевизор? Тогда не было круглосуточного вещания, как сейчас. Тогда вообще в одиннадцать или в двенадцать часов всё заканчивалось по телевизору. Дело в том, что я никуда не собирался идти и послал этого мужика более-менее в первый раз интеллигентно. Он ушёл. Через полчаса он вернулся, опять заговаривает. Он уже просто надоел, потому что я начал дремать. Когда он в третий раз пришёл, я перестал ему что-либо отвечать, надоел. А он не отстает: чего ты молчишь, как тебя зовут, сколько тебе лет, где живёшь? Всякую хрень спрашивает. И тут я почему-то взял и на колени положил свой рюкзак, демонстративно его развязал. Хотя помню, что не собирался показывать топор. Честно

говоря, даже забыл, что он у меня есть. Что-то мне в рюкзаке понадобилось, но, когда мужик увидел в рюкзаке топор, его как ветром сдуло. Ну и слава Богу.

На первой электричке я приехал в Пушкин. Отец собирался на работу, молча мне письмо отдал. Я видел, что оно нераспечатанное. Отец ничего не сказал, не спросил: где я был, что делал? Только узнал: «Всё нормально?» Я сказал: «Да, всё нормально».

Отец курящий был, курил непрерывно «Беломор», как я уже говорил, выпивал. Однажды в 78-м году, я уже был женат и жил в Ленинграде на Гражданке, вдруг звонит Маринка (у нас дома был городской телефон) и говорит: «Серёжа, отцу что-то плохо, он проверялся на Песочной (а там находился онкологический центр). Я не могу (она тогда сидела с сыном, маленьким Вовкой, моим племянником, ему было, наверное, года три), съезди с отцом в больницу, там вызывают кого-то из родственников».

Я с ним поехал. Мы зашли с отцом к врачу, врач спросил, кто я, узнав, что сын, поинтересовался, сколько мне лет. Я сказал, что двадцать пять. Он тогда попросил отца выйти. Когда отец вышел, врач сообщил: «К сожалению, должен сказать, что у вашего отца рак четвёртой степени, рак бронхов. Осталось жить ему максимум две-три недели».

Это для меня было как обухом по голове. Врач предложил: «Можете отцу об этом сказать, он у вас фронтовик». Но я решил, что не буду говорить. Когда я вышел, отец стал приставать: «Что тебе врач сказал? Что-то плохое у меня?» — «Нет, батя, сказали, что курить тебе надо бросать». — «Ну вот ещё, с чего буду я курить бросать?» И уехал. Жил он тогда с женщиной, Галиной Николаевной, как сейчас помню.

А я поехал к Маринке, рассказал ей. Она расплакалась и говорит: «Давай, Серёжка, у своих друзей-геологов ищи мумиё». Я впервые услышал это слово, до этого никогда не знал. «А что это такое?» — спросил я. «А это где-то в горах на

камнях такая смола есть. Это мумиё может помочь нашему отцу».

Я навёл справки. Действительно нашёл знакомых геологов, которые продавали это мумиё — дорого! Но тут уж какие деньги считать? Мне рассказали, как нужно его использовать: разводить по два грамма в десяти столовых ложках воды кипячёной, но холодной. Я всё это Маринке передал, она ответила, что это всё знает. Начала давать отцу это мумиё. Отец сначала ругался: «Что ты мне всякую отраву даёшь?» А у него буквально через несколько дней начались сильные боли, и тут он понял, что когда пьёт мумиё, то боли уходят. Отец и к врачу обратился только тогда, когда горлом пошла кровь и голос пропал, стал шёпотом говорить. Он рассказывал, что долго не могли кровь остановить, поэтому к врачу и обратился. Что интересно, на этом мумиё отец прожил ещё год. Причём, чертяка, он курил, пил. У него женщина была, с которой он жил.

Отец тогда работал в ВОХРе, военизированной охране. С винтовкой охранял какой-то объект. Трое суток отдыхал, а сутки дежурил.

Диагноз ему поставили в июле 1978 года, а 31 мая 79-го года Маринка мне позвонила.

А до этого, отвлекусь, была история-эпопея. 31 марта 1978 года родился мой сын Ярослав. Моя мама, конечно, видела внука. И я очень хотел, чтобы отец увидел внука, продолжателя рода.

Тогдашняя моя жена, и особенно её мама, тёща, Царство ей Небесное, не любили отца.

Была история, когда умерла моя тётя Фруза (тоже отвлекусь) — это родная сестра отца. Про неё потом расскажу отдельно. Когда она умерла, родня меня позвала на похороны. Я приехал, кто-то занимался организацией похорон, могилой. Была зима, мороз стоял под тридцать.

Когда мы процессией подъехали к воротам Казанского кладбища, кто-то из мужчин пошёл узнавать, где могила.

Приходит растерянный и говорит: «Представляете, могила-то не выкопана». Тут я понял, что нужно самому подключаться. Пошёл в каптёрку. Там сидят мужики у печки, греются. Я спросил, почему могила не выкопана. Они мне ответили, мол, кто тебе будет калёную морозом землю долбить. Я понимаю, что наверняка у них есть какой-то выход, спрашиваю: «Сколько?» — «Четвертной». Благо у меня деньги были, дал четвертной. Тут же нашлась готовая могила.

Почему-то я был в полуботинках каких-то, бегал в них по этому кладбищу. Короче, всё организовал, но очень промёрз. И прямо на могиле, когда стали поминать, стакан водки выпил. Потом к тётё Шуре приехали, там помянули. Одним словом, приехал на такси домой на своих ногах, но такой уже «тёпленький». Так запомнились слова бывшей тёщи, которая, увидев меня, сказала моей тогдашней жене: «Вот видишь, яблоко от яблоньки недалеко падает. Я тебе сколько говорила: что ж ты за сына алкоголика замуж выходишь?» Хотя я тогда был не очень трезвый, но так стало обидно...

Почему об этом рассказываю? Чтобы объяснить, почему отца не любили и на все мои предложения взять Ярослава и отвезти к отцу отвечали отказом. У меня был тогда жив мой друг армейский Костик. Мы с ним разработали целую операцию. У Костика была машина «Жигули», была жена Ирина, тогда детей у них ещё не было. Мы решили, что поедем в Пушкин к моей сестре Маринке. А отец очень часто жил тогда у Маринки, в той как раз комнатке.

И вот мы приезжаем туда, и обнаруживается, что отца уже два дня здесь нет. Телефонов мобильных не было. Единственный телефон-автомат у входа в военное училище, в полукилометре от Маринкиного дома. Я бегом к телефону, догадался позвонить тётё Маше. А он точно — у неё в Питере, на Ново-Благодатной улице. Я говорю: «Отец, как же так? Я специально привёз тебе внука Ярослава показать, а ты?» Он еле

шёпотом говорит, чуть не плачет, сам расстроился. Тогда я принимаю решение: «Ладно, батя, жди, хоть на пять минут, но я заеду к тёте Маше и покажу тебе Ярослава».

Вызвал Костика из комнаты, объяснил ему ситуацию. Говорю: «Погостили у Маринки, теперь, давай, поедем как бы домой, а на самом деле вези прямо к тёте Маше. Пока Ленка поймёт, пока то, сё, я Ярослава возьму, поднимусь, отцу покажу. А дальше пускай ругается, не ругается». Мы так и сделали.

Жена тогдашняя Лена сначала ничего не поняла. Ехали из Пушкина в Ленинград, но, когда в Ленинграде с Московского проспекта свернули, она начала волноваться, потом догадалась. Мы подъехали к подъезду хрущёвки. Поднялся на пятый этаж с Ярославом, он расплакался. Я позвонил в дверь. Помню, что отец сидел за столом. Протянул ему Ярослава, он взял его на руки. Тот орёт, у него ещё диатез был. Это был май месяц, Ярославу где-то год с небольшим. Отец ему, помню, апельсин протягивает. Смотрю на отца — а он чуть не плачет, потому что внука держит. Внук у него уже был — Вовка, но там Маринка фамилию взяла мужа — Болдырева, а тут — Миронов Ярослав Сергеевич.

Вернулся в машину с Ярославом, Ленка со мной долго не разговаривала, но главное, что я свой сыновий долг выполнил и внука отцу показал.

1 июня 1979 года отца положили в больницу. А у нас был сосед Миша Дудник, врач скорой помощи, он работал в больнице Семашко. Марина попросила Мишу положить отца в Семашко.

Третьего июня позвонила Маринка и попросила: «Серёжа, приезжай, отцу совсем плохо». Я 4-го отпросился с работы, приехал и направился прямо в больницу Семашко. Отец лежал в коридоре, в проходе. А я бодрячком спрашиваю: «Отец, как, чего? Что тебе принести из еды?» Он прошептал: «Принеси мне бритву». Отец стал совсем худой, у него внутри всё булькает, хлюпает, когда дышит. Я посидел, наверное, минут

тридцать. Встаю уходить. Тут врач какой-то проходит мимо, видимо, дежурный, говорит мне: «Чего вы торопитесь? Посидите ещё, вас никто не гонит». Мне бы, дураку, понять, но молодой был, ещё не догадывался. Вижу, что отцу тяжело и ему хочется сплунуть или ещё что-то, а при мне стесняется. Поэтому минут пять посидел и ушёл.

Приехал домой к Маринке, рассказываю, как батя плохо, и говорю: «Маринка, наверное, отец уходит, потому что совсем ему тяжело и есть он уже не может». Только это сказал, звонок в дверь, открываю, а там Галина Николаевна, у которой он жил в последнее время, плачет: «Серёженька, папа ушёл». Оказывается, она следом за мной пришла в больницу, и он через десять минут после того, как я ушёл от него, умер. А я, балда такой, не дождался.

В тот же день я поехал туда, где отец работал, на Бульвар Киквидзе, там была контора вневедомственной охраны. 31 мая отец был на работе, а 4-го июня он должен был заступить на смену. И вот 4-го июня я зашёл в контору, поздоровался, попросился к начальнику, объяснил, что я сын Михаила Емельяновича Миронова. Начальник спросил: «А что с Мишей случилось? Такой дисциплинированный. В первый раз за всё время на работу не вышел». Я сказал, что он умер. «Как умер?» — начальник очень удивился. Все видели, что он худой и голос потерял, но крепкий был. Год целый прожил отец, несмотря на то что курил, вместо трёх недель.

А пришёл я просить автобус на похороны.

Вот так отца моего не стало. Царство ему Небесное.

О дяде Саше по прозвищу Петля. Человеке необыкновенной смелivosti и безрассудства

Рассказ про родного дядю, брата моей мамы Александра Фёдоровича Варламова. До войны он ходил в аэроклуб, а во время войны был лётчиком. Когда я ещё подростком учился в школе, как-то с дядей Сашей пошёл в баню и там обратил внимание на его отсечённую ягодицу, вместо которой был виден огромный шрам.

Дядя Саша работал после войны шофёром, потом таксистом. По жизни был весельчак, юморист. Как мама говорила, его в семье звали Петля. А Петлём его называли потому, что он из любой истории, где напраказничал, умело выворачивался, и наказывали кого угодно, только не его. Братья и сёстры так его и звали — Петля. Он был очень способным по части техники, поэтому и пошёл в аэроклуб. Жил он со своей семьёй в деревне (по-моему, Большая или Малая Любунь). Однажды в подростковом возрасте дядя Саша ничего умнее не придумал, как на чердаке деревенского дома собрать мотоцикл. Причём полностью собрал: с колёсами, мотором, со всеми делами.

В один прекрасный момент он завёл мотоцикл на чердаке. Легко можно представить, что стало в доме, как полетела пыль с чердака и вообще всё, что возможно, в избу. Его родители (мои дедушка и бабушка) его наругали. Но когда дед (его отец) залез на чердак и увидел реально мотоцикл, который работает, он рассказал односельчанам. Было принято решение спустить мотоцикл с чердака. Но через люк с чердака в сени мотоцикл не пролезал. Тогда мужики разобрали переднюю часть под крышей, стреху — стенку, где обычно окно слуховое делается, и на верёвках спустили этот мотоцикл.

Теперь его рассказ. Не знаю, что здесь правда, что вымысел, потому что сейчас, когда запрашиваю все архивные материалы, точно знаю, что дядя Саша окончил аэроклуб, был лётчиком, но дальше не могу найти никаких подтверждений того,

о чём сейчас расскажу. А эту историю он мне рассказывал в лицах. Я её очень хорошо запомнил.

Вот воюет дядя Саша, а он был уже офицером (то ли лейтенантом, то ли старшим лейтенантом). У него были какие-то награды, может, медали, может, орден был, подробностей не помню. Помню, забегаю вперёд, что за тот проступок, о котором дальше расскажу, его всех наград лишили.

И вот, как часто бывало, отправляют в тыл на переформирование его авиационный полк, причём тыл глубокий, в город, где даже есть танцы и в парке фонарики горят.

Дядя Саша — боевой лётчик, офицер, приезжает туда. А он был такой ухарь с точки зрения женского пола. Он до самой смерти, Царство ему Небесное, таким и оставался. А у коменданта города, офицера, была любимая девушка, и весь город это знал. Дядя Саша ничего лучше не придумал, как у этого коменданта города отбить девушку, которая влюбилась в дядю Сашу.

И вот однажды в летний денёчек шёл морозящий дождик. Почему это имеет значение? Потому что дядя Саша рассказывал, что он плащ-палатку взял, чтобы свою зазнобу во время прогулки по парку укрыть от дождика. Они гуляют по парку и собираются идти на танцы потом. А танцы проходили на открытой огороженной площадке. Вдруг сослуживец к нему подбегает и предупреждает: «Сашка, ты тут гуляешь, а комендант пьяный бегаёт по всему парку с пистолетом и говорит, что тебя сейчас убьёт за то, что ты девушку у него увёл!»

Дядя Саша информацию принял к сведению и, тем не менее, ведёт девушку на танцплощадку. Издалека видит, что в проходе на площадку стоит, шатаясь, этот комендант, и рука у него в кармане галифе. Дядя Саша понял, что там не просто рука, а рука с пистолетом, и что как только он поравняется с ним, комендант будет стрелять. Дядя Саша достал (а все офицеры во время Великой Отечественной войны были с оружием) свой пистолет (наверное, ТТ, не знаю, какой у него был), взял его в правую руку, набросив сверху плащ-палатку, чтобы не был

виден пистолет. Лево́й рукой держит под ручку свою девушку и продолжает идти, разговаривая с ней. Подходит к месту, где стоит капитан, делает вид, что его не видит. Не доходя буквально два-три метра практически в упор стреляет в него сквозь плащ-палатку. Уж не помню, убил или тяжело ранил.

Естественно, тут же дядю Сашу арестовывают. Военный трибунал разжаловал в рядовые, отнимают все ордена и в штрафбат — в пехоту. И вот буквально только-только после трибунала в штрафбате на передовой ставится задача: вот такая-то высота, которую нужно взять. Говорят: кто возьмёт высотку — всё, искупил своей храбростью проступок, — того возвращают в часть. Убитый станет погибшим смертью героя, а если ранен будет, то искупил вину кровью и всё ему прощается.

Дядя Саша рассказывал, что немецкие пулемёты так стреляли, что головы невозможно было поднять. Но солдаты штрафбата перебежками ползли-ползли, бежали-бежали. Оставалось совсем немного, дядя Саша залёг головой в сторону дота или дзота. Вдруг он чувствует, что ему как будто лопатой по заднице кто-то как даст! И боль страшная. Дядя Саша сунул руку — вся рука в кровище. Даже шевелиться больно. Остался так лежать. Оказалось, что осколок или пуля (не помню что) попала ему в ягодицу, и он мне говорит, что «всю жизнь молю Бога и свечку ему ставлю за хирурга в полевом госпитале, который спас меня от расстрела».

Когда его привезли в госпиталь, он был без сознания, потерял много крови. Хирург засвидетельствовал, что это ранение в ягодицу. Понятно, что если в ягодицу, значит, ты повернулся и побежал обратно и тебе в ягодицу стрельнули. Но хирург уточнил, что дядя Саша лежал головой в сторону наступления, то есть, что он не трус, а ранение такое, потому что так стреляли. Если бы хирург не сделал этого уточнения, дядю Сашу расстреляли бы за дезертирство.

Дальше его судьбу не помню. То ли он продолжал летать, то ли ещё что-то, по крайней мере, уже не в штрафбате. Война закончилась, жив остался.

Ещё история про дядю Сашу и про то, как он за женщинами приударял. Жил он в Боровичах Новгородской области, работал шофёром и часто приезжал к нам в Ленинград.

Я был, наверное, в классе седьмом-восьмом, и вот он приехал к нам на своей грузовой машине. Машину оставил у нашего дома. Я пришёл из школы, он говорит: «Серёжка, пойдём в баню сходим». Мы пошли в баню, напарились, и там как раз я увидел этот шрам. Может, в тот раз он мне и рассказал эту историю о своём ранении.

Дело было днём, народу мало в бане. Мы после бани пошли в буфет. Дядя Саша достал из кармана деньги, насчитал 33 копейки и говорит буфетчице: «Мне большую кружку пива, а племяшу — маленькую». Как сейчас помню, большая кружка пива стоила 22 копейки, маленькая — 11. Буфетчица нам налила пива. Я стою, цежу, довольный, что мне пива дали. А дядя Саша берёт — раз, кружку пива залпом выпил, ставит на стол и говорит: «Эх, ещё бы дюжину таких! Только денег нет».

Буфетчице, видимо, скучно стоять, она ему в ответ: «Ты тут болтать будешь мне! Какая дюжина?!» И они поспорили. «Давай, — говорит дядя Саша, — наливай мне дюжину кружек пива, я сейчас залпом все их выпью. Если все выпью, значит, не плачу, а если не выпью, вот сейчас племяша пошлю к сестре за деньгами, и расплачусь».

Буфетчица ему успела налить, не помню, то ли три, то ли четыре кружки. А он, я впервые такое видел, открывал рот и практически вливал кружку в себя, только кадык два раза дёрнулся. Когда третью кружку он так заглотил, буфетчица крикнула: «Пошёл отсюда!» Поняла, что спор проигрывает. Но при этом вдруг дядя Саша мне сказал: «Ты, Серёжка, беги домой, скажи, что ночевать сегодня не приду». Судя по всему, буфетчице он понравился не только умением пиво пить.

Вот такой был дядя Саша. Царство ему Небесное.

Тётя Фруза – сестра отца, пережившая блокаду

Тётя Фруза — старшая сестра отца — Ефросинья Емельяновна Миронова. Она оказалась в Ленинграде ещё до войны. Ей сдали комнатку рядом с кухней хозяйка большой квартиры на Маяковской улице. Судя по всему, до революции она действительно была хозяйкой этой огромной квартиры, но потом были уплотнения. Кончилось всё тем, что эта хозяйка осталась в двух или трёх комнатах, остальные комнаты были заняты. А комнат там было под тридцать. Причём помню, так как мне довелось в этой квартире пожить. Там было два туалета, один — отдельный, а другой унитаз находился там, где была ванная. Причём в ванной стоял титан, который когда-то топили дровами. Во время войны, в блокаду, именно туда, на улицу Маяковского, приходил отец, когда спас сестёр от голода — тётю Фрузу и тётю Машу.

Дом, кстати, очень интересный. Это улица Маяковского, а дом номер 36/38. Обычно, когда такие дома через дробь — это угловой дом. То есть, по одной улице такой номер дома, а по другой — через дробь номер. Но этот дом не угловой. Почему тогда номер с дробью? Потому что дом, где жила тётя Фруза, и подъезд с улицы Маяковской под номером 36, а если войти во двор через подворотню, то там флигель — дом номер 38.

Дом красивый, старинный, с аркой. Красивый подъезд, парадная лестница. Очень красивые стёкла с витражами на этой лестнице. Жила тётя Фруза на третьем этаже. Я помню, что бывал у неё в гостях там даже с родителями, ещё когда был маленький, и хорошо эту квартиру знал.

Когда после армии я поступил в Горный институт и начал там учиться, то каждый день ездил на электричке из Пушкина до Витебского вокзала. Приходилось вставать рано.

И вот я уже учился на первом курсе, это была осень 74-го года.

Надюшке, моей племяннице, дочке сестры, почти год исполнился. Конечно, Маринка хотела как можно скорее пойти работать, чтобы деньги зарабатывать. И ей пришла в голову гениальная идея. Однажды она говорит: «Серенький, а как ты посмотришь на то, если я сюда выпишу тётю Фрузу, она будет жить в твоей комнате и нянчиться с Надюшкой, а я смогу работать, а ты тогда поживёшь у неё в коммунальной квартире?» Сказать, что я обрадовался, это ничего не сказать. Мне, конечно, надоели эти электрички. Я всегда рано вставал и встаю, для меня это не сложно, но меня всегда убивало, что в разгар любой студенческой вечеринки, когда все до утра гуляли, мне нужно было не опоздать на последнюю электричку. Где-то полпервого максимум я бегом-бегом на последнем поезде метро и затем на электричке уезжал в Пушкин. А улица Маяковского — это основная материковая часть Питера, то есть проблема мостов не должна была меня волновать. Конечно, я такой перспективе обрадовался.

Я поехал к тётке Фрузе. Она познакомила меня со старшей квартиры. Это была пожилая еврейка, звали её, по-моему, Роза Соломоновна. Роза Соломоновна сказала: «Серёжа, я не буду возражать, если ты будешь здесь жить вместо Фрузы, но имей в виду, у нас очередность уборки общих мест пользования — это кухня, коридор и два туалета с ванной. Ты сможешь убирать тщательно?» Я не без гордости сказал, что вообще-то отслужил в армии, поэтому для меня это не проблема. Забегая вперёд, скажу, эта Роза Соломоновна потом всегда хвалила меня и говорила: «Вот, Серёжа, я всегда вижу, когда ты дежуришь, потому что в идеальном состоянии пол на кухне, туалеты выдраены». Про себя я улыбался, потому что в учебке в Гайжюнае всему этому меня очень хорошо научили.

И вот началась замечательная моя жизнь, когда тётка Фруза переехала в Пушкин, а я стал жить в Ленинграде, прямо

в центре, рядом с Невским. Я просто балдел от счастья. Мог под утро прийти домой, выходные стал проводить вместе с друзьями-однокурсниками в Ленинграде. Проблемы жизни в коммунальной квартире меня не смущали. Я жил до этого в коммуналке. У нас, правда, было четыре семьи, а тут семей двадцать. Но для меня это было абсолютно нормально. Тем более, что я там только ночевал, не так часто я там был.

Кстати, запомнилась мне эта комнатка с одним окном, узкая, метров, наверное, двенадцать, причём высота потолков была метра четыре, даже с половиной. Когда-то это были анфилады комнат, как было принято. В комнатке тётки Фрузы было видно, что в боковых стенках когда-то были двери, а теперь обои на них наклеены. Через обои выступали петли от этих дверей.

Причём это были двойные двери, которые распахивались, как в анфиладных комнатах. У тётки Фрузы была старая никелированная кровать с шишечками, с пружинами, периной. Почему я так хорошо это помню? Кто-то дал мне почитать, по-моему, это ещё не книга была, а в «Роман-газете» опубликовали роман Богомолова «Момент истины» (или «В августе 44-го»). Я помню, дали мне его на одну ночь. Я сел на кровать, начал читать эту увлекательную книгу, а очнулся под утро (кто читал роман, тот поймёт меня, там кульминация идёт перед знаменитой фразой: «Бабушка приехала») и увидел себя стоящим на четвереньках на кровати, раскачиваясь на пружинах, а книга лежала передо мной. Как я оказался в таком положении, не помню, но, кто читал, поймёт, потому что действительно книга уникальная и очень захватывающая.

Когда я работал в Монголии (а там я отработал 10 лет), женился второй раз на коллеге — технике-геологе Любаше. Родом она из Белгородской области, из города Губкина. На тот момент Любаша жила и работала в Зеленогорской экспедиции, которая находилась в Свердловске. Поженились мы с ней в 84-м году, расписались в советском посольстве в Монго-

лии, через год у нас родилась дочка Иришка. До 91-го года мы все вместе находились в Монголии.

Настало время думать о том, куда возвращаться в Советский Союз — в Ленинград или в Свердловск, у нас на протяжении года шли споры, дискуссии. У жены была шикарнейшая квартира в Свердловске на проезде Решетникова, где стояли три точечных 16-этажных дома. У неё была квартира на 13-м этаже с огромным холлом, огромной кухней, большим, правда, совмещённым санузлом и хорошей комнатой с паркетным полом. Но самой потрясающей в этой квартире была лоджия. Чтобы вы поняли, какая она была шикарная, — в ней раскладушка помещалась поперёк, так спокойно вставала, я там спал летом. Забегаю вперёд. Когда в первый год после рождения Иришки я уехал в поле, а Люба осталась в Свердловске, Ирка у нас гуляла в коляске и летом, и зимой на этой лоджии, как на улице. Можно было на улицу не выходить.

А у меня к тому моменту в Ленинграде была кооперативная однокомнатная квартира на Светлановском проспекте. И вот у нас были споры: куда возвращаться жить. Я, конечно, настаивал на Ленинграде, а Люба прикипела к Свердловску. Тем более, квартирка моя была, наверное, в два раза меньше её, в Свердловске. Тем не менее, я напирал на то, что дочке нужно будет учиться, и лучше учиться в Ленинграде. И так мы спорили долго, пока за это время дочка не подросла.

Помню, было ей пять лет. Однажды за ужином началась очередная дискуссия, очередные споры: куда ехать? Сидела Иришка, ела свою кашу, потом положила ложку, посмотрела внимательно и говорит (мы опешили, потому что сказано это было совершенно серьёзно, правда, она букву «р» тогда не выговаривала), обращаясь к Любе: «Мама, зачем ты спиришь? Ты ведь знаешь, всё равно будет так, как хочет папа. Он в мелочах всегда тебе во всём уступает, а в принципиальных вопросах ты поступишь так, как хочет он». Мы чуть со стула не упали, потому что, во-первых, это было поразительно слы-

шать от пятилетней дочки, а, во-вторых, это было правдой — реальностью. Мы, конечно, не могли не удивиться. И так, мы приняли решение, что поедem жить в Ленинград.

Когда мы приехали из Монголии в Ленинград, разместились в этой моей квартире (в книге «Серёга», где про путч, я описываю этот момент). Потом я специально съездил в Свердловск и всю мебель из квартиры жены погрузил в контейнер и переправил в Ленинград. Естественно, мы решили, что можно обменять квартиру в Свердловске и мою квартиру в Ленинграде на двухкомнатную. Я начал давать объявления, где только можно. Тишина полная. Кто-то меня надомил, что на Сенной площади есть стихийный риелторский рынок (если говорить современным языком). Там шло строительство метро и на заборе вокруг стройки вешались объявления. Кроме объявлений, там ещё толкались маклеры. Они владели всей информацией. И там можно было найти подходящий вариант.

Я пришёл туда и начал приклеивать объявления, написанные от руки, где было сказано, что две квартиры (в Свердловске и Ленинграде) хочу обменять на двухкомнатную в Ленинграде. Не успел я приклеить второе или третье объявление, ко мне подошёл один человек и сказал: «Молодой человек, простите, но это нереально». — «Что нереально?» — «То, что вы запрашиваете». Я ему рассказал, что в Свердловске шикарная квартира с большой площадью, шикарной лоджией. А он мне: «Послушайте внимательно, это абсолютно нереальный вариант, вы никогда не обменяете». Я удивился: «Хорошо, а какие другие варианты?» — «Абсолютно реальный вариант — обменяйте квартиру в Свердловске на комнату в коммунальной квартире в Ленинграде, а потом вашу однокомнатную квартиру в Ленинграде и комнату в коммуналке вы спокойно обменяете на хорошую двухкомнатную квартиру».

Я пришёл домой, рассказал об этом Любе. Она была в трансе: как? Её шикарную квартиру на какую-то комнату в

коммуналке! Но делать нечего. Уже зная это замечательное место на Сенной площади, сделал новое объявление для начала о том, что меняется квартира в Свердловске на комнату в коммунальной квартире в Ленинграде, и повесил его. Вернулся домой (в объявлении я, естественно, оставил домашний телефон, мобильных тогда не было), а Люба с порога говорит: «Телефон обрывают, столько вариантов!» Я начал выслушивать варианты, многие отметал сразу в силу либо места нахождения, либо ещё по каким-то причинам.

И вот однажды, буквально через считанные дни, раздаётся звонок и на другом конце женщина говорит: «Вы знаете, мне так нужна квартира в Свердловске. У меня есть комната, но единственное, в очень большой квартире. Но зато эта квартира находится в центре Петербурга». Я спросил, по какому адресу. Вот здесь можно не верить, но, когда она сказала, что на улице Маяковского, что-то у меня ёкнуло. «А какой дом?» — спросил я. Как только она назвала первую цифру дома «36», я тут же выпалил: «Дробь тридцать восемь?» Она опешила: «Откуда вы знаете?» Ответил, что знаю этот дом. Спросил этаж. «На третьем». — «А номер квартиры?» Она назвала, но номер квартиры я к тому времени забыл и сказал: «Знаете, я хочу посмотреть». Она в ответ: «Я только предупреждаю, что это ужасная огромная коммуналка». Я сказал, что знаю коммуналки в этом доме.

Поехал смотреть. Встретились у подъезда, заходим, поднимаемся по хорошо знакомой лестнице, подходим к двери знакомой мне коммунальной квартиры. Она открывает ключом дверь. Мы только заходим (а две комнаты Розы Соломоновны были прямо напротив входной двери), вижу подслеповатенькую, совсем седенькую, старенькую эту Розу Соломоновну. Я только хотел открыть рот, как услышал: «Ой, Серёженька!»

Женщина, которая меня привела, была в шоке (потом я, конечно, рассказал ей всё). Мы пошли дальше по коридо-

ру, я подумал, что по закону жанра и комната окажется тёти Фрузы. Но комната оказалась через одну. Я зашёл. Комната была в абсолютно убитом состоянии: облупленная краска, на окнах обои висят, потолок грязный, серый. Единственное, там везде был паркет. Эта женщина на меня абсолютно безнадёжно смотрит и говорит: «Наверное, вам не понравилось. И квартира такая большая, коммунальная». А я уже абсолютно уверенный, не посоветовавшись с Любой, говорю: «Вы знаете, будем меняться». Она аж вскинулась: «Неужели! Неужели мне так повезло?» Я даже ей сказал: «Я по-другому это не могу понять, как тётя Фруза, которая меня очень любила, шлёт мне с того света как бы привет, потому что таких совпадений в пятимиллионном городе быть не может. И я знаю, это значит, что у меня всё будет хорошо с дальнейшим обменом».

Надо ли говорить, когда я приехал домой, рассказал Любе, у неё была истерика, потому что она не могла представить, как её шикарную квартиру на какую-то коммуналку (несмотря на то, что она в центре) можно поменять. Я потом показал Любе комнату, вид её привёл жену в совсем ужасное состояние. Но мы решили, что сами сделаем косметический ремонт. Я научился за время работы в геологии делать всё. На самом деле мог и дом построить, не то, что квартиру отремонтировать. Мы с ней буквально за несколько дней привели комнату в порядок, поклеили обои. Лишний раз убедился по поводу дверей: когда мы ободрали обои, за ними были реально видны старинные двери.

Я, уже зная замечательные свойства Сенной площади, дал объявление, что меняю кооперативную квартиру на Светлановском проспекте и комнату в коммуналке (причём по-честному написал, что в большой коммуналке) на улице Маяковского. Та же самая история — не успел вернуться домой, пошли звонки. Буквально на втором или третьем звонке предлагают на проспекте Просвещения двухкомнатную квар-

тиру, не помню номер серии, но она на тот момент называлась «польская». Как оказалось, действительно, несколько таких домов было построено в Ленинграде. Это блочные дома, но уникальной планировки. Квартира наша была на втором этаже, без балкона, но зато с большой прихожей, с отдельным санузлом, большими кухней и комнатами, и даже с кладовкой. Естественно, мы тут же согласились и буквально в считанные дни переехали, сделали там ремонт. Люба была счастлива. Вот так тётя Фруза в прямом смысле слова с того света помогла мне.

Тётя Фруза ещё запомнилась мне, когда она нянчилась с Надюшкой. Она говорила немножко с белорусским акцентом, потому что Смоленская область рядом с Белоруссией. Когда что-то ласковое говорила Надюшке, произносила это так: «Кукушка моя шерая птушка». Вот так она обращалась к Надюшке, очень хорошо это запомнил. Царство Небесное тёте Фрузе.

Сестра моя Мариночка. Почти детективная история

Эту историю я, наверное, никогда бы не поведал, если бы не захотел рассказать, как и что бывает между самыми близкими и родными людьми и как иногда, в прямом смысле из-за любви, невольно можно человека практически подставить.

А началась эта история, когда мне было, наверное, семнадцать лет. Я учился в техникуме на первом курсе. У нас в группе был один парень, Ромка, он был не ленинградец. Его сестра вышла замуж за питерца и жила в Питере. А у отца мужа Ромкиной сестры была, как сейчас бы сказали, дача, но все её называли хутором. Этот хутор находился далеко в Карелии, на территории бывшей Финляндии, поэтому и хутор.

Однажды зимой Ромка сказал, что есть идея во время выходных устроить на этом хуторе пикник. Мы все загорелись. По его рассказам, это какое-то дичайшее место, куда надо долго ехать. А для нас, как сейчас говорят, любой кипеж, кроме голодовки, всегда за счастье, особенно с моим другом Толяном, с которым вместе учились.

В пятницу мы всей группой поехали туда. От Питера сначала нужно было ехать на электричке с Финляндского вокзала. Ехали весело, большой компанией, у нас, по-моему, была даже не одна гитара. После электрички мы ещё два или три часа добирались, как мы называли, на подкидыше. А потом нужно было ждать автобус, который между деревнями ездил, на нём километров двадцать ехать по песчаной дороге, а потом в определённом месте сойти и четыре километра идти тропой по тайге, где было очень много скал, бараньих лбов, как их называли местные. Это наследие ледника.

Шли по заснеженной тропе, где первому приходилось прокладывать путь, проваливаясь в снег, многие устали, по-

тому что тащили на себе рюкзаки с провизией и со всеми делами. Ромка успокаивал, что там печка, дрова, что там будет тепло. Когда открылся перед нами вид (тропинка спускалась к озеру), мы обалдели от красоты — от заснеженного огромного дома на берегу, от потрясающе красивого озера с островами. Когда-то у этого одинокого хутора была конюшня с какими-то хозяйственными постройками. На тот момент это был огромный каменный дом. Дом капитальный. Мы понимали, что всё для строительства этого дома могло доставляться только летом по воде на лодках, а зимой, наверное, на санях или ещё на чём-то по озеру, потому что другой дороги не было. К дому вела только эта довольно узкая тропа.

В доме растопили печь, выпили вина. Началось веселье, гулянье. Всю ночь песни пели, выходили валяться в снегу. Одним словом, студенческая весёлая вечеринка. Утром выпались. Спали кто где, кто в спальниках, а кто нашёл какие-то спальные места.

Вечером было некогда, а днём разбрелись кто куда. В доме мы сразу обнаружили штык от винтовки, без затвора винтовку времён войны, обнаружили обрез без курков. Одним словом, какое-то было оружие. Это нас, мальчишек, особенно привлекало. Мы пытались щёлкать, смотреть. Но весь дом осмотреть я не успел, а мне захотелось это сделать. Кто-то гулял. Склон к озеру был очень крутой, сделали горку. Народ катался с горки, хохотал. Толян мой тоже пошёл куда-то бродить, то ли по дому, то ли куда-то на улицу пошёл. Дом был такой большой, что можно было в разных помещениях на разных этажах находиться и не встречаться.

Я, исследуя дом, залез практически на чердак. Посредине чердачного помещения были сделаны стенки, образующие комнату. Взглянув вверх, увидел, что это конёк крыши. По стенам этой комнаты были сделаны книжные полки и на них целая библиотека. Я смотрю, а это всё древние фолианты на немецком языке прошлого века, позапрошлого — тысяча семь-

сот какой-то год, Берлин, ещё какие-то города. Я немецкий не знал, но было очень интересно. Я повытаскивал несколько книг. А там томов, наверное, двести-триста. Покрутился в этой библиотеке и спустился вниз чайку попить.

Через какое-то время залетает Толян. Смотрю на него и вижу, что на нём, обычно говорят, лица нет, а на нём наоборот — пять лиц, потому что он светится даже не счастьем, а непонятно чем. И вид у него такой, как будто он только что клад нашёл либо ангела увидел. Одним словом, поразительный вид. Толян подбежал ко мне, оглянулся, мы с ним были в комнате вдвоём, и говорит: «Серёга, ты наверху был?» — «В библиотеке что ли? Конечно, был». — «Ты там нашёл немецкие?» Я киваю головой. Увидев, что я кивнул головой, он продолжает: «Восемь штук». А здесь получилась поразительная вещь. Понятно, я рассказывал, что книг там было штук двести, но, когда Толян сказал, что немецкие и восемь штук, он ещё не назвал чего именно, но я понял, что речь идёт о пистолетах. Не знаю, почему это так, может из-за того, что мы здесь уже нашли какое-то оружие, а может из-за такого сумасшедшего вида Толяна я сделал вид, что то ли нашёл, то ли не нашёл, но сам потащил его за рукав, сказав: «Пошли».

Мы поднимаемся в библиотеку. Толян подходит к одной из полок, вынимает сразу несколько книг (а с этой полки книги я не вынимал), просовывает руку в образовавшуюся дырку, там оказалось пустое место, и вынимает большой почтовый ящик, и видно, что сверху ящика что-то лежит, завернутое в масляные тряпки. Дрожащими руками мы начали разворачивать тряпки и друг за другом вынули восемь пистолетов.

И мы увидели, насколько я помню по памяти, наган 1898 года, пистолет ТТ 39-го года, пистолет вальтер немецкий, по-моему 1938 года, парабеллум то ли 40-го, то ли 41-го года, дамский браунинг, ещё какие-то пистолеты, не помню, но из тех марок, что я знал, мне запомнились наган, вальтер, потому

что уж больно красивый, парабеллум, у которого специфическим образом затвор поднимается — горкой такой кверху, не как обычно у любых других пистолетов и револьверов. И ТТ тоже хорошо узнаваемый пистолет. Причём у большинства из них где-то были прямо в обоймах патроны, где-то даже в картонных коробках, где-то россыпью.

Мы посмотрели друг другу в глаза, молча завернули всё обратно, спрятали в ящик, задвинули книги и спустились с чердака. Думать мы больше ни о чём не могли, как только об этих пистолетах.

Когда все сели обедать, мы как бы невзначай начали обращать внимание на тот самый обрез, на винтовку без затвора. Короче, мы с Толяном быстро поняли, что Ромка не знает об этом тайнике. Видимо, этот тайник был отца мужа сестры. Не знаю, знала ли сестра и знал ли муж сестры об этом тайнике, для нас тоже осталось загадкой.

Нужно ли говорить, что, когда мы вернулись с этого пикника-похода, у нас с Толяном все мысли были только об этих пистолетах. И, конечно, мысль была не очень хорошая с точки зрения права, но для любого мальчишки понятная: мы хотели эти пистолеты забрать.

И вот мы с Толяном начали планировать, как это будем делать. Когда мы уходили с хутора и Ромка запирает дверь, мы обратили внимание, что один замок был врезной и потом ещё навесной. А ещё с детства у нас была так называемая «Тимуровская команда», потом мы были просто хулиганами и для нас никакого секрета не существовало, как открыть любой навесной замок. Поэтому мы очень внимательно посмотрели на ключ от врезного замка, поняли, что что-нибудь похожее найдём.

Начали думать, когда и как мы туда поедем. Решили это сделать, как сейчас помню, 23 февраля. Тогда этот день не был выходным днём. У меня сестра к тому времени то ли уже окончила институт, то ли начала работать. Она была химиком, и у

неё дома были очки с обычными стёклами. Мы решили: раз идём на такое опасное дело, то должны внешность немножко изменить. Более того, с собой взять одежду и одеться так, чтобы потом в этой одежде не ходить. В течение недели мы что-то придумывали с одеждой. Наступил этот день — 23 февраля, поехали вдвоём, не пошли в техникум. Одним словом, мы удачно съездили на хутор, все пистолеты забрали. Там же бросили жребий, так как котировались у нас два пистолета. И ему, и мне нравились наган и вальтер. По жребию выпало, что мне — вальтер, а Толян — наган.

Я жил в коммунальной квартире в большом каменном доме, а Толян жил тоже в коммунальной квартире, но в бараке. Там у него был подпол. Когда мы думали, что будем с этими пистолетами делать, Толян сказал, что никаких проблем, он в подпол их спрячет, и никто не найдёт. Забегая вперёд, скажу, что нашёл этот арсенал его старший брат, причём довольно скоро. А вальтер я взял себе. У меня в комнате, перегороженной для отца, был письменный старинный стол, представляющий собой тумбу, на которую накладывалась столешница. Между тумбой и столешницей был промежуток. Это был мой тайник. Но, думаю, что и мама знала про него, и Маринка. Когда я ещё курил, прятал в этом тайнике сигареты, спички, ещё что-то. Вальтер решил спрятать туда же.

Мы благополучно вернулись с хутора. Немножко опасались, ждали, вдруг кто-то, что-то. Ничего — тишина. Однажды пошли в поле, Толян взял наган, я — вальтер, помню, что в обойме патронов было восемь и то ли 22, то ли 21 — рассыпные. Чуть-чуть не хватало полностью до трёх обойм. В поле взяли доску какую-то, выстрелили в неё, прострелили, убедились, что всё работает. Кстати, оружие было смазано и находилось в идеальном состоянии. Кроме этого случая, мы пистолеты никуда не брали, не доставали, ума хватило. Хотя искус иногда был, но всё-таки уже были поумнее. А потом я ушёл в армию. Два года отслужил.

И вот я возвращаюсь из армии и начинаю работать мастером-инструктором производственного обучения, мама меня устроила в военное училище. А окна комнаты на первом этаже, где я жил, выходили как раз на это училище. Когда мои одноклассники, поступившие в это училище, стали курсантами, они через мою комнату ходили в самоволку. У меня окно было открыто всегда (и зимой, и летом), в шкафу висела гражданская одежда. Они залезали практически в любое время дня и ночи, даже когда меня не было, переодевались в «гражданку» и через подъезд уже выходили на улицу Красной Артиллерии в гражданской одежде. Большинство из них жили в моём доме или в соседнем. Как правило, бегали в самоволку к маме блинов, пирожков, котлет поесть, домашней еды. Почему об этом говорю? Это потом будет иметь значение, что я жил на первом этаже и окна выходили на это военное училище.

Одновременно с работой я стал учиться в вечерней школе, потому что у меня не было законченного среднего образования, а летом я планировал поступать в любимый Горный институт. Тут нужно сказать, что после того, как я пришёл с дембеля, у меня родилась племянница Надюшка. Я вернулся 15 ноября, а 14 ноября родилась Надюшка.

Спустя какое-то время я вспомнил про свой пистолет, полез в тайник — пистолет был на месте. Я этому очень порадовался. Пистолет был в кобуре. Я как-то невзначай спросил Маринку: «Ты ничего не находила у меня в комнате?» Маринка сразу ответила: «Ты про пистолет, что ли?» (Я чуть со стула не упал, думал, что она не знает.) А она продолжает: «Если бы ты, брат, знал, какая история с твоим пистолетом случилась, ты бы меня так спокойно не спрашивал». — «А что случилось?»

Оказывается, когда она вышла замуж (а вышла замуж, когда я был в армии), замечательный её муж Гена решил как хозяин исследовать своё новое жильё и вскоре нашёл писто-

лет и очень обрадовался. Работал Гена на Кировском заводе в горячем литейном цеху. И он другу по работе рассказал, что нашёл у брата жены пистолет — немецкий вальтер. Тот начал кланчить: «Ну что там брат, когда ещё с армии придёт. Дай мне, дай мне». А Генка спрашивает: «Зачем тебе?» — «Да просто хочу посмотреть оружие». Генка ему принёс. Тот у него забрал и не отдаёт.

Через какое-то время он Генке на голубом глазу говорит: «Слушай, ты знаешь, я всё думаю, может, этот пистолет взять и сберкассу какую-нибудь ограбить?» Генка, обалдев, спросил: «Ты что, с ума сошёл?» Когда Генка приехал с вечерней смены чуть ли не в час ночи домой, у него ума хватило со смешками рассказать обо всём Маринке, что такой дурачок у них на работе. Маринка, когда услышала, что пистолет отдан дружку, а у дружка ещё такие мысли... Нужно отдать должное моей сестре, я уже говорил, что она была правильным человеком, а самое главное, она понимала, что пистолет мой, хотя не знала, откуда он у меня, что если этот пистолет где-то всплывёт, то будет плохо для её любимого братика. Маринка заставила Генку ночью взять такси и поехать к этому другу. В дорогу ему было сказано: «Без пистолета не возвращайся!» Друг долго не хотел отдавать вальтер. Гена чуть с ним не подрался. Помня слова Маринки «без пистолета не возвращаться», всё-таки он сумел забрать пистолет. Потом Маринка с Геной положили его в то место, куда я его перед армией спрятал.

После армии я совершенно по-другому смотрел на оружие, тем не менее, понимал, что по уму пистолет нужно сдать. Я вернулся из армии, а Толян продолжал служить в танковых войсках где-то на севере Карелии. Он мне изредка присылал письма. Я понимал: если расскажу про этот пистолет, всплывут другие. А что у Толяна с оружием, я не знал. Решил, что дождусь, когда из армии вернётся мой друг, и мы что-либо придумаем.

И вот я работаю мастером производственного обучения. Что это такое? Дело в том, что на тот момент училище было средним, а не высшим, там готовили офицеров. Они должны были уметь всё, в том числе хорошо владеть слесарным и токарным делом. В нашем училище радиоэлектроники были мастерские, в которых стояли токарные и слесарные станки. Мы получали различные заказы: то парты делать, то модели самолётов или ракет. В мастерской, где я работал, были ещё два опытных мастера. Я гордо именовался, как и они, мастером производственного обучения, потому что мы должны были обучать курсантов.

В этой мастерской на подхвате были двое солдатиков срочной службы. Они приходили убирать стружку, раскладывали инструменты. Как-то я обратил внимание, что один из этих бойцов что-то вытачивает, прикручивает, мастерит. Подхожу и вижу, что он выточил модель пистолета, которую теперь полирует, доделывает. Пугач такой делает. У меня чуть рот не открылся сказать: «Что ты тут ерундой занимаешься, вот у меня есть настоящий вальтер». Слава Богу, я был гвардии старшим сержантом ВДВ, уже умным. Я знал, что про такие вещи никому говорить нельзя. И что интересно: несколько раз видел его с пугачом, и при этом боец заводил разговор о пистолетах: а как было бы хорошо иметь настоящий, а как бы пулнуть. Прямо скажем, что эти разговоры становились назойливыми. Я обратил на это внимание, лишний раз подумав, что правильно сделал, не сказав ничего про свой пистолет.

Была зима. Дня через два после того, как вот этот солдатик крутил на моих глазах свой пугач, выхожу с работы и вижу одного гопника из прошлой жизни. Это был друг старшего брата Толяна, я его узнал. Он подходит ко мне и заводит такой разговор: «Серёга, ты помнишь меня?» — «Помню, да». — «Ты знаешь, брат Толяна сейчас в тюрьме сидит, Толян в армии, но я знаю, что вы с Толяном стащили откуда-то пистолеты. Эти пистолеты Женька (старший брат Тольки) нашёл. Один отдал

мне, другой ещё куда-то. Короче, меня прихватнули с этим пистолетом, и я сказал: где остальные пистолеты, не знаю, а вот откуда у Толяна пистолеты, знает его друг... И сказал про тебя». Я выложил всё, что думаю про него. Зачем он меня туда приплёл? Понял, что дело непростое.

Это был как раз тот год, когда в Пушкине проводились штабные командные учения нашей советской армии. Должен был приехать чуть ли не министр обороны Гречко или ещё кто-то. Видимо, КГБ проверял всё в этой связи: вдруг у кого-то есть оружие. Навели большой, как говорят, шухер. КГБ, похоже, хорошо копался и вот до чего докопался.

В тот же день после встречи с гопником я пришёл домой, Маринка кормила Надюшку, которой было месяца два-три. Я отозвал Маринку и предупредил: «Маринка, на всякий случай, — вот такая история. Мне это всё не нравится. Давай-ка мы с тобой вот о чём договоримся. Помнишь, ты мне рассказывала про то, как на пароходе ездила летом по путёвке на Валаам, когда я был в армии?» — «Да». — «Так вот, давай договоримся, что когда я был в армии, ты делала в комнате генеральную уборку и нашла под столешницей пистолет. Ты очень испугалась, потому что не знала, откуда он у меня. А ты действительно не знала. Ты решила его выбросить, но не просто выбросить, а взяла его с собой на этот пароход и ночью, когда вы плыли на Валаам, где-то посреди Ладожского озера ты его выбросила за борт».

Почему я так сказал? Потому что понимал, если сказать, что в Неву выбросили пистолет, то будут искать водолазы, а в Ладожском озере искать не будут. Я спросил Маринку: «Запомнила?» — «Запомнила. Серенький, а я всё хотела спросить: откуда у тебя пистолет?» Я дословно ей сказал: «Маринка, запомни, меньше знаешь — крепче спишь. Тебе это абсолютно знать не надо и вообще тебя не касается. Договорились? Может, тебя кто-то будет спрашивать или ещё что-то, ты ответишь так». Она испугалась: «А кто может спросить?» Я от-

ветил: «Не волнуйся, может, никто не спросит». И, слава Богу, что я это всё сказал.

Через три-четыре дня после всех этих событий где-то примерно в обед кто-то зашёл к нам в мастерскую и сказал: «Миронов, тебя в штаб вызывают». Ну, в штаб, так в штаб, там у меня мама работала инструктором партучёта, я прекрасно знал, где штаб находится. Удивился только: зачем? Мне ответили, что неизвестно, сказали, чтобы пришёл. Я подумал, может, характеристику мне готовят, потому что я собирался в институт поступать. Но, правда, ещё вечернюю школу только должен был весной окончить.

Пошёл, ни о чём особо не думая. А училище у нас радиоэлектроники ПВО, поэтому погоны у всех чёрные и на эмблемах пушечки скрещенные. Когда зашёл в кабинет, в который мне сказали, вижу: сидят два офицера — один капитан, другой — старший лейтенант, и у них красные погоны, то есть офицеры не нашего училища. Как только это увидел, у меня почему-то сердце ёкнуло.

Мне предложили сесть. Я сел. По-моему, капитан говорит: «Сергей Михайлович, мы знаем, что вы служили в воздушно-десантных войсках. Расскажите, пожалуйста, всё, что знаете по поводу пистолетов, которые есть, насколько мы знаем, у вашего друга Анатолия Григорьева, если у вас было или есть оружие, тоже скажите». Я рассказываю, что был грех молодости, на хуторе таком-то мы нашли восемь пистолетов и забрали их. Один вальтер я забрал себе. Остальные взял себе Толян, что с ними, я не знаю. Что касается моего пистолета, моя сестра его нашла и выбросила в Ладогу. И очень правильно сделала. Они сказали: «Хорошо, а теперь давайте поедем к вам домой. Сестра дома?» — «Да, дома». — «Мы хотим с вашей сестрой поговорить». Мне стало не по себе, но что делать.

Мы выходим из КПП, и я вижу, очень запомнилось, стоит грузовая машина с фургоном, чуть ли не «воронок», а рядом с водителем в кабине сидит тот самый солдатик, который в

мастерской работал и три дня крутил передо мной макет пистолета. Я понял, что не просто так крутил.

И тут с ужасом вспоминаю, как накануне доставал пистолет из-под столешницы, чтобы завернуть его в какую-то портянку, засунуть в валенок и перепрятать в выдвижной нижний ящик древнего шкафа, который стоял у меня в комнате. Я реально думал в ближайшее время выбросить пистолет, понимая, что сто лет он мне не нужен и что пахнет жареным. А самое главное — я не помнил, были у меня в этот момент задёрнуты шторы или нет. Как я уже говорил, моя комната хорошо просматривается со стороны училища. Я попросил капитана не ехать ко мне домой на воронке (что-то мне это не очень нравилось), потому что дом за углом. Мы приходим, я звоню в дверь, открывает Маринка. Увидев двух офицеров с незнакомыми погонами (потому что мы привыкли к чёрным погонам), Маринка перепугалась. Офицер её спрашивает: «Я правильно понимаю, что у вас здесь две комнаты?» Один офицер со мной прошёл в мою комнату, другой остался с Маринкой.

Мы зашли со старлеем в мою комнату, а комнатка маленькая. Он садится на диван, я сел рядом с письменным столом. Офицер положил ногу на ногу и, качая одной ногой, сапогом стал ударять по ящику шкафа прямо в то место, где лежал пистолет, продолжил расспрос: «А вы уверены, что ваша сестра нашла пистолет и его утопила?» Тут же у меня пронеслась мысль: а вдруг в окно было видно тому бойцу, который вытаскивал свой пугач, что я доставал пистолет? Тем не менее, чтобы не подводить Маринку, абсолютно спокойно сказал: «Да, это правда».

Мы сидим, разговариваем. Открывается дверь, появляется капитан с исписанными листами бумаги. За его плечом я вижу испуганную Маринку. Этот капитан показывает старлею исписанные листки, указывая на какую-то строчку. Тот читает, поворачивается ко мне и спрашивает: «Ну как же так, Сергей Михайлович, вы рассказывали, что поделили пистоле-

ты с Григорьевым, семь он взял, один вы, а ваша сестра говорит, что вы все пистолеты закопали в лесу».

И тут у меня реакция была, которую нельзя сыграть, и Станиславский мне бы на сто процентов поверил, потому что я что есть мочи, несмотря на то что Маринка — кормящая мама, заорал на неё: «Маринка, ты что, дура? Когда я тебе такое говорил? Ты понимаешь, что меня сейчас в тюрьму посадят?» Маринка зарыдала: «Тьфу на тебя, я запуталась, ничего не помню, ничего не знаю!» Действительно, ни эту истерику, ни мою реакцию было не сыграть. К чести офицеров КГБ они поняли, что, по крайней мере, ни про какие закопанные пистолеты в лесу я сто процентов не говорил, это такая фантазия у Маринки. Я спросил: что будет дальше? Мне ответили: «Дело прошлое, вы отслужили, пистолета нет. Если бы мы его у вас нашли, наверное, были бы какие-то реакции, а так ничего. Учитесь, будьте законопослушным гражданином».

Когда они ушли, я напустился на Маринку: «Ты чего, с ума сошла!» — «Хоть убей, но мне почему-то вспомнилось, как ты мне сказал, что вы пистолеты с Толяном в лесу закопали».

Чуть ли не в этот же вечер, когда стемнело, вынес в старом валенке пистолет, забросил в сугроб, но заметил место. Потом позвонил своему армейскому другу, который жил в Пушкине. Мы договорились с ним, чтобы он пришёл и забрал валенок с пистолетом из сугроба. А потом мы с ним поехали на электричке в Питер. Потом, как сейчас помню, пошли на один из мостов, и с этого моста я лично выбросил пистолет вместе с валенком, чтобы навсегда забыть эти страсти-мордасти.

Вот такая детективная история, как из-за своей огромной любви к братику сестрёнка чуть не подставила его. А братик, конечно, шалопай. Теперь-то я понимаю, что сто лет не нужны никому эти пистолеты. А тогда мне было семнадцать лет, ветер в голове, и хотелось крутые мужские игрушки в руках подержать, благо они оказались только игрушками.

И слава тебе, Господи!

Воспоминания племянника Владимира Болдырева — сына моей сестры Марины

Я, Болдырев Владимир Геннадьевич, родился 19 апреля 1977 года в Ленинграде. После окончания школы поступил в ЛИТМО и окончил его в 1999 году, по специальности — инженер, конструктор оптических приборов. В 2003 году окончил Государственный университет Санкт-Петербурга, юридический факультет, в 2008 году — Северо-Западную академию государственной службы, государственное и муниципальное управление, в 2012 году — Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, стал инженером-строителем в сфере промышленного и гражданского строительства. С 1996 года начался мой трудовой стаж.

В 2003 году работал в стенах Таврического дворца, в Межпарламентской Ассамблее стран-участниц Содружества Независимых Государств, с 2005 по 2010 год — в Администрации губернатора Санкт-Петербурга. С 2010 по 2014 год — в Северо-Западной дирекции реконструкции и строительства Министерства культуры РФ, группа «ЛСР», зам. главы Фрунзенского района, частная компания по монолитному строительству, и с 2015 года по 2020 год снова в Смольном.

В конце августа 2020 года губернатором Санкт-Петербурга назначен руководителем отраслевого органа исполнительной власти Службы государственного строительного надзора и экспертизы Санкт-Петербурга.

Детство...

Первые три года своей жизни я прожил с семьёй в городе Пушкине, коммуналку я, конечно, не помню, но, когда мы жили в Санкт-Петербурге, частенько ездили в гости к бабушке Маше и тётке Люсе, и меня всегда удивляло, как моя мама со своим братом, родителями Галиной и Михаилом умещалась на тридцати квадратных метрах коммунальной квартиры.

Приезжая в гости в Пушкин, мы всегда заезжали к бабушке Гале и Платонычу, ох, как всегда радостно нас встречали! У бабушки Гали ломился стол от вкусностей, включая её фирменное блюдо — маринованную корюшку!!! Бабушка Галя всегда меня брала в «охапку», целовала моё темечко и приговаривала: «Ну что, хулиган, что натворил за последнее время?» И обязательный ритуал после обильной трапезы — это прогулка по Пушкину и Екатерининскому парку в любое время года. Моя мама обожала Екатерининский парк, и пока мы с сестрой Надюшкой бегали и носились, мама степенно прогуливалась с чуть поднятой головой, заряжаясь и питаясь от духа этого парка. Значительно позже я осознал, что здесь, в парке, на этих тропинках мама находила умиротворение, и когда ей было тяжело, она всегда приезжала в город Пушкин.

Каждое лето до моего пятого класса мы обязательно ездили в поход, в Ленинградскую область или Карелию. На байдарках, дикарями, в палатках. Когда мои одноклассники ездили в Крым и в Сочи на Чёрное море, моя семья почему-то проводила время исключительно на озёрах в палатке.

Я всегда удивлялся мужеству мамы. Помимо всех сборов: рюкзаки, сумки, тюки с байдаркой (всё это тащилось на руках до электрички, а потом неизвестно сколько километров до водоёма, где собиралась байдарка), грузился весь скарб и мы сверху, потом сколько-то часов по воде в поисках стоянки, а потом — разбивка лагеря, установка палатки и в походных условиях трапеза. Мне, конечно, походы нравились: дикая

природа, костёр, рыбалка. В этих походах было главное — мы вместе, рядом проводили всё время. Но проводить свой отдых каждый год в палатке мне было непонятно. Почему мама не ездила на море? Хотя, конечно, море у нас было, Балтийское, куда мы иногда выбирались, — на эстонский берег северного моря. Но на моей памяти такого моря у нас было всего несколько раз.

Всю жизнь с мамой я прожил на Богатырском проспекте в Питере, жили бедно, да, наверно, как и 80% советского народа. У мамы были всегда странные приоритеты: вместо того, чтобы покупать новые платья себе или дорогие игрушки детям, она тратила все деньги на наше образование, на спорт, на музыкальные инструменты, в общем — всё на детей, а сама много лет ходила в стареньком пальто. Да и воспитанием в основном занималась мама, отец на трёх работах пропадал, в какой-то период вообще пропал из нашей жизни, правда, потом вернулся, но это другая история.

У мамы рука была тяжёлая, и её ремня я очень боялся. Доставалось мне часто. Как и все мальчишки, я хулиганил: то в школе затоплю второй этаж, то меня стогнали с крыш девятиэтажных домов, то мне вдруг после вечерних занятий в музыкальной школе захотелось пешком дойти до дома с Петроградской стороны до Приморского района. Я, конечно, дошёл глубокой ночью, и мама меня встречала с ремнём. Но мама на то и мама! Её теплые ладони я помню и сейчас, когда она меня прижимала к себе. Её голос суровый, когда я не слушался, и её голос ласковый и нежный, когда она мне что-то рассказывала или читала. Мама у нас в семье была главной, её слово было закон! И никогда мысли не возникало, что в один прекрасный день её увезет скорая и она уже не вернётся... и что наша квартира сразу опустеет без её энергии и волн её голоса.

В то лето 93-го моя жизнь разделилась на две части: детство с мамой и взрослая жизнь без мамы.

Мне было шестнадцать, готовился к одиннадцатому классу, когда вдруг мама стала отказываться от работы на грядках, она очень любила возиться со своей клубникой на даче. Со словами «я лучше полежу» она по несколько часов просто лежала, пока вдруг посередине недели не приехал отец и не увёз её... Через неделю отец появился со словами: «Мама заболела». Чем заболела, почему заболела — ответов мне никто не давал.

Начался учебный год, отец увёз маму в Москву на лечение, сестра осталась за старшую. Мне отец отдал часть своей работы — снимать свадьбы в Псковской области. Каждую субботу я садился в автобус и ехал в Гдов, где в местном ЗАГСе снимал регистрацию трёх-четырёх пар, а через неделю привозил цветные фотографии и продавал их по безумным ценам, а вырученные деньги отправлял отцу в Москву, для мамы... К ноябрю я уже, конечно, понимал, даже, наверное, уже и знал о страшной болезни мамы. В двадцатых числах ноября 1993 года я последний раз видел маму — на больничной койке в Москве: говорила тихо, была жутко худая. Она мне тогда сказала: «Обещай мне, что ты окончишь школу и поступишь в институт и обязательно его окончишь». Я сдержал обещание...

5 декабря в воскресенье вечером в нашей квартире раздался телефонный звонок. Звонил отец. Тихим голосом он сообщил, что мамы больше нет, и попросил купить билеты и приехать в Москву ...

Вернувшись в Питер и похоронив маму, я пришёл в школу с опозданием на урок или два, сидел в рекреации, ждал перемены. Ко мне подошла завуч школы с криком «почему не на уроке», но, посмотрев в мои глаза, резко замолчала и села рядом, спросив, что случилось. Я ответил: «Мама умерла». Вот тогда и закончилось детство, я резко повзрослел, глаза и взгляд изменились...

Воспоминания моей племянницы Надежды Тихоновой — дочери Марины

Мама. Характер

Моя мама, Миронова Марина Михайловна (Болдырева после замужества), — инженер. Она окончила Технологический институт и всю свою жизнь до самой смерти проработала в научно-производственном институте «Государственный институт прикладной химии» (известный в Петербурге ГИПХ).

Мама ушла рано, 5 декабря 1993 года. Ей было 45 лет.

Тогда моему брату было 16 лет, а я его старше на 3,5 года. И сейчас мы с ним иногда беседуем, и он говорит, что совсем ничего не помнит о маме, только отрывками. Может, потому, что ему было всего 16 или он не был так с ней близок — мальчишки же не всегда близки с матерями.

Но я очень хорошо помню маму. И постоянно о ней думаю. Каждый раз, когда я принимаю какое-то решение, политическое или семейное, или даже когда думаю, что мне сегодня надеть на работу, я представляю, что сказала бы мама. Это удивительно, но мне всегда хотелось соответствовать её требованиям, её понимаю вещей, её высокой планке. Для мамы не было никогда компромиссов ни в чём. Она делила на плохое или хорошее, чёрное или белое.

Мама была очень строгой. Мы с братом её боялись. Она была строгой в одежде, в поведении, во всём. Например, сидим мы на кухне, мама моет посуду, а я рассказываю ей про свою подружку. И говорю: «Мама, она такая дура, ха-ха-ха». Мама бросает тряпку, резко оборачивается ко мне и говорит: «Наденька, ну ты же девочка!» Даже слово «дура» вводило её в какое-то... непонимание, она считала это грубым словом.

Что уж говорить о нецензурной лексике, это было табу. Никто никогда в семье не выражался грубыми словами. Но это не значит, что мама была ханжой и никогда не слышала ругательств в своём детстве. Конечно, слышала. Но один раз она мне объяснила, что настолько наслушалась брани в своей молодости, и теперь не хочет слышать её в повседневной жизни.

Мама умела радоваться мелочам. Мы всегда бедно жили, никогда не было денег, но мы выросли так и не видели в этом ничего страшного. Жили бедно, но не чувствовали себя бедными или ущемлёнными в чём-то. Пришла зарплата, распределили её, и живём. И мама любила радоваться каким-то мелочам, недорогим вещам, которые доставляли ей удовольствие, — красивым бусикам, солнечному дню.

Например, дядя Серёжа (Сергей Михайлович) всегда присылал на день рождения маме какие-то маленькие подарочки: то это было серебряное колечко с каким-то синим камушком, то ниточка речного жемчуга. У меня до сих пор есть шкатулка, в которой я эти маленькие подарочки храню, и у меня они ассоциируются с мамой. Один раз, помню, дядя Серёжа привёз маме какую-то безумную монгольскую шапку, называется малахай. Она была из натуральной кожи и меха, тёплая, очень смешная, но мама её носила: носить было нечего тогда, поэтому и носила.

А ещё мама очень любила, когда светит солнце. Когда в нашем хмуром Петербурге выходило солнышко, мы сразу шли всей семьёй в парк гулять или кататься с горки, и у всех было отличное настроение. Поэтому сейчас хорошая погода у меня ассоциируется с маминой улыбкой и её хорошим настроением. Иногда я это воспринимаю как знак: если у меня важное событие запланировано и светит солнце — значит, день будет удачным и всё сложится как надо, значит, мамочка меня благословляет.

Мои увлечения

Хочу рассказать о своих детских увлечениях, которые родители всячески поддерживали и вообще сделали возможным, чтобы мы развивались и занимались спортом.

В детстве мы с братом занимались горными лыжами. Вы можете себе представить: советское время и горные лыжи. Это достаточно непопулярный, дорогой спорт, европейского уровня. Но мы с братом занимались, несмотря на бедность, хотя у нас не было костюмов и специального оборудования.

Тогда работали профсоюзы, и на мамином производстве были энтузиасты, которые создали горнолыжную секцию. Там занимались и взрослые, и дети. Конечно, родителям всё равно приходилось вкладываться деньгами. Особенно в поездки, потому что мы с братом тогда объездили все курорты того времени: Апатиты, Кировск, Чимбулак в Алма-Ате. Я даже несколько раз была в спортивном лагере в Адлере, там было очень интересно: нас забрасывали на вертолёте на снежник прямо в горы и мы там катались на естественном спуске. Там был самодельный подъёмничек, всё своими руками делали энтузиасты. Снег там не тает, он южный и крупный, мы порой сильно обдирали кожу. А ещё было так жарко, что можно было кататься в купальнике.

Но я хочу рассказать, какую роль в этом увлечении сыграла мама. У нас были тренировки три раза в неделю в Кавголово (Токсово). Я была в 5–6 классе, брат младше, и, конечно, родители возили нас туда. Машины у нас не было, ехать нужно было на перекладных, автобус шёл от Академической, там два часа торчать на этой горе, потом обратно. И это всё после работы. Помню, там была какая-то маленькая будочка на этой горе, и все родители у печки-буржуйки грели свои замёрзшие руки и ноги. Мне кажется, это сродни геройско-

му какому-то подвигу, вот так ездить туда-сюда три раза в неделю.

И всё это потому, что мама очень хотела, чтобы в нашей жизни было что-то удивительное, необычное. Я безумно ей за это благодарна, до сих пор я обожаю кататься на горных лыжах, и у меня вся семья катается, конечно, на любительском уровне, но иногда я им показываю класс и всегда маму за это благодарю.

Мама хотела в нас вложить всё самое прекрасное. Она считала, что музыка — это прекрасно, и поэтому дети должны учиться в музыкальной школе.

Параллельно с общеобразовательной школой мы с братом начали учиться в музыкальной школе, каждый в своё время. Я по классу гитары, брат по классу баяна. Мне не очень нравилось учиться в музыкалке, скажу честно, но общее музыкальное образование у меня есть.

И у меня осталась память об этом времени. В музыкальной школе обязателен общий курс фортепьяно, даже если ты учишься играть на другом инструменте, всё равно ты обязан пройти общий курс фортепьяно как отдельный предмет. Соответственно, дома надо иметь фортепьяно. В советское время купить «Красный Октябрь» — это было что-то почти нереальное, это больше чем 700 рублей. На минуточку, за 1000 рублей, по-моему, можно было купить жигулёнок, а может быть, ещё какую-то другую машину.

Уж не знаю как, накопили ли родители или взяли кредит, но дома у нас появилось фортепьяно. И с этим инструментом я не расстаюсь, хоть, скажу честно, играть сейчас уже не умею. Я перевожу его из квартиры в квартиру, таскаю из комнаты в комнату, но никогда не расстанусь. Это память о моей маме. Очень надеюсь, что когда-нибудь мои дети захотят научиться играть или будут хотя бы перебирать клавиши для своего удовольствия.

Мамины руки

Мама была выше меня. А ещё у неё были очень красивые руки. Эти руки я безумно люблю. Помню эту тонкую кисть с красивыми пальцами и очень красивым маникюром. Когда смотрю на свои рабоче-крестьянские ладони, всегда думаю: «Ну, ё-маё, почему у меня не такие красивые руки, как у мамы?» На самом деле я пошла в бабушку со стороны папы. Когда приезжала бабушка, я приложила к её ладони свою и сразу поняла, откуда у меня такие руки.

Я всё время завидовала и восхищалась мамиными руками. Очень любила держать их, целовать, гладить. Это было моим любимым занятием: если мы с мамой сидели рядом или куда-то ехали, я всегда хватала её за руки и начинала их гладить.

Бабушка Галя

Бабушка Галя прожила долгую жизнь, и это большое счастье. В бабушке я видела маму. В её глазах, интонации, в мимике — я всегда узнавала маму, которой мне так сильно не хватало. Это счастье, что бабушка стала для меня такой отдушиной, я всегда любила к ней приезжать, проводить с ней время и узнавать мамины черты в бабушкиных.

Мы с братом родились в Пушкине. И потом, когда мы уже переехали в Приморский район, мы с родителями почти каждые выходные навещали бабушку и её мужа. Тогда мы приезжали на электричке, а от вокзала уже шли пешком. Мы всегда обязательно заходили в Екатерининский парк. Бабушка жила на Конюшенной улице, раньше она вроде бы называлась улица Первого мая. И вот мы всей семьёй шли пешком, дождь ли на улице, снег — в любую погоду. Мы были вместе, и это было здорово. Пушкин — очень красивый и зелёный город, и он до

сих пор такой. Я любила и люблю там гулять, о чём-то думать, мечтать.

У бабушки с дедушкой на обед всегда была корюшка. Дед круглый год ездил на Финский залив, ловил корюшку, был знатоком подлёдной рыбалки и всего этого. И они замораживали корюшку, или мариновали с луком, или подавали гостям жареную — было всегда очень вкусно, и это запомнилось мне.

Всё, что я хотела запомнить в маме, я видела в бабушке. Но по характеру она очень сильно отличалась. Она добрая, весёлая, такая... хохотушка. Но мне так никогда не удалось стать с ней по-настоящему близким человеком. Я часто приезжала к ней, когда мамы не стало, мы созванивались, я старалась окружить её вниманием. Но сказать, что мы были близки, я, к сожалению, не могу. Не знаю почему. Может, потому что, когда мы были детьми, она с нами не проводила время. Она во второй раз вышла замуж. Так вышло.

Когда я была студенткой, тогда мамы уже не было, я, приезжая к бабушке, старалась всегда ей привезти какой-то гостинец, побаловать её. А бабушка, в свою очередь, всегда, прощаясь, старалась мне всунуть втихаря небольшую денежку, а иногда и очень большую, что хватало на гулянку со всей моей группой из института. Я всегда знала и чувствовала, что она очень меня любит, и всё, что она может сделать, сделает, чем может мне помочь — всегда поможет.

Бабушка Зоя

Мне всегда почему-то казалось, что мама больше похожа на бабушку Зою. Не знаю, почему, но вот этот стержень, строгость, какая-то властность, убеждённость в своих действиях и поступках, которые были в маме, я видела в бабушке Зое.

Для меня она бабушка именно в том смысле, в котором мы обычно воспринимаем слово «бабушка». Потому что когда

мама лежала в больнице и ей вырезали желчный пузырь, или когда мама уезжала в командировку, или когда они с папой куда-то ездили — мы всегда оставались с бабушкой Зоей.

Она приезжала к нам из Чудово и сидела с нами неделю, две. И другого такого человека у нас не было, когда мы были детьми. Она подхватывала в трудную минуту, когда родители не могли быть рядом. Я очень её люблю и помню всегда. Надо сказать, что, наверное, поэтому у нас и сложились очень близкие, тесные, родственные отношения с «таллинской» веткой. Благодаря бабушке Зое. Через неё стали ближе и моя тётя Надя, Иринка, её дети.

Когда бабушка Зоя жила у нас, мы с братом всегда были в курсе всех соревнований по видам спорта, которые связаны со льдом. Фигурное катание, хоккей — она была страстной болельщицей! Знала все расписания игр, всех игроков, тренеров, болела очень азартно. Никогда не забуду того, как она — вот не дай Бог! — пропустит матч. Она просто обожала фигурное катание, знала, как называются все эти пируэты, знала всё досконально про советский спорт. Это было совершенно удивительное хобби, я больше такого увлечённого человека в возрасте ни разу не видела в жизни. И я с ней вместе смотрела соревнования, хотя сама никогда не смотрела их на ТВ.

Кока

У моей мамы есть крёстная, тётя Надя. Это дочка бабушки Зои.

Мама всегда её называла «Кокочка», и меня это очень сместило. Надеждой меня назвали именно в честь крёстной моей мамы, Надежды Сергеевны. И вот, когда я уже выросла, я знала, что названа в её честь, и поэтому всегда пристально присматривалась к тёте Наде и её семье. И тогда мне всегда хотелось иметь такую же большую семью: у неё трое детей,

внуки, уже правнуки. И вот они все вместе собираются вокруг тёти Нади на даче, окружают её вниманием.

Когда я приезжаю в Таллин и оказываюсь в кругу большой семьи, я всегда говорю тёте Наде: хочу, чтобы и моя семья была такой же дружной и большой. Люблю там бывать, проводить время со своими троюродными братьями, сестрой.

Дядя Юра

Юрий Борисович Куньшин, которому 15 сентября исполнилось 75 лет, — это уже уржумская ветка нашей большой родни. Дядя Юра живёт в Кургане. Я с ним близко познакомилась, когда участвовала в избирательной кампании в Курганской области, жила у него дома несколько дней. Так как кампания длилась полгода, мы часто с ним виделись.

Дядя Юра создал совершенно уникальный музей народных инструментов. Он собрал самые разные инструменты со всей страны: разного времени, разного состояния. Но его музей уникален тем, что можно не просто посмотреть на экспонаты, а можно их взять в руки и проверить звучание. И дядя Юра как единственный экскурсовод в своём музее иногда на экскурсии всем раздаёт инструменты, и гости играют какую-то мелодию, как настоящий оркестр. Представьте: люди, у которых нет музыкального образования и, может, они ни разу не держали инструмент в руках, вдруг извлекают мелодичные звуки из какой-нибудь старинной дудочки или другого инструмента с диковинным названием. Это же так интересно!

Недавно стало модно создавать интерактивные музеи, а он это сделал давным-давно.

Сейчас этот музей уже признан и на уровне администрации города и области, входит во все путеводители и энциклопедии о Кургане. Я горжусь, что у меня есть такой уникальный родственник!

Дорога Памяти: начни с корня — доберёшься до вершины

Завершая книгу о своих корнях, не могу не обратить внимание на странное (а может, закономерное) совпадение. В 1937 году одного деда по линии отца расстреливают, а второй дед по линии матери почти в этом же году получает премию на ВДНХ.

Вот такие две судьбы, которые вольно или невольно пересеклись в непростом для нашей страны 37-м году.

Хочу сказать об одной мечте. Ведь такие «совпадения» и «пересечения» случались во многих семьях. Началось всё ещё с гражданской войны, а на самом деле с революции 1917 года. Раны эти, казалось бы, давно прошедших дней и лет, но они всё равно не зарубцовываются и кровоточат. И, наверное, когда-то нужно сделать шаг навстречу друг другу, навстречу братской памяти. Я мечтаю, чтобы, может быть, в обозримом будущем, где-нибудь в Подмоскovie, недалеко от замечательного монастыря в Новом Иерусалиме был бы построен храм, а от него — дорога Памяти, по которой каждый может пройти и положить свой камень в память о родных, о своих корнях — и со стороны тех, кто был по одну сторону баррикад, и со стороны тех, кто был по другую.

Мы живём в одной стране — в великой России, и такая братская память, память примирения, очень всем нам необходима именно сейчас.

Потому что — начни с корня, доберёшься и до вершины.

Во вступлении к моей книге «Серёга» мой друг народный артист РСФСР Александр Яковлевич Михайлов сказал: «Я хочу, чтобы больше говорили о наших корнях. Вот Серёга не видел мою землянку в Цугольском дацане, в монашеской келье: три с половиной на два с половиной метра. Келья в ту

пору уже пустовала, вросшая в землю, там печурку поставили, в ней я и родился. Я каждый год туда приезжаю к себе. Мне бы хотелось, чтоб он больше о своих корнях рассказывал, не о встречах в политике, потому что политики приходят и уходят, а о его деде, которого расстреляли, о семье. А его корни очень глубокие, интересные корни. Это корни, которые позволяют нам не бояться открытого боя».

Я тогда при встрече ему пообещал рассказать о своих корнях. И вот теперь своё обещание выполнил.

*Корнями вращаем в горячую Землю.
Ветвями вращаем в холодное небо.
В масштабах Вселенной мы тонкие стебли:
И мощные кедры, и вечные вербы.*

*Мы вечные вербы в руках перед Пасхой.
Садовник сажает, растём с каждым часом.
Становимся лесом, становимся массой.*

*Мы Землю ветвями выносим из плена,
Корнями своими мы держим Вселенную.
(Н. Тугаринова)*

СОДЕРЖАНИЕ

Я нашёл свои корни.... 4

ЧАСТЬ I. Мироновы. Из истории моего рода по линии

отца. События до 1941 года. 9

Агриппина. У истоков рода Мироновых 10

Емельян Еремеевич. Мой дед по отцу. 14

Школа (бывший дом «кулаков» Мироновых) 15

Рассказывает Гавриил Миронов. Брат отца 18

В кузне. 1928 год. «Учись быть хозяином» 18

Бунт Емельяна. 1918 год 21

«Варяг» 23

Революция и Гражданская война. Поле битвы
и поле памяти. 25

Михаил Емельянович Миронов. Рассказы отца 27

О вере и неверии. 1937 год в жизни моего деда 27

Ночные яблоки 28

Емельян Еремеевич. Мысли вслух. «От Полоски
до черты». 30

Документы по делу Е. Е. Миронова 31

Мой комментарий о 1937-м 36

ЧАСТЬ II. Варламовы. Из истории моего рода

по линии матери. События до 1941 года. 39

Рассказы Фёдора Никитовича Варламова. Отца моей
матери 43

Случай на пасеке 43

«Спичка — невеличка, а огонь великан»
(о случае на спичечной фабрике, где в юности работал
приказчиком Фёдор Никитич) 44

Из рассказов моей бабушки Дарьи Портянкиной.
Приданое невесты 50

Рассказывает Фёдор Никитович Варламов	55
Помещицьи яблоки	55
1937 год в Большой Любуни.	57
1939 год. Поездка на ВДНХ (ВСХВ). Высокая награда	60

ЧАСТЬ III. Великая Отечественная война 65

ВОЙНА МИРОНОВЫХ

22 июня 1941 года. Деревня Полоски.	66
Через месяц	68
Мой отец на Ленинградском фронте. Михаил Емельянович Миронов	70
Как погибли старшая сестра моего отца Анастасия Миронова-Юдова и её сын – младенец Валентин. . . 74	
Из воспоминаний о войне Марии Павловны Юдовой, моей двоюродной сестры по отцу	76
Мой дядя на фронте. Битва за Москву. Рассказывает Гавриил (Григорий) Емельянович	78
В боях под Наро-Фоминском. 1941-й год	78
В боях под Вязьмой. 1942 год	82

ВОЙНА ВАРЛАМОВЫХ

22 июня 1941 года. Деревня Большая Любунь	88
Из воспоминаний Надежды Сергеевны Корниловой. В оккупации.	93
Из воспоминаний Виктора Михайловича Варламова (Сказание о разорванном детстве).	97
Красная корова	98
Оккупация	98
Хочешь — беги, не хочешь — гори	99
Зеркало	101
Дневник моей мамы.	104
17 августа 1941 года	105
18 августа 1941 года	106

19 августа 1941 года	106
25 августа 1941 года	107
28 августа 1941 года	108
2 декабря 1941 года	108
5 декабря 1941 года	108
2 января 1942 года	109
2 февраля 1942 года	109
2 марта 1942 года	110
10 марта 1942 года	111
10 апреля 1942 года	111
1 мая 1942 года	112
21 июля 1943 года	117
29 января 1944 года	117
Март 1944 года	118
1 мая 1944 года	118

ЧАСТЬ IV.

«Всё, чего не расскажешь словами, Фотографии скажут про нас»	121
Галина Фёдоровна Варламова. Моя мама	122
Смерть мамы	130
Дневник мамы. Продолжение.	133
17 июня 1956 года	133
1 июля 1956 года	133
1 января 1957 года	134
24 декабря 1961 года.	134
14 июня 1965 года	135
Сестра Марина: «Я с тобой».	137
Из воспоминаний Эльзы Пяро — Куньшиной — Грязновой о своей матери — моей тёте Ане	148
Из воспоминаний моего двоюродного брата Игоря Карузе о маме и своём детстве	151

Мой путь (продолжение воспоминаний Надежды Корниловой)	153
Михаил Емельянович Миронов. Мой отец. Жизнь после войны	167
О дяде Саше по прозвищу Петля. Человеке необыкновенной сметливости и безрассудства	182
Тётя Фруза — сестра отца, пережившая блокаду.	186
Сестра моя Мариночка. Почти детективная история	194
Воспоминания племянника Владимира Болдырева — сына моей сестры Марины.	206
Детство...	207
Воспоминания моей племянницы	
Надежды Тихоновой — дочери Марины	210
Мама. Характер.	210
Мои увлечения	212
Мамины руки	214
Бабушка Галя	214
Бабушка Зоя.	215
Кока	216
Дядя Юра	217
<i>Дорога Памяти: начни с корня — доберёшься до вершины . . .</i>	<i>218</i>

Литературно-художественное издание

Миронов Сергей Михайлович

КОРНИ СЕРЁГИ

Подписано в печать 17.03.2023.

Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Гарнитура Petersburg.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-изд. л. 14.

Тираж 5000 экз. Заказ №

Сергей
Миронов

Серёга

Простые истории
наблюдательного парня

Сергей
Миронов

Корни Серёги

«Корни Серёги» — это ответ на многочисленные запросы читателей, обратившихся к автору «Серёги» — государственному деятелю, лидеру парламентской партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ЗА ПРАВДУ», руководителю фракции в Государственной Думе Сергею Миронову — с просьбой рассказать о своих предках: «Я дал обещание моему другу народному артисту РСФСР Александру Михайлову, многим читателям написать такую книгу.

По мере того как данные архивов, воспоминания родственников и земляков, семейные фотоальбомы с краткими заметками на оборотах фотографий складывались в отдельные сюжеты и фрагменты, являющиеся частью величественного полотна истории нашей страны XX, XIX, XVIII веков, я всё ярственнее стал различать на этом огромном полотне родные мне лица, осознавать значение каждого из них в моей собственной судьбе и в судьбе всего народа России. Наши корни укрепляют, питают, не дают сломаться каждому отдельному человеку и всему народу в периоды тяжёлых испытаний, дают силы выстоять и победить».

